

**ЯЗЫК
СОЗНАНИЕ
КОММУНИКАЦИЯ**

Выпуск 64

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. ЛОМОНОСОВА
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

**ЯЗЫК
СОЗНАНИЕ
КОММУНИКАЦИЯ**

Выпуск 64

МОСКВА – 2023

УДК 81
ББК 81
Я41

<https://elibrary.ru/rsvwvqg>

Редколлегия выпуска :

доктор филол. наук Е. Л. Бархударова; доктор филол. наук И. А. Бубнова;
доктор филол. наук И. В. Зыкова; доктор филол. наук А. И. Изотов;
доктор филол. наук В. В. Красных; доктор филол. наук Е. Ю. Мягкова

Рецензенты :

И. А. Бубнова – доктор филологических наук, профессор МГПУ;
Е. Н. Бекасова – доктор филологических наук,
профессор Оренбургского государственного педагогического университета

Язык, сознание, коммуникация : сборник статей : Вып. 64 /
Я41 Отв. ред. серии В. В. Красных, А. И. Изотов. – Москва : МАКС
Пресс, 2023. – 104 с.

ISBN 978-5-317-06978-0

<https://doi.org/10.29003/m3425.lmc2023-64>

Сборник содержит статьи, рассматривающие различные проблемы коммуникации как в свете лингвокогнитивного подхода, так и в сопоставительном аспекте, а также наиболее актуальные проблемы лингводидактики. Особое внимание уделяется национальной специфике общения, проявляющейся в особенностях ассоциативных рядов, коннотативного потенциала и восприятия художественных текстов.

Сборник предназначен для филологов – студентов, преподавателей, научных сотрудников.

Ключевые слова: фразеология, социолингвистика, лингвокультурологические исследования, идиома, лексикография.

УДК 81
ББК 81

Language – Mind – Communication : the collection of articles :
Issue 64 / Ed. by V. V. Krasnykh, A. I. Izotov. – Moscow : MAKS Press,
2023. – 104 p.

ISBN 978-5-317-06978-0

<https://doi.org/10.29003/m3425.lmc2023-64>

The present issue includes articles which consider the most important problems of Russian studies, lingual-cultural studies, sociolinguistics, psycholinguistics and language teaching.

Keywords: Russian studies, English studies, sociolinguistics, psycholinguistics, lingual-cultural studies, idiom, corpus analysis; lexicography.

ISBN 978-5-317-06978-0

© Авторы статей, 2023
© Оформление. ООО «МАКС Пресс», 2023

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

<i>Кульпина В.Г.</i> Понятие народа в современной русской и польской толковой лексикографии и в восприятии студенческой молодежи	4
<i>Кульпина В.Г., Сивова Т.В.</i> Об издательском проекте «лингвистика цвета: энциклопедический словарь»	26
<i>Кульпина В.Г.</i> Из полонистического наследия Самуила Борисовича Бернштейна на страницах ежегодника «Вопросы полонистики»	55
<i>Изотова А.А.</i> Образ красоты в романе Генри Джеймса «Женский портрет»	62
<i>Изотов А.И.</i> Языковой универсум чешского фильма <i>Lotrando a Zubejda</i> : титры vs. реплики повествователя и персонажей	81
Авторы выпуска / Authors	100

ПОНЯТИЕ НАРОДА В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ И ПОЛЬСКОЙ ТОЛКОВОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ И В ВОСПРИЯТИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ¹

В. Г. Кульпина

THE NOTION OF NATION IN CONTEMPORARY RUSSIAN AND POLISH EXPLANATORY LEXICOGRAPHY & IN STUDENTS' RECEPTION

Valentina G. Kulpina

ABSTRACT:

The article is devoted to some peculiarities of concept *narod* in Russian language and the concept *naród* in Polish language, presented on the lexicographical material of the explanatory dictionaries of contemporary Russian and Polish languages and on the material of the opinion poll. The contrastive analyses showed some distinctions of conceptualization and lexicographic and opinion poll's presentation of the notions in every compared language. There were explicated the reasons of differences connected with semantic evolution of the notion of every above mentioned languages.

Keywords: concept analyses; contrastive analyses; explanatory dictionary; Russian language; Polish language.

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена особенностям понятия *naroda* в русском и польском языках, представленном на материале современной толковой лексикографии и опросов студенческой молодежи. Сопоставительный анализ показал как сходства, так и различия в концептуализации и лексикографической и анкетной презентации понятия народа в каждом из сопоставляемых языков. Обсуждаются причины языковых расхождений в презентации понятия, связанные с его семантическим развитием.

---

¹ Публикация содержит материалы опубликованных ранее статей, посвященные двум аспектам понятия народа: Кульпина В.Г. Этнолингвистические очертания концепта НАРОД в русском и польском языковом сознании // *Wartości w językowo-kulturowym obrazie świata Słowian i ich sąsiadów*. Tom 5. Koncepty i ich profilowanie / Red. Stanisława Bartmińska, Dorota Pazio-Wlazłowska. Lublin: Wyd-wo Uniwersytetu Marii-Curie-Skłodowskiej, 2019. S. 181–200; Kulpina W. G. Pojęcie narodu we współczesnej leksykografii rosyjskiej i polskiej oraz w recepcji młodzieży akademickiej [Понятие народа в современной российской и польской лексикографии и в восприятии студенческой молодежи] // *Wokół pewnego cytatu / Zbiór artykułów pod red. Katarzyny Wojan*. Warszawa: Wydawnictwo BEL Studio, 2020. S. 183–194.

Ключевые слова: концептуальный анализ; сопоставительный анализ; толковый словарь; русский язык; польский язык.

Принятие сопоставительной перспективы для семантического описания параллельных концептов русского НАРОД и польского NARÓD призвано показать их сходства и различия в глубинных ценностных срезах, прояснить вопрос, в какой мере эти концепты сопоставимы и каковы перспективы такого типа сопоставительного анализа (см.: [Bartmiński 2016: 11]), и в случае их сопоставимости – определить, какие культурологические и ментальные проекции языкового сознания стоят за языковыми различиями.

О сущности компаративных исследований В.И. Карасик пишет следующее: «Сравнивая свое и чужое, люди выделяют значимые сходства и различия и дают различиям эмоциональную окраску. В этом смысле все свое признается нормой, а все чужое на обыденном уровне получает критическую оценку как странное, недостаточное, преувеличенное, опасное, смешное, уродливое и т.д. Сопоставительные лингвокультурные исследования по своей гуманитарной сущности представляют собой разновидность критической лингвистики, т.е. науки о языке, направленной на разоблачение предубеждений и построенных на предубеждениях коммуникативных манипуляций. При этом рациональное объяснение различий ни в коей мере не возвеличивает и не умаляет достоинства той культуры, с которой явно или имплицитно сравниваются другие культуры, в качестве отправного принимается тезис о принципиальном равенстве всех цветов на поле мирового сообщества. Задача состоит в том, чтобы установить системные (причинно-следственные и другие) связи между признаками, составляющими своеобразие той или иной культуры» [Карасик 2005: 5]. В наши дни обозначились перспективы таких исследований: «Изучение лингвокультурных концептов вышло на такой уровень, когда вполне реальной задачей становится создание концептуария культуры – словаря нового типа, объясняющего не значения слов (это делается в обычных толковых словарях), не научные понятия и реалии действительности (таковы функции энциклопедических справочников), а концепты, составляющие специфику определенной культуры» [Карасик 2009: 150]. Концептологические компаративные межязыковые исследования затрагивают проблемы большой значимости для гуманитарных наук, осциллируя вокруг проблематики ценностей как «важнейших ориентиров поведения, заложенных в концептосфере языка и проявляющихся в дискурсивной практике, т.е. в разработке проблем «аксиологической лингвистики» [Карасик: 2009: 361].

В данной статье, в соответствии с общей идеей выявления ценностных характеристик концептов в менталитете славянских народов, за точку отсчета принимается методологическая концепция, выработанная Люблинской этнолингвистической школой во главе с профессором Ежи Бартомиńским и представленная в том числе в статьях: [Bartmiński 2016; Бартомиńский 2021: 4–39]). Во главу угла в ней ставится проблематика ценностей: «Ценности составляют костяк каждой культуры, намечают направление человеческих стремлений, пробуждают эмоции» [Bartmiński 2006: 8]. О каких ценностях идет тут речь? Ежи Бартомиńский пишет: «Говоря о ценностях, я имею в виду то, что в свете языка и культуры люди считают ценным, не вдаваясь в детальные типологии ценностей абсолютных и субъективных, декларируемых или реально практикуемых. Таким образом, речь идет о признаках вещей, но также и о самих вещах – в том числе и о понятийных сущностях, позициях, состояниях и ситуациях, функционирующих в качестве «главствующих идей», являющихся предметом стремлений, желаний ими владеть, мотивирующих позиции и поведение людей, а также побуждающих их к действиям. Итак, я понимаю тут ценности в соответствии с обыденной философией» [Bartmiński 2003: 62]. В то же время ценности есть «культурные концепты, то есть аксиологически маркированные понятия, содержащие своеобразные культурные коннотации» [Bartmiński 2016: 9].

1. Лексическое значение и семантические связи русской и польской лексем *народ* и *naród* в общественно-политическом дискурсе

Народ – слово, обозначающее такого рода сообщество людей, есть, наверное, в любом языке. Оно является постоянной, стабильной частью языкового сознания этнонационального сообщества, средоточием общественно-политического дискурса. Что такое народ? Это некий совокупный субъект, состоящий из многих таковых, рассматриваемых не индивидуально, а как сумма их типичных черт и признаков. Тем не менее, об употреблении слов *народ* и *naród* можно говорить через призму явления персонификации: о народе часто говорят так, словно речь идет об одном человеке, наделенном желаниями, эмоциями, достоинствами, честью, но и недостатками.

Стоило бы обратить внимание на то, что интерпретация понятия народа находится во взаимосвязи с пониманием смежных (несинонимических) понятий *народных масс*, *народности*, *этноса*, *нации*, *национальности*, поэтому важно разграничивать эти понятия, определяя их пределы, что сделать достаточно сложно. Ближе всего к пониманию

концептуальной сущности народа стоит, наверное, определение, данное в «Словаре этнолингвистических терминов и понятий» М.И. Исаева: «1) в лингвокультурном плане то же, что *этнос* (см.); 2) в общественно-политическом и историческом планах: население страны, совокупность классов, наций, народностей, имеющих общую историческую судьбу; в бытовом плане – большая группа людей» [СЭПТ: 93]. В эту эмоционально и аксиологически заряженную дефиницию включены и *нация*, и *народность*. Субстанция концепта состоит из многих элементов, в том числе супраязыковых, как в приведенном определении М.И. Исаева. Слова *класс*, *нация*, *народность* употреблены в нем не столько в терминологическом, сколько скорее в народнопоэтическом смысле, т.е. с помощью приема концептуализации, а не терминологизации. Еще одно понимание концепта НАРОД содержится в «Философском энциклопедическом словаре»: «Связанная одинаковым происхождением и языком культурная общность людей, являющаяся подлинным и единственным носителем объективного духа...» [ФЭС: 284].

2. Характеристика системных источников

Словарной источниковой базой послужили прежде всего толковые словари современных русского и польского языков, а также данные опросов. Для анализа были отобраны многотомный (1–27–) «Большой академический словарь русского языка» [БАСЗ], том 11 под редакцией Н.В. Соловьева и Д.Н. Панкова [2008], однотомный «Большой толковый словарь русского языка» [БТС 1998] под редакцией С.А. Кузнецова и однотомный «Универсальный словарь русского языка» [БУС 2016] под редакцией В.В. Морковкина.

Из польских словарных изданий в качестве базовых были отобраны те толковые словари, которые современная польская лексикография относит к словарям современного языка. Это однотомный «Słownik współczesnego języka polskiego» (SWJP, 1996) ‘Словарь современного польского языка’, четырехтомный «Uniwersalny słownik języka polskiego» [USJP 2003 2] ‘Универсальный словарь польского языка’ под редакцией Станислава Дубиша, и двухтомный «Inny słownik języka polskiego» [ISJP 2000 том А...Ó] ‘Иной словарь польского языка’ под редакцией Мирослава Банько.

3. Дефиниции лексемы *народ* в словарях русского языка

Лексикографирование лексемы *народ* в словарях современного русского языка выглядит следующим образом.

3.1. Дефиниция *первого значения* в «Большом толковом словаре русского языка» [БТС] предстает как «1. Население той или иной страны» [БТС: 597]. Эта дефиниция созвучна в общих чертах дефиниции первого значения лексемы *народ* в толковых словарях С.И. Ожегова [СО] и С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой [СОШ]: «Население государства, жители страны» [СО: 333; СОШ: 391]. Аналогично см. в многотомном «Большом академическом словаре русского языка»: «Население государства, страны» [БАСЗ: 327]. Однако, со всей очевидностью, у носителей русского языка есть осознание того, что *народ* – это не только население страны, государства и его жители, а нечто гораздо большее и значительное – что это особая общность людей, и есть какие-то узы, которые связывают людей в такое сообщество, как народ, объединяемое отнюдь не только на основе территориальной, но и ментальной общности. Для объединения в сообщество *народ*, как подчеркивается в дефиниции М.И. Исаева, важно, что он имеет «общую историческую судьбу» [СЭПТ: 93]. Такая объединительная суть понятия народа проявляется в словосочетаниях *русский народ*, *polski naród* ‘польский народ’.

Современная лексикография русского языка располагает богатым арсеналом словарных изданий и методик толкования слов. В «Большом универсальном словаре русского языка» [БУС] под редакцией В.В. Морковкина *первое значение* лексемы *народ* дано в аналогичном русле, что в БТС и БАСЗ: «Люди, которые живут в какой-либо стране, государстве» [БУС: 584]. В то же время достаточно показательна сочетаемость лексемы в БУС: «Жизнь (жизненный уровень, благосостояние, единство, интересы, поддержка, недовольство, требования, мнение, труд, праздник, победа, представитель...) **народа**» [там же]. Если произвести замену формы родит. падежа *народа* на атрибут *народный*, то такая замена несогласованного определения на согласованное не повлечет за собой сколько-нибудь принципиальную смену семантики атрибутивной конструкции. Ср.: *народная жизнь, народный жизненный уровень, народное благосостояние, народное единство, народные интересы, народная поддержка, народное недовольство, народные требования, народное мнение, народный труд, народный праздник, народная победа, народный представитель*.

3.2. *Второе значение* в БАСЗ и БТС отсылает к понятиям нации и национальности, которые приводятся в качестве синонимов лексемы *народ*. Ср. дефиницию в БАСЗ: «Нация, национальность, народность, группа родственных племен» [БАСЗ: 327]. В иллюстративных примерах см. употребление лексемы *народ* во множественном числе – *народы*: «Аул. Так называются деревни кавказских народов. <...> Теперь народы

Севера сеют кормовые травы, сажают овощи...» [там же]. Оба примера относятся к народам России – и кавказские народы, и народы Севера. Хотя народ России во многих языковых употреблениях мыслится как единый, единая совокупность людей, тем не менее в языковой картине мира россиян всегда присутствует представление о множественности этносов, составляющих народ России, а также о регионах, преимущественно населенных разнообразными этническими группами и национальностями – *разными народами*.

В том же ключе описывается **второе значение** лексемы *народ* и в толковом словаре под редакцией С.А. Кузнецова: «Нация, национальность, народность» [БТС: 597]. Сравним дефиницию в БУС: «Устойчивое объединение людей, характеризующееся общим языком, культурой и единой территорией» [БУС: 584]. В БУС на первый план выходит **общность языка, культуры и территории**. Отметим вместе с тем, что об общности языка и культуры не говорится ни в БАСЗ, ни в БТС, а в языковой картине мира россиянина закодирована такая истина, что хотя население России владеет русским языком, который служит объединительным, цементирующим началом (см. об этом напр.: [Кульпина 1995: 148–151; Кульпина 2018: 53–63]), тем не менее он не для всех является родным, равно как и русская культура далеко не для всех российских этносов является их собственной культурой. Хотя, разумеется, в широком плане смело можно говорить об общности культуры России – вбирающей в себя всё изобилие национальных культур.

3.3. **Третье значение:** «Основная трудовая масса населения страны» [БТС: 597]. «Основная трудовая часть государства, страны» БАСЗ: 327]. «Люди которые трудятся, работают в какой-либо стране, государстве; народные массы» [БУС: 584]. Пример: *Трудовой народ* [БТС 597; БУС: 584].

3.4. В качестве **четвертого значения** дается достаточно распространенное в русском языке значение лексемы *народ*: «Люди» [БТС: 597] и примеры: *Огромная толпа народу. В театре было мало народа. Весь народ вышел на митинг* [там же]. См. в БУС: «4.0 зд. ед., собир. Совокупность многих, нескольких лиц, а также такая совокупность, объединенная каким-л. общим, характерным признаком. [...] *На празднике собралось много народу*» [БУС: 584].

В качестве объединяющего признака в данном случае выступает достаточно частотная *ситуация скопления людей*. Отметим, что значение совокупности такого типа является параметрическим, выделяющим количественные параметры объекта, и весьма частотным, ср.: *много народу, полно народу, масса народу, толпа/толпы народу, море народу*

и т.п., а также *весь народ*. В родит. падеже может быть употреблено окончание -у: народу, характерное для родительного разделительного, но может выступать и окончание -а, нивелирующее различия в падежной семантике родит. падежа муж. рода.

Ср. пример употребления родительного разделительного в поэтической речи: Перед Московскою заставой, – Стена народу, Тьма карет (...) Конец тяжелого похода, Незабываемые дни! Пришли на родину они, Они – среди своего народа. Чем встретит их родной народ? Александр Блок [СЯРП V: 101]. См. также в БУС: *Женщины – удивительный народ. Мальчишки – народ шумный*» [БУС: 584].

Приведенные примеры говорят о том, что здесь мы имеем дело со значением качественной характеристики объекта. Признаком такого значения (для презентации характерных свойств объекта) являются формы именит. падежа. См. употребление лексемы *народ* в «Словаре русской поэзии...» [СЯРП] в примере из Осипа Мандельштама: «Ах, люблю я поэтов! Забавный народ...» [СЯРП V: 103]. Аналогично в БАСЗ выделяется значение 4: «Люди, толпа людей. – *Что за народ? – крикнул он на людей, ...*» [БАСЗ: 327].

3.5. Лексема *народ* может обозначать также и не людей, а другие живые существа. В БАСЗ выделяется отдельное значение 5: «*Перен. Разг. О животных. ◇ Птичий, рыбий и т.п. народ*» [БАСЗ: 328].

4. Дефиниции лексемы *naród* в словарях польского языка

В польских словарях дефиниции лексемы *naród* ‘народ’ демонстрируют значительные отличия от таковых у русской коррелирующей лексемы.

4.1. Дефиниции лексемы *naród* в «Словаре современного польского языка» [SWJP] под редакцией Богуслава Дуная. В нем представлены значения I и II, разнесенные по разным словарным статьям:

4.1.1. *Первое значение*: – „**naród I** [...] „ogół ludności zamieszkującej dane terytorium (najczęściej państwo), mówiącej tym samym językiem, mającej tę samą kulturę i świadomość narodową oraz wspólną gospodarkę i politykę”: *Naród polski, niemiecki, francuski. Naród znajdujący się pod okupacją, walczący o swoją wolność*” [SWJP: 571] ‘совокупность населения, проживающего на данной территории (чаще всего государство), говорящего на том же языке, имеющего ту же культуру и национальное самосознание, а также общую экономику и политику: Народ польский, немецкий, французский. Народ, находящийся под оккупацией, борющийся за свою свободу’.

4.1.2. И *второе значение*: „**naród II** [...] ludzie, tłum, ciżba”: Zebrało się mnóstwo narodu. Naród się tłoczył przed wejściem ‘люди, толпа, толчея: Собралось множество народу. Народ толпился у входа’ [SWJP: 571].

4.2. Дефиниция лексемы *naród* в «Ином словаре польского языка» [ISJP] под редакцией Мирослава Банько.

4.2.1. *Первое значение*, фиксируется как единственно актуальное: «Naród to ludzie, mieszkający na jakimś terytorium, mówiący przeważnie jednym językiem, związani wspólną historią i kulturą, mający wspólne interesy polityczne i gospodarcze» [ISJP A...Ó: 950] ‘Народ – это люди, живущие на какой-то территории, говорящие преимущественно на одном языке, связанные общей историей и культурой, имеющие общие политические и экономические интересы’.

В данном определении подчеркивается характер общности людей – языковой, историко-культурной, общественно-политической и экономической.

4.2.2. *Второе значение* лексемы *naród*, представленное в указанном словаре – «люди, проживающие на какой-то территории, особенно в деревне» [ISJP A...Ó: 950] [там же], отмечается как устаревшее. Приводятся иллюстрации: „A w lesie narodu było pełno... Wyginęło tu narodu, oj, wyginęło...” [ibidem] ‘А в лесу народу было полно... Погибло тут народу, ой, погибло...’.

4.2.3. См. дефиницию *первого значения* из «Универсального словаря польского языка» под редакцией Станислава Дубиша: «ogół mieszkańców pewnego terytorium, mówiących jednym językiem, związanych wspólną przeszłością oraz kulturą, mających wspólne interesy polityczne i gospodarcze» [USJP 2: 836] ‘Совокупность жителей определенной территории, говорящих на одном языке, связанных общим прошлым и культурой, имеющих общие политические и экономические интересы’.

4.2.2. *Второе значение* лексемы *naród* в словаре USJP снабжено пометой *przestarz.* ‘устар’ и эксплицируется как „ludność, lud, tłum” ‘население, люд, толпа’ [ibidem 2: 837].

Во всех трех дефинициях первого (актуального) значения лексемы *naród*, зафиксированного в словарях современного польского языка, речь идет о народе как о языковой общности, при этом в «Ином словаре...» под редакцией М. Банько говорится о людях, *преимущественно* говорящих на одном языке.

5. Дефиниционно-семантические различия лексем *narod* и *naród* в словарях

Дефиниции лексем *narod* и *naród* имеют значительные семантические отличия: из российских словарей *языковая общность* как признак народа упоминается лишь в дефиниции БУС. Различия в лексикографических описаниях, как представляется, стоит искать в языковой ситуации, складывавшейся веками в России, и ее детерминантах, среди которых – многонациональный характер российского государства. Русский язык выполняет в России безусловную цементирующую функцию. Тем не менее у каких-либо этносов России родной язык может быть и другим, что не мешает им быть неделимой частью русского народа (отсюда общность языка не трактуется как критерий принадлежности к одному народу).

В свою очередь в словарях польского языка общий язык является частью дефиниции народа. Поскольку в Польше принято считать польское общество лингвистически единым, соответственно, языковая общность в дефиниции народа включается. И таким образом, дефиниции лексемы *narod* и, соответственно, составляющие концепта НАРОД в польском и русском языках отражают специфику языковой и социоэтнической ситуации в обеих странах, а потому являются этносоциолингвистически маркированными.

Для польского языка в качестве актуального в двух словарях, [ISJP] и [USJP], представлено лишь одно значение лексемы *naród* (как крупной совокупности людей). Значение же этой лексемы как «локальной группы людей» [ISJP А...О: 950], вполне актуальное для русского языка (см.: «собралось много народу»), обозначено в двух словарях современного польского языка как устаревшее: „*przestarz.* «*ludzie, ludność, lud, tłum*»: *Na targ zjechało dużo narodu* [USJP 2: 837] ‘устар. «люди, население, люд, толпа»: *Na ярмарку съехалось много народу*’.

Для польского языка собирательная семантика небольшой группы местного населения в качестве актуального значения (см. в двух приведенных выше словарях) не указывается. В аналогичных контекстах с собирательной семантикой в польском языке выступает не слово *naród* ‘народ’, но слово *ludzie* ‘люди’. Для русского языка употребление лексемы *народ* в сочетаниях с собирательной семантикой типа *толпа, полно, уйма* и т.п. является вполне актуальным и частотным.

Шутливо-ироническая семантика, присущая русской лексеме *народ* в определенных контекстных условиях, польской лексеме *naród* в целом не свойственна. Хотя коннотации шутки, иронии в отношении других живых существ (не относящихся к человеческому сообществу) в поль-

ском языке возможны, но, будучи контекстно обусловлены, они не входят в словарную дефиницию лексемы. И таким образом, в польском языке семантика лексемы *naród* как крупного сообщества людей, составляющего население страны / государства, не имеет дополнительных коннотативных наслоений, естественных для русского языка.

6. Некоторые аспекты межъязыкового сопоставительного анализа семантики лексем *народ* и *naród*

Сопоставительным анализом охвачены лишь отдельные сегменты семантики лексем *народ* и *naród*, категориально выраженные в обоих языках или лишь в одном.

В толковании лексемы *народ* русского языка и лексемы *naród* польского языка проступают как значительные аналогии, так и различия не всегда контрастно выраженные, однако имеющие место, а их проявления могут быть весьма значимыми.

6.1. Сходства и различия в отношении лексем *народ* и *naród* к категория числа

Когда слова *народ* и *naród* употребляются в единств. числе, имеется в виду, как правило, *весь народ* – российский или польский.

Лексемы *народ* русского языка и *naród* польского языка, будучи употреблены во множественном числе, выражают семантику множественности не полностью идентичным образом. Так, о россиянах, например, возможна фраза (1) *народ нашей страны* и (2) *народы нашей страны*, и во втором случае речь может идти о многочисленных этносах, населяющих Россию. Словом *народы* обозначаются и народы, живущие в других странах. При отсутствии более широкого контекста лексема *народы* может быть отнесена как к народам России, так и к народам вне ее территории.

Примечательно, что в польском языке слово *narody* ‘народы’ всегда будет относиться к народам других стран (не Польши), так как по умолчанию подразумевается (и это находит свое отражение в языке и языковой картине мира), что в Польше проживает *только один народ* – польский, что обусловлено социопсихологическим контекстом. Хотя современная Польша не столь этнически однородна, как это могло бы показаться на первый взгляд, но такова сила традиции. Ср. пример из польского толкового словаря: «przedstawiciele obu zwasnionych narodów» [ISJP A...Ó: 950] ‘представители обоих конфликтующих народов’. Со всей очевидностью, речь в примере идет не о Польше, а о народах каких-то других стран. Примечательно, что в представлениях носителей

русского языка национальный состав Польша также выглядит единообразным.

6.2. Аксиология и этничность, выраженные словосочетаниями

Для русского языка этноаксиологически релевантным сочетанием является *дух народа*. Ср. пример из Блока: «О том, <...> Как в каждом зреет дух народа» [СЯРП V: 101]. Для польского языка не менее значима лексико-понятийная параллель *duch narodu* – см. дефиницию этого важного понятия: „Duch jakiegoś narodu to coś, co reprezentuje jego istotne i trwałe cechy, wynikające z jego historii i kultury” [ISJP A..O: 329] ‘Дух какого-либо народа – это нечто, что составляет его существенные и прочные черты, вытекающие из его истории и культуры’. В польском языке это сочетание выступает параллельно с сочетанием *duch narodowy* ‘национальный дух’ (см.: [USJP 1: 715; ISJP: 329]).

Для обеих лингвокультур этнолингвистически и аксиологически важны устойчивые сочетания *память народа / народная память / человеческая память – pamięć narodu / pamięć ludzka*. Значимость этих сочетаний закреплена многочисленными свидетельствами в общественных и политических дискурсах. См. пример из русского поэтического дискурса – из Осипа Мандельштама: «На священной памяти народа Англичанин духом не слышет, Развалит Европу их свобода, Альбиона каменный приход» [СЯРП V: 101]. См. также представление о прочности народной памяти, выраженное в общеизвестных пушкинских строках «Ко мне не зарастет народная тропа».

И в России, и в Польше символом памяти народа (народной памяти) является *Могила неизвестного солдата – Grób nieznanego żołnierza*. И в польском, и в русском языковом сознании закодировано, что здесь покоится *лучшая часть народа* – защитники родины, погибшие за ее свободу.

7. Сочетаемость лексем *народ* и *naród*

В сочетаниях с существительными *народ* нередко предстает как личность-монолит. Нередко такая семантика бывает выражена через приложение: *народ-герой, народ-созидатель* и др. под.

Лексемы *народ* и *naród* могут сочетаться с разными атрибутами и приобретать при этом разные параметры.

Для лексем *народ* и *naród* естественным контекстом является этнонимический атрибут – *польский народ – polski naród / naród polski, русский и российский народ – naród rosyjski*. Характерно, что в польском языке в синкретичном сочетании *naród rosyjski* нивелируется различие

между русским этносом и многоэтническим сообществом других народов России. Синкретичность, заложенная в языке, может приводить к синкретичной недифференцированности представлений о России и отсюда – к недопониманию существенных моментов в межъязыковой коммуникации.

Сочетаемость лексем *народ* и *naród* может служить сигналом дистрибуции лексем по параметру *свой – чужой* или же по-польски *swój – obcy*, реализуясь с помощью местоимений *наш, ваш, мой, свой* – польск. *nasz, wasz, mój, swój* и целого ряда других атрибутов. Лексемы *народ* русского языка и *naród* польского языка означают совокупность и общность *своих людей* или *наших людей* (польск. *swoi, nasi*), частью которых данный человек является – и что находит свои проявления в сочетании *свой народ, наш народ* – в отличие от совокупности людей, условно говоря, *не своих* и *не наших*. Эти значимости выражаются сочетаемостью – *наш народ, ваш народ, их народ, родной народ*. См. употребления польских местоимений с семантикой *свои*: „Sami swoi” (название польского кинофильма) ‘Только свои’; „Powiedz mi, kto tu nie jest nasz?” ‘Скажи мне, кто тут не наш?’ (Из польского кинофильма, посвященного противостоянию в польском обществе после окончания второй мировой войны).

См. примеры на употребление местоимений как сигналов принадлежности к *своим* или *чужим*: из Анны Ахматовой: «Я была тогда с моим народом, Там, где мой народ, к несчастью, был» [СЯРП V 102]; из Александра Блока о *чужом народе*: «Чужой народ вокруг толпится...» [СЯРП V: 101]; из Александра Блока: «Перед Московскою заставой, – Стена народу, <...> Незабываемые дни! Пришли на родину они, Они – среди своего народа. Чем встретит их родной народ?» [СЯРП V: 101].

Народ, который является врагом, может получать эпитет *вражий*. Ср. у Михаила Кузмина: «И вражий клонится народ» [СЯРП V: 100].

И таким образом, через употребление атрибутивных местоимений *наш, ваш, свой* и прилагательных *родной, отечественный – rodzimy, чужой* – *obcy, враждебный, вражий – wrogi*, осуществляется распределение смыслов на линии *свой – чужой*. Эти лексемы служат сигналами групповой принадлежности.

Сочетаемость с параметрическими прилагательными возможна в обоих языках: *большой, малый – duży, mały*: ср. *большой народ / малый народ*; ср., напр., малые народы – о малочисленных этносах.

Дистрибуция лексем в обоих рассматриваемых языках может осуществляться по количественному параметру *часть* и *целое*. См. из поэтического дискурса Сергея Есенина сочетание *весь народ*, обозначаю-

щее в данном случае какую-либо группу людей, воспринимаемую в ее целостности: «А как гаркну на проулке, Выбегает весь народ» [СЯРП V: 100].

Дистрибуция лексем может осуществляться по «возрастному» параметру: *молодой/старый народ*.

Важным моментом является наличие в семантике лексем *народ* и *naród* момента самоидентификации, что может проявляться в политическом публичном дискурсе, когда политик выступает от имени народа: *мы, народ* (но не **вы, народ*).

Сфера аналогий в сочетаемости лексем русского и польского языков чрезвычайно широка. Однако само употребление слова *народ* и его сочетаемость имеют определенные ограничения – как в польском, так и в русском языках.

8. Эквиваленты, аналоги и субституты лексем *народ* и *naród*

Лексемы-эквиваленты – это переводные пары в двуязычных и переводных словарях, нередко рассматриваемые как один и тот же типаж (см. [Wawrzyńczyk 2017]). Как пишет Ян Вавжинчик, «словарные статьи переводных словарей – это вид инструкций для пользователей. Это определенные порции переводной информации, сосредоточенной вокруг заголовочного слова. Эти порции – это двойки, пары слов, первый член которых относится к языку входа (языку, с которого переводят), а второй член относится к языку на выходе (языку, на который переводят)» [[Wawrzyńczyk 2017: 441]. В «Новом русско-польском польско-русском словаре» издательства PWN под редакцией Яна Вавжинчика мы находим следующие польские переводные эквиваленты русской лексемы *народ*: «1. ‘naród’; 2. (*нпрстой*) ‘lud’; 3. ‘ludzie’» [NSRPPR: 220]; аналогично в [WSPR:346]. В польско-русской части приводятся переводные эквиваленты польской лексемы *naród*, не являющиеся зеркальным отражением тех, которые приведены в русско-польской части, а именно: «1. ‘народ’; 2. (*в официальных высказываниях, в науке*) ‘нация’» [NSRPPR: 835], аналогично [WSRP: 413].

Приведенные эксцерпции из двуязычных словарей неопровержимо свидетельствуют о понятийных различиях и о различиях в польских и русских лексикографических описаниях *народа*, которые проявляются прежде всего в сфере функциональной стилистики.

Для лексемы *народ* русского языка и лексемы *naród* польского языка характерно большое количество лексем-заменителей, образующих корреляты (пары). С точки зрения несомой ими семантики они не являются синонимами; это скорее функциональные соответствия, заменители,

субституты. В словаре БУС в качестве синонимов приводятся лексемы *нация*, *национальность* [БУС: 584]. Среди коррелятов русского и польского языков имеются этнонимы, для которых функция обращения вполне естественна: *Россияне!* *Polacy!* 'Поляки!'. В функции обращения вполне естественно звучат лексемы *Земляки!* и *Соотечественники!* русского языка и *Rodacy!* 'Соотечественники!' польского языка. Польский адрессив *Rodacy!* может быть обращен ко всему польскому народу, но возможен и меньший коммуникативный охват.

Адрессив русского языка *Земляки!* имеет скорее более локальный охват, чем *весь народ*, а адрессив *Милы люди!* носит еще более локальный характер, служа обращением к небольшой группе лиц. Адрессив *Соотечественники!*, как правило, имеет своим адрессатом соотечественников за рубежом.

В современном польском языке зарубежных соотечественников называют *Polonia* и рассматривают как часть польского народа, проживающую за рубежом. Однако адрессив от этого слова для современного польского языка не характерен.

К сфере субституты понятия народа в обоих сопоставляемых языках относятся в том числе слова, близкие по содержанию, звучанию и внутренней форме, в том числе русс. *люди*, *люд* – польс. *lud*, *ludzie*; русс. *простой человек*, *обычный человек* – польс. *prosty człowiek* 'простой человек', *szary człowiek* 'обычный человек' (букв. 'серый человек').

В качестве лексемы-заменителя слова *народ* в русском языке выступает слово *граждане*, имеющее коннотации официальности; его польским аналогом является слово *obywatele*.

9. О пользе анкетных данных при дефиниции понятия народа

Для обсуждения анализируемых концептов и их словарных дефиниций показательны материалы «Анкеты аксиологического словаря» (ASA), опубликованной в томе «Язык, Ценности. Политика...» [Język i Wartości Polityka... 2005]. О пользе анкетирования в ней пишется следующее: «анкета, как и полевые исследования, то есть интервью с информантами, позволяет добраться до обиходных, обыденных знаний, показать общую культурную базу, присутствующую в общественном сознании, а также уловить не только качество, но и количество исследуемых языковых изменений в определенной среде» [Bielińska-Gardziel, Brzozowska, Żywicka 2017: 9] и в целом пролить свет на концептуализацию понятия народа [Żywicka 2006: 336–339]. Согласно данным специально разработанной «Анкеты аксиологического словаря» (ASA) от 1990 г. в определении к слову NARÓD первые места занимают **язык** и

история [Żywicka 2006: 338], дальнейшие места занимают *культурные достижения, культивирование традиции, патриотизм, национальное самосознание, единство, солидарность*. Указывались также такие идейные, патриотические, общественные признаки народа, как *суверенитет, независимость, работа на благо других людей* [ibidem: 338–339]. Герб, флаг и гимн рассматривались как национальные символы и знаки национальной идентичности.

В более позднем исследовании от 2000 года (по прошествии 10 лет) в образе *настоящего* народа на первые места ставились *сообщество; люди, которые образуют общество*. Общность языка занимает здесь уже не первое, но четвертое место, уступив места *сообществу, общей истории и патриотизму*: «значительно чаще акцентировался идейный аспект» [Żywicka 2006: 338]. Чаще всего анкетированные называли патриотизм, отождествляемый с любовью к родной стране и ощущение национальной связи. Некоторые различия в понимании народа обозначились в политической сфере: «в 1990 году молодые люди существование *настоящего* народа связывали с суверенитетом и независимостью, в 2000 году эти признаки вообще не были упомянуты» [Żywicka 2006: 339].

Подытоживая результаты обоих опросов, Ежи Бартмицкий подчеркивает, что «НАРОД проявлял в обеих анкетах большую семантическую стабилизацию и в то же время получал богатые и многоаспектные характеристики. [...] Из каких-то более интересных изменений стоит подчеркнуть, что в 2000 году сильнее акцентировался идеологический аспект (патриотизм членов народа)» [Bartmiński 2006: 19]. При этом дальнейшие исследования могли бы показать, насколько у польской молодежи развилось чувство европейского интернационализма, принадлежности к единой Европе. Б. Живицка полагает, что в словарных дефинициях данные такого рода опросов должны в какой-то мере находить отражение (см.: [Żywicka 2006: 338–339]).

И таким образом, по результатам опросов можно сделать вывод, что они могут быть весьма показательны с точки зрения формирования представления о том, как понятие народа выглядит в языковой картине мира данного языкового сообщества, какова значимость концепта НАРОД.

Из анкетирования, проведенного среди российской молодежи (50 анкет, в 2018 г. среди студентов гуманитарных и естественных факультетов) вытекает, что студенты в своих представлениях и рассуждениях опираются практически исключительно на видение собственного народа. Вместе с тем воспитание людей в СССР и в России в духе всеохват-

ного интернационализма находит свои проявления в восприятии понятия народа и у молодежи (не только у старшего поколения). Тем не менее российская молодежь с вниманием относится к своей национальной символике, что можно наблюдать в широком использовании символики государственного флага – триколора.

Во многих высказываниях респондентов присутствует мысль, что **народ является историческим, культурным и ментальным продуктом**. Это «общность людей, связанных между собой общей историей, традициями и обычаями, имеющих общие особенности менталитета, разделяющих каким-либо образом похожие жизненные ценности» [1]. Скорее как типичное звучит следующее определение народа: «группа людей, объединенная общим историческим прошлым, исторически и географически сформированным менталитетом, общим культурным наследием, одной картиной мира, общими ценностями» [9]. «культурная и территориальная общность, объединяющая людей своим происхождением, традициями и языком» [18]; «Для меня народ в первую очередь группа людей, объединенных своей культурой» [36]. В некоторых высказываниях общая история как признак народа возглавляет перечень признаков [18, 30, 35]. Но вместе с тем идеи глобализации (в одной из анкет) повлияли на представления респондента о народе: «Народ – это исторически сформировавшаяся группа людей, объединенная общей территорией проживания, культурой, традициями, группой языков. Мне кажется, народ как таковой остался в прошлом. В наше время глобализация понемногу вытесняет понятие народа и принадлежности к нему человека. Самое яркое выражение народного сознания относилось к временам легенд, сказок, преданий, к временам, когда народ лишь формировался» [44].

К относительно частотным относятся высказывания, в которых народ рассматривается как **этнически неоднородный продукт**: «Общность людей, относящихся к разным этническим группам и национальностям» [19]; «В нашей стране много национальностей [...]. Но всё-таки народ в нашей стране один и един, и это россияне» [2].

Говоря об **общем языке народа**, респонденты, тем не менее, не рассматривают его в качестве главного или одного из важнейших **признаков существования народа**: «Как правило, народ разговаривает на одном языке.» [30].

Подчеркивается **духовная общность и духовное родство** народа: «Слово народ означает общественно-историческое и духовно-мистическое единство, отмеченное глубинными свойствами народности [...]. Народ – понятие духовно-сокровенное. Его нельзя выдумать или

создать» [4]; «В народе есть что-то родное, поэтому духовную связь с народом, в культуре которого человек рос, воспитывался, отрицать невозможно. [...] Народ – это не сограждане, это что-то возвышенное, духовное» [16]; «Люди, относящиеся к одному народу, связаны общей историей, культурой, общими ценностями и некой духовной связью (единством)» [19]. Народ объединен «единым историческим духом, чувством совместной истории с представлением о совместном будущем. Народ – это люди, ощущающие себя семьей и соединенные единым духовным началом» [33]. «Народ – это несломленный дух, он есть в каждой культуре» [41]. Подчеркивается взаимопонимание людей, относящихся к одному народу [14]. «Народ – это люди с похожим менталитетом, мировоззрением, отношением к жизни и юмором. Несмотря на различия в социальном положении представители одного народа хорошо понимают настроения и стремления друг друга» [18].

Неоднократно в анкетах подчеркивается сплоченность и единство народа как его основное достоинства: «Народ – это люди, ощущающие себя *семьей* и соединенные единым духовным началом» [33]. «Важным качеством народа является сплоченность...» [36]. «Народ имеет силу лишь тогда, когда, когда люди, живущие в нем, живут в мире и согласии, сплочены вместе» [40]. «Со словом народ у меня также ассоциируются такие понятия, как «единство», «история», «сила» [42]. *Общность* может существовать несмотря на отсутствие общей территории: «Даже если люди в силу исторических или личных обстоятельств живут на большом расстоянии друг от друга, они все равно ощущают определенное единство. Это что-то менее научное и более общественное, или, вернее, менее привязанное к генетике. Народ не является четкой категорией, в каком-то смысле это ощущение» [36].

Немало участников опроса ставит во главу угла *территориальное единство* как признак существования народа. «Народ – это группа людей, проживающих на определенной территории и объединенных общими культурными ценностями, обычаями, общим бытом. Народ может быть многонациональным, но он все равно имеет нечто объединяющее их».

Как было показано ранее, для авторов словарей современного русского языка, территориальная общность может являться единственным критерием существования народа. Однако для участников анкетирования такой тип объединения людей не является самым важным, хотя и присутствует во многих анкетах, к примеру, в таком виде: «народ – это общность людей, проживающих в одной стране» [20]. Территориальная общность не рассматривается в анкетах как обязательное условие, что-

бы народ ощущал себя единым народом: «Представители одного народа необязательно проживают на территории одной страны. Главный критерий – общие культурные ценности, характер, все то, что отличает их от других народов» [37]: «Народ может быть разделен (т.е. проживать в разных странах), но при этом он может сохранять свои традиции, память о предках» [20]. Общая территория может вообще не указываться как признак существования народа в случае, когда народ рассматривается как группа людей, «обладающих чувством коллективной идентичности, индивидуумы, [ощущающие] себя как часть некой общности, имеющей свои отличительные признаки и историю» [22]. В некоторых анкетах народ рассматривается как семья, как коллективный субъект, как средоточие общих ценностей: «На мой взгляд, люди, принадлежащие к одному народу, уважительно относятся к своим соотечественникам, любят и всей душой ценят свою страну и ее общество»; «Народ также объединен общими ценностями и культурными традициями. По своей сути народ является такой же важной ячейкой общества, как и семья, и передает накопленный опыт и знания из поколения в поколение» [15].

В анкетах подчеркивается важность осознания народом своей общности и отличия от других народов: народ – это «группа людей, каждый член которой считает себя ее частью, чувствует свою принадлежность к данному языку и культуре» [25]. «Народ – устойчивая общность людей, связанных единым умом и культурой, а также осознанием своей общности...» [23]. «Народ – группа людей, объединенная общим языком, особым самосознанием, то есть члены этой общности должны осознавать себя в качестве народа, отличного от других народов...» [24].

Бытовой аспект существования народа не занимает первых позиций: «Для меня народ – это группа людей, проживающих на определенной территории и объединенных общими культурными ценностями, обычаями, общим бытом» [30].

Некоторые склонны в понятии народа подчеркивать патриотический заряд: «Для меня народ – это что-то патриотическое» [2]; «истинное значение этого слова, я считаю, перекликается с патриотизмом, чувством Родины и долга перед отечеством» [16]. Выделяются такие признаки народа, как: «уважительно относятся к своим соотечественникам, любят и всей душой ценят свою страну и ее общество» [15].

В некоторых анкетах в понятии народа выделяются телеологические компоненты: «Народ – это сила управляемая и управляющая. Народ – это группа лиц, объединенная определенными задачами и целями. В развитии народа заключается будущее человечества» [49]. «Каждый

народ – неотъемлемая ячейка общества, которая (каждая своим путем) приносит благо в нашу жизнь и способствует его процветанию» (28). «В руках народа судьбы людей, государств, человечества» [41]. Телеология жизни реализуется в анкетах на общем социокультурном фоне, при этом народ рассматривается как сообщество людей, «обладающих общими представлениями об устройстве мира и социума, разделяющих одну общую историю, развивающихся и живущих согласно своему темпу, разделяющих общие ценности и чувства по поводу той или иной категории событий, являющих собой сплоченное единство мыслей, взглядов, устремленных в будущее и готовых решать все возникающие проблемы и бороться с трудностями сообща» [10].

Значение локальной группы людей, регулярно выделяемое в толковых словарях русского языка, «заметили» лишь немногие респонденты [16, 26, 27].

Из проведенного анализа российских анкет можно сделать некоторые выводы. Респонденты сосредоточены прежде всего на общественной значимости понятия народа, принимая его за основу анализа. Часть анкетированных включает в понятие народа население одной страны. Однако для многих народ не замыкается в границах одной страны, а вопрос принадлежности к народу обусловлен чувством национальной и культурной идентичности, традициями, общим прошлым народа духом родства, взаимопонимания. О собственном образе российского народа, запечатленном в разного рода текстовых свидетельствах, см.: [Кульпина 2018: 53–63].

Чтобы выявить четкие очертания концептов *narod* и *naród* в обоих рассматриваемых языках, должен быть дополнительно предпринят детальный концептуальный анализ определенного круга источников, в том числе паремиологических (которые не были охвачены данной статьей), не только системных, но и текстовых на основе выработанных методик Люблинской школы этнолингвистики, Московской этнолингвистической школы, работающей под руководством С.М. Толстой, с учетом достижений других концептологических школ.

По результатам анализа концептов НАРОД и NARÓD можно констатировать, что в концептуализации понятия народа между русской и польской лингвокультурами имеется широкое поле аналогии. Так, в языковых картинах мира русского и польского языков и в содержании концептов НАРОД и NARÓD на первом плане находится представление о народе как о крупной совокупности людей, проживающих в одном государстве, живущих одной жизнью и считающих себя гражданами своей страны. Примечательно, что анкетированные в обеих странах более

всего сосредоточены на общественно-политической стороне существования народа, нередко оставляя «за кадром» своего внимания его бытовые грани. Судя по материалам анкет, в наши дни акценты расставляются в пользу исторической, духовной и культурной близости, общих ценностей и традиций, с акцентом на субъективное ощущение принадлежности к своему народу. По результатам анализа слова *народ* и *naród* русского и польского языком пробуждают высокие чувства, ассоциируясь с патриотической позицией.

Народ в русской и польской языковых картинах мира представлен как совокупный, обобщенный субъект, который тем не менее воспринимается как единый организм, наделяемый индивидуальными, но стереотипными признаками единичного субъекта. Понятие народа может быть отнесено к сфере высокого («**народ-герой**, **народ-победитель**, **народ-созидатель**...») [УСС: 303]. Народу свойственны разного рода эмоциональные реакции на происходящие события. У народа есть воля, желания, предпочтения и антипатии. Народ может быть *свой*, *наш*, *родной*, но бывают и народы *чужие*, *враждебные*. Под народом обычно понимается население определенной страны, определенного государства, сообщество, живущее единой жизнью в пределах одного государства. Под *народами* (множ. число от *народ*) в русском языке имеются в виду разные этносы своего государства или народы других государств. Для польского языка употребление лексемы *narody* означает, что всегда речь идет о чужих народах, пребывающих вне территории польского государства.

Для русской лингвокультуры общность территории не есть необходимый признак народа. Распад великой страны – СССР – неизбежным и очевидным образом оставил немалую часть народа вне материнских границ, отсюда в российских анкетах выступают подчеркивания и оговорки, что народ необязательно проживает на одной общей территории, в границах одной страны. В качестве связующего звена выступают история, культура, традиции, язык, духовная общность (*дух народа*), сходство взглядов и даже похожее чувство юмора и темп жизни.

Результаты анкетирования расширяют представления о том, что есть народ; они являются реальным, надежным источниковым материалом, поэтому их стоит учитывать в толковых словарях. Для аксиологических словарей такие данные являются необходимой частью обширной когнитивной дефиниции.

Для обоих анализируемых языковых ареалов народ – это те, кто любит свою страну, признают ее ценности и традиции, солидаризируются

с ними и солидарны с ее жителями, в общем, это люди *свои друг для друга*.

Анализ показывает, что социолингвистические особенности России и Польши и языковая ситуация в каждой из стран оказывают значительное влияние на представления о народе в обеих лингвокультурах. Понятие народа является исключительно важным для обеих лингвокультур; составляя в каждой разветвленный и значимый концепт, оно относится к высшим ценностям.

Литература / References

1. *Бартми́нский Е.* В какой степени этнолингвистика как дисциплина реализует определенную научную парадигму? (Перевод с польского языка В.Г. Кульпиной) // Язык, сознание, коммуникация. Выпуск 63. М.: МАКС Пресс, 2021. С. 4–39.
2. БАСЗ – Большой академический словарь русского языка / Гл. ред. *К.С. Горбачевич*; науч. координатор издания *А.С. Герд*. Т. 11 / Ред 11 тома *Н.В. Соловьев, Д.И. Панков*. М.; СПб: Институт лингвистических исследований РАН, 2005. 634 с. (Грант РГНФ, проект № 02-04-16177д).
3. БТС – Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред., руководитель проекта и сост. *С.А. Кузнецов*. СПб: Норинт, 1998. 1536 с.
4. БУС – *Морковкин В.В., Богачёва Г.Ф., Луцкая Н.М.* Большой универсальный словарь русского языка / ГИРЯ им. А.С. Пушкина; Ред. *В.В. Морковкин*. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2016. 1456 с. (Словари XXI века).
5. *Карасик В.И.* Иная ментальность // *В.И. Карасик, О.Г. Прохвятилова*. М.: Гнозис, 2005. 352 с.
6. *Карасик В.И.* Языковые ключи. М.: Гнозис, 2009. 406 с.
7. *Кульпина В.Г.* Россия как часть Европы и как вместилище разных этносов // Теория и практика преподавания русской словесности. Москва: МГУ, 1995. Вып. 1. С. 148–151.
8. *Кульпина В.Г.* Образно-символическая составляющая русского языка // Язык, сознание, коммуникация. М.: МАКС Пресс, 2018. С. 53–63.
9. *Кульпина В.Г.* Этнолингвистические очертания концепта народ в русском и польском языковом сознании // *Wartości w językowo-kulturowym obrazie świata Słowian i ich sąsiadów 5. Koncepty i ich profilowanie / Red. Stanisława Niebrzegowska-Bartmińska, Dorota Pazio-Wlaziłowska*. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2019. S. 181–200..
10. СО – *Ожегов С.И.* Словарь русского языка / Под ред. *Н.Ю. Шведовой*. Изд. 18-е, стереотип. М.: Русский язык, 1987. 797 с.
11. СОШ – *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М.: Азбуковник, 1997. 944 с.
12. СЭПГ – *Исаев М.И.* Словарь этнолингвистических понятий и терминов. М.: Флинта; Наука, 2001, 200 с.
13. СЯРП – Словарь языка русской поэзии XX века. Т. V: Н – ПАЯЦ / Сост. *Григорьев В.П., Шестакова Л.Л.* (отв. ред.), *Кулева А.С.* (ред.), *Колодяжная Л.И., Гук А.В., Фатеева Н.А.* Москва: Языки славянской культуры, 2017. 1016 с. (Studia philologica).
14. УСС – Учебный словарь сочетаемости слов русского языка: Ок. 2500 словарных статей. Институт русского языка им. А.С. Пушкина / Ред. *П.Н. Денисов, В.В. Морковкин*. М.: Русский язык, 1978. 688 с.

15. ФЭС – Философский энциклопедический словарь / Ред.-сост. *Е.Ф. Губский, Г.В. Кораблева, В.А. Лутченко*. М.: ИНФРА-М, 2005. 576 с.
16. *Bartmiński J.* Miejsce wartości w językowym obrazie świata // *Język w kręgu wartości*. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2003. S. 59–86.
17. *Bartmiński J.* Zmiany rozumienia nazw wartości w okresie transformacji ustrojowej w Polsce // *Język Wartości. Polityka: Raport z badań empirycznych* / Red. *Jerzy Bartmiński*. Lublin, Wydawnictwo UMCS, 2006. S. 8–35.
18. *Bartmiński J.* Aspects of Cognitive Linguistics / Ed. *Jörg Zinken*. London: EQUINOX, 2009. 254 p.
19. *Bielińska-Gardziel I., Brzozowska M., Żywicka B.* Wstęp // *Nazwy wartości w językach europejskich, Raport z badań empirycznych* / Red. *Iwona Bielińska-Gardziel, Małgorzata Brzozowska, Beata Żywicka*. Przemysł: Państwowa Wyższa Szkoła w Przemysłu, 2017. S. 9–14.
20. *ISJP – Inny słownik języka polskiego: W 2 t.* / Red. naczelny *Miroslaw Bańko*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2000.
21. *Język Wartości Polityka: Zmiany rozumienia nazw wartości w okresie transformacji ustrojowej w Polsce. Raport z badań empirycznych* / Red. *Jerzy Bartmiński*. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2006. 632 s.
22. *Kulpina W.G.* Pojęcie narodu we współczesnej leksykografii rosyjskiej i polskiej oraz w recepcji młodzieży akademickiej ‘Понятие народа в современной российской и польской лексикографии и в восприятии студенческой молодежи’ // *Wokół pewnego cytatu*. Zb. artykułów pod red. *Katarzyny Wojan*. Warszawa: Wyd-wo BEL Studio, 2020. S. 195–207.
23. *NSRPPR – Nowy słownik rosyjsko-polski polsko-rosyjski* / Red. *Jan Wawrzyńczyk*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2010. 1264 s.
24. *SFJP – Skorupka S.* Słownik frazeologiczny języka polskiego: W 2 t. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1967.
25. *SWJP – Słownik współczesnego języka polskiego* / Red. *Bogusław Dunaj*. Warszawa: Wilga, 1996. 1393 s.
26. *USJP – Uniwersalny słownik języka polskiego: W 4 t.* / Red. *Stanisław Dubisz*. Warszawa: Wyd-wo Naukowe PWN, 2003..
27. *Wawrzyńczyk J.* Z leksykografii polskiej i obcej. Szkice, uwagi, polemiki. Warszawa: Wyd-wo BEL Studio, 2017.
28. *WSPR – Wielki słownik polsko-rosyjski* / Red. *Jan Wawrzyńczyk*. Warszawa: Wyd-wo Naukowe PWN, 2005. 924 s.
29. *WSRP – Wielki słownik rosyjsko-polski z kluczem polsko-rosyjskim* / Red. *Jan Wawrzyńczyk*. Warszawa: Wyd-wo Naukowe PWN, 2004, 1362 s.
30. *Żywicka Beata.* NARÓD // *Język Wartości Polityka: Raport z badań empirycznych* / Red. *Jerzy Bartmiński*. Lublin, Wyd-wo UMCS, 2006. S. 336–339.

**ОБ ИЗДАТЕЛЬСКОМ ПРОЕКТЕ
«ЛИНГВИСТИКА ЦВЕТА:
ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ»**

В.Г. Кульпина, Т.В. Сивова

ABOUT PUBLISHING PROJECT “LINGUISTICS OF COLOR:
ENCYCLOPEDIA”

Valentina G. Kulpina, Tatyana V. Sivova

ABSTRACT

The article is devoted to the linguistic dictionary’s project “Linguistics of color’s encyclopedia”. There are discussed the main ideas of the linguistics of color: color worldview, linguistic studies of color’s perspectives. The dictionary includes some dictionary entries as a supplement which informs about linguistics of color and its branches and directions, about the categories of lexical class of color terms, fields of color, stylistic chains of color etc.

Key words: linguistic dictionary; dictionary entry; term of color; linguistics of color; linguistic worldview; Russian language

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена лингвистическому словарному проекту «Лингвистика цвета: энциклопедический словарь». Обсуждаются главные идеи лингвистики цвета: цветовая картина мира, перспективы лингвистических исследований цвета. Словарь содержит ряд словарных статей в качестве приложения, которое информирует о лингвистике цвета и ее отраслях и направлениях, о категориях лексического класса цветообозначений, полях цвета, стилистических цепочках цвета и др.

Ключевые слова: лингвистический словарь; словарная статья; цветообозначение; лингвистика цвета; языковая картина мира; русский язык.

Словарь является отраслевым словарем, в котором отражена история и современное состояние **лингвистики цвета как совокупности лингвистических исследований цвета и как сложившегося направления теоретического языкознания** в русскоязычном (и – несколько шире – славяноязычном) исследовательском пространстве). Лингвистические достижения в трудах авторов более дальних ареалов отражены в словаре в той мере, в какой они используются в отечественном языкознании

и близких к нему языковедческих кругах. Не вдаваясь в тонкости лексикографической презентации материала, в статье нам хотелось бы представить цели проекта и его основные идеи. Целевым назначением Словаря является систематизация знаний о лингвистических исследованиях цвета. Стремлением авторов является предоставить пользователю словаря систематизированные сведения о структуре лингвистических исследований цвета, понятийном аппарате отрасли и решаемых лингвистикой цвета проблемах. В лингвистике цвета и ее словарном облике находит свое выражение антропоцентризм языка как современной парадигмы языкознания, его этноцентризм и аксиологическая природа цветообозначения, его социокультурная и символическая значимость.

Главным объектом изучения в представляемой в Словаре проблематике являются *лексемы и фразеологизмы с семой цвета*, обозначаемые терминами *цветообозначения, термины цвета, колоронимы, колоремы* и др. под., объединяемые понятием *лексического класса как межчастеречной категории*, в составе которой на основе цветового компонента функционируют слова и словосочетания различной грамматической природы. Целью является *лингвофеноменологическое описание* объектов данного лексического класса, наделяемых цветом нашим языковым сознанием. Значимость такого описания обосновывается тем фактом, что колористическая семантика присуща языку в целом как системному явлению и включена в терминологии любой области знаний.

В данном издании авторам хотелось бы расширить представление лингвистического сообщества о *лингвистике цвета как направлении, тесно связанном с проблематикой лексической семантики, социо- и психолингвистики, лингвокультурологии, когнитивной этнолингвистики, феноменологии*. Это стремление находит отражение в презентации материала с точки зрения подходов, зафиксированных в этих областях языкознания, в том числе достаточно новых (как, например, психолингвокультурология и этнопсихолингвистика), составляющих перспективу освоения лингвистикой цвета новых ментальных пространств. В то же время Словарь составлен с учетом ряда грамматических явлений языка; описываются модели цветолексем и возможности их комбинаторики, структурно-морфологические типы и способы образования, функциональная дифференциация.

Цвет вербализуется языком – данным, конкретным, и воспринимается через призму этого языка. *Лингвистика цвета показывает, что в разных языках спектр членится по-разному, а в качестве прототипов – эталонов цвета в разных языках могут выступать разные*

природные и другие объекты (напр. этно- и лингвоспецифичные цвета русского языка *рябиновый*, *брусничный* и др.). Лингвистические аспекты цвета привлекли к себе широкий интерес отечественных исследователей в XX и XXI столетиях как результат накопления в русском языке большого количества терминов цвета и формирования системы цветообозначения. В то же время исследования цвета в языке имеют давнюю историю, уходящую вглубь веков. Отсюда широко представлены исследования цвета на почве истории цветообозначений, прослеженной от древнейших из доступных истоков до наших дней (см.: [Бахилина 1975; Грановская 1964; Кезина 2010]), зафиксированные в том числе в словарных изданиях: ([Аникин 2007–; Фасмер 1986]). Исследования цвета в диахронии проводились в России достаточно давно; монографическое же исследование в этой области увидело свет в России в XIX веке (см.: [Шерцль 1884]).

В наши дни в России исследования цвета в языке получили широкое развитие, и уже давно возникла необходимость в систематизации знаний в этой области в рамках энциклопедического издания. Лингвистика цвета показывает смещение интереса исследователей **от онтологии цвета к ментальным аспектам** жизни терминов цвета в языке.

Лингвистические исследования цвета ведутся во многих направлениях, естественных для данной отрасли знаний, что отражается в соответствующих словарных статьях Словаря. Вместе с тем, как показывает лингвистика цвета, сложилась уже своего рода традиция изучения явлений цвета в языке в русле когнитивной этнолингвистики на основе такого интеллектуального изобретения, как *языковая картина мира*, ставшего основой одноименного направления лингвокогнитивных исследований. В Словаре мы обращаемся к этому направлению, позволяющему связать в единый комплекс результаты целого ряда исследований цвета – лингвистических и междисциплинарных. Непосредственно предметом описания является **цветовая картина мира** как часть этноязыковой картины мира, обладающая в силу своего исходно визуального характера рядом специфических характеристик. Лингвистика цвета в рамках этого направления устанавливает многочисленные функции цветолексики.

Плодотворную часть лингвистики цвета составляют **исследования в области авторской лексикографии**, сосредоточенные на художественном тексте, в том числе поэтическом, и обсуждающие авторское своеобразие в употреблении цветовых маркеров (см., напр.: [Верескун 2012; Воробьева 2020; Сивова 2018; Федорова 2002: 268–281]).

Лингвистика цвета является отраслью знаний, сосредоточенной на *методологических проблемах лингвистических исследований цвета*. Важной ее частью являются *сопоставительные исследования*, помогающие – через демонстрацию картины употребления цветолексики – вскрыть специфику цветообозначения каждого из сопоставляемых языков (см., напр.: [Гадани 1984; Зольникова 2010; Кульпина 2003]).

В Словаре представлены различные аспекты лингвистики цвета, в том числе проблематика *категоризации окружающего мира с помощью терминов цвета*, реализуемая по разным основаниям. Отдельную категорию составляют, к примеру, *настельные цвета* в противоположность ярким краскам, *защитные цвета* в противоположность тем, которые не обладают свойством в силу своей незаметности служить защитой для живых существ, *благородные цвета*, ощущаемые как красивые и повышающие статус их пользователя и т.д.

Лингвистика цвета оперирует понятиями *этноприоритетного цвета*, или же *этноцвета*, самого важного для данной лингвокультуры, *этнорелевантных цветов*, обладающих для данного языкового ареала особой важностью, и *этноспецифических цветов*, присущих цветовой картине мира носителей именно данного языка. Обсуждаемая проблематика непосредственно связана с проблемами *межязыковой и межкультурной коммуникации*.

Функции цветообозначений описываются в специфических для данной зональной категории цветообозначений ракурсах. Так, для группы объектов, связанных с внешностью человека, выявляется целый ряд социально обусловленных функций (*красноносый, седовласый, белоручка*). Устанавливается ряд *лингвокультурных стереотипов*.

Лингвистика цвета является уже достаточно развитой отраслью языкознания, в связи с чем авторы отдают себе отчет в том, что в такого рода развитой отрасли нередки синонимические термины. На наличие синонимических единиц в Словаре обращается особое внимание; сетка словарных статей составляется с учетом этого фактора. Таким образом, любой термин отрасли получает или развернутую словарную статью, или отсылку к таковой. Наличие синонимических терминов отражает путь исканий точного, выразительного и адекватного способа выражения цветового содержания термина отрасли.

В терминологическом синониме нередко акцентируется какой-то определенный аспект описываемой проблематики. Таковы, например, терминологические синонимы *цветообозначение, термин цвета, цветолексема, цветовой маркер*. В Словарь включены также термины-синонимы *колороним, колоратив, колорема* и другие формации с этим

же корнем. В тех случаях, когда различия в терминологии влекут за собой различия содержательного плана (например, *хроматическая категория* и *цветовой концепт*, каждый из терминов описывается отдельно. В тех же случаях, когда терминологические синонимы практически идентичны по содержанию, к какому-либо из них в основной словарной статье дается отсылка.

В сфере лингвистики цвета обозначились разные подходы к изучению цветообозначений. Так, совокупности цветообозначений могут рассматриваться как **лексический класс** (см. [Кульпина 2001]), выделяемый на основе интенционально устанавливаемой интегративной семы (в данном случае цветового компонента) и как **лексико-семантическое поле цвета** (см.: *полевой подход в описании цветообозначений* ([Сивова 2023])). Словарь задуман как переключка мнений о лингвистике цвета, поэтому может содержать различные подходы к описываемой проблематике.

В заключительной части Словаря дается ряд Приложений. Литература приводится в полном библиографическом описании работ, упоминаемых в тексте словарных статей, через аббревиатуры.

Частью Словаря является Приложение «Библиографический список», которое в свою очередь делится на ряд библиографических указателей, охватываемых направлением *лингвистика цвета*. Среди них «Библиографический указатель авторефератов кандидатских и докторских диссертаций», «Библиографический указатель монографических исследований» и «Библиографический указатель статей». Иностранные названия расположены в финальной части словарных статей и указателей. Критерием включения работы в указатель является лингвистический характер проблематики и ее важность с точки зрения развития отрасли, а также показатель цитируемости и научно-теоретический характер исследования. По этому критерию в указатель включены труды ряда представителей смежных дисциплин в случае, если они характеризуются широко понимаемой лингвистичностью, например, труды Ж. Бодрияра, Р.М. Кирсановой, Н.В. Серова и ряда других исследователей.

Ряд монографических и диссертационных исследований, а также словарных изданий в области лингвистики цвета составляют в Словаре отдельные посвященные им словарные статьи.

Ниже в Приложении в качестве иллюстративного материала к Словарю приводится ряд пробных словарных статей. Литература к данной вводной статье и к приложенным словарным статьям приводится в разделе Источники после приложений.

ПРИЛОЖЕНИЯ: СЛОВАРНЫЕ СТАТЬИ

ЛИНГВИСТИКА ЦВЕТА – область теоретического языкознания, устанавливающая и объясняющая устройство системы цветообозначения в языке. ЛЦ «отвечает» за всю совокупность лингвистических исследований цвета, будучи для них теоретической базой и своеобразной лингвистической парадигмой. Ключевой единицей ЛЦ является лексема-носитель цвета как явление языка, культуры и социума.

ЛЦ является развитой и разветвленной областью лингвистического знания, обладающей определенным кругом решаемых проблем. В проведенных и актуально предпринимаемых исследованиях могут быть выделены различные **аспекты и направления** (см.: [Кульпина 2004: 9–26]). Среди ряда других выделяется *эволютивное направление* см.: [Бахилина 1975; Кезина 2008]), изучающее тенденции развития цветообозначений от глубокой древности и вплоть до наших дней. В настоящее время круг проблем эволютивного направления сосредоточен в пределах **лингвистической цветологии** – ветви лингвистики цвета, специализирующейся на исторических аспектах лингвистических исследований цвета (о соотношении лингвистики цвета и лингвистической цветологии (см.: [Кульпина 2022 2: 263–271]). *Психолингвистическое направление* (см.: [Фрумкина; Василевич 1987 1984; Мерзлякова 2003]) и его ответвление *психолингвокультурологическое направление* (см.: [Красных 2021: 62–79]) связаны с проблематикой цветовосприятия, в том числе с его изучением на основе психолингвистического эксперимента, в частности, путем экспериментального выявления разнообразных коннотаций терминов цвета. *Лингвокультурологическое направление* ориентировано на изучение цвета как явления культуры во взаимодействии с явлениями языка (см.: [Ковшова 2015; СЛТ: 2017]). *Номинативно-терминообразующее* направление служит изучению отдельных терминов и вопросов формирования терминосистем на основе лексем с цветовым компонентом [Кульпина 2019; Сивова 2023: 16–28]. *Сопоставительное направление* исследует цветообозначения разных языков с целью выявления их структурной, лексико-семантической и шире – феноменологической и экстралингвистической специфики [Кульпина 2001; Кульпина 2019]. *Этнолингвокогнитивное направление* характерно для современных исследований цветолексики, реализуемых на основе лингвопонятийного конструкта *языковая картина мира* и объединяющих в единый комплекс достижения ряда лингвистических и интердисциплинарных исследований цвета (см.: [Кульпина 2001; Сивова 2021: 153–161]). Целью при этом является реконструкции цветовой картины мира как сегмента языковой картины мира.

Среди терминов цвета могут быть выделены самые важные, основные для цветовой картины мира данного народа – так наз. **абстрактные цветообозначения** (или же **абстрактные цвета**). Абстрактными они называются потому, что они не специализированы, не имеют привязки к какому-то конкретному объекту, поэтому с их помощью можно назвать цвет любого предмета. К примеру, с помощью *термина красного цвета* мы можем определить цвет любого предмета, который мыслится нами как *красный* и который мы таковым считаем – без ограничений на его отнесенность к какой-либо тематической группе и сочетаемость. Однако, например, цветообозначение *алый*, словарное значение которого ‘ярко-красный’ [БТС 1996: 36], имеет ограниченный «радиус действия» и специализировано на цветообозначении эстетически ценных объектов (например, зари, губ) и не может использоваться в отношении любого предмета. Так, диссонансом прозвучит обозначение цветом какого-то обыденного предмета (наделение скамейки в парке цветом *алая).

Среди основных, абстрактных цветообозначений могут быть выделены такие, которые в данной лингвокультуре «на особом счету», наиболее любимы и более других употребительны. Это *этнорелевантные цвета*, особо важные для народа, говорящего на данном языке, цвета-прототипы, имеющие очевидную опору в объектах окружающей действительности (красный как цвет крови) (см.: [Berlin, Kay 1969]). Для каждого языка есть свой набор таких цветов (см.: [Кульпина 2001: 54–73]), в том числе по их количеству (см.: [Серов 1990: 96]).

Примечательно, что у каждого этноса, как правило, есть какой-то один цвет, самый любимый, особо «привечаемый» народом – носителем данного языка. Люди не всегда единодушны в определении любимого этноцвета в своем родном языке; воспринимая его как данность, как естественную часть жизни, чаще всего они его просто «не замечают». Поэтому, чтобы установить, каков он, любимый цвет, нужны исследования, проводимые на большом текстовом материале, прежде всего поэтическом. Таким путем был установлен этноцвет русского народа – *синий/голубой*, а также этноцвет польского народа – *зеленый* (см. критерии выделения этноцвета: [Кульпина 2001: 402–435]).

Наряду с абстрактными цветами, есть термины цвета, образованные от названия какого-то объекта, для которого типичен именно такой цвет – от так наз. *эталона-прототипа*. Так, эталоном-прототипом для термина *василькового цвета* является цветовой облик полевого василька, который может быть в природе более ярким и менее ярким, тем не менее, у носителей русского языка имеется представление о цвете василька как о красивом, ярко-синем цвете. Эталоном-прототипом белого

цвета для россиян чаще всего служит снег (отсюда термин цвета *бело-снежный*), а также молоко (отсюда *молочно-белый*). Внутренняя форма цветоименования такого типа отсылает нас к типичному цвету данного растения, предмета, явления. Те термины цвета, внутренняя форма которых уникальна в том смысле, что от названия данных эталонов-прототипов в других языковых ареалах термины цвета не образовались, являются для данного языка на фоне других языковых ареалов **этноспецифическими цветами**. Такие цвета «не переложимы» на другие языки с сохранением их внутренней формы. Таковы в русском языке *рябиновый*, *брусничный*, *сиреневый* или, к примеру *wrzosowy* ‘букв. вересковый (цвет вереска)’ в польском языке. Обладая особой внутренней формой, отсылая к особым, характерным и этнически важным цветовым эталонам-прототипам, они этноспецифичны, и с большой долей вероятности не встречаются в еще каком-то языковом ареале.

Таким образом, ЛЦ ориентирована на выявление – с выходом в широкий экстралингвистический контекст – **этнолингвистических феноменов**, влияющих на человеческое видение мира цвета и позволяющих выделить **этнорелеватные цвета**, особенно важные для данной лингвокультуры, **этноприоритетный цвет**, самый любимый данным этносом, а также **этноспецифические цвета**, «не переложимые» на другие языки (см. подробнее: [Кульпина 2001: 402–435]).

Важнейшим аспектом лингвистики цвета является изучение терминов цвета в их естественном контексте, вместе с их **денотативной отнесенностью**. Характерной особенностью системы терминов цвета является **зональный тип денотации**, ее **зональное устройство**, а именно: значимость термина цвета устанавливается в пределах определенной зоны (сферы) цветности, ибо цвет является признаком определенных объектов и вне таковых не существует. Это означает, что с точки зрения особенностей цветообозначения выделяются специальные **зоны цветности**. Среди них, например, зона *Человек в цвете*, служащая описанию внешности человека, его характера и эмоционального мира через призму цвета. Выделяются зоны: окружающей человека природы, физической, флористической и зоосреды; зона социальной среды, зона продуктов питания, зона артефактов и нек. др. Каждая из перечисленных зональных сфер обладает своей цветовой спецификой. Хотя основных цветообозначений – абстрактных – не так много, они охватывают всё пространство языка. Так происходит благодаря тому, что цветовые маркеры распределяются внутри названных зон цветности. При этом очевидно, что *красная заря* по-иному красна, чем *красная куртка* и по-иному, чем *красные глаза* или *красное вино*; *синие глаза*

«не уравниваются» по цвету с *синим морем*, цвет которого в свою очередь синь иначе, чем василек или детский синий шарик; *зеленые глаза* по-другому зелены, чем *зеленая скамья* и иначе, чем *зеленый лук*. Цветообозначение *румяный* в зоне внешности человека специализировано на цвете щек (*румяными* щеки могут быть с мороза или от возбуждения, или румянность им присуща изначально), в то время как в сфере продуктов питания оно служит сигналом готовности кулинарного продукта: *румяная корочка* пирога, *румяный пирог*, или в глагольной реализации – *пирог подрумянился*.

Можно констатировать, что *распределение цветности осуществляется внутри соответствующих зон*, при этом цвет глаз сравнивается с цветом глаз же, а цвет волос – с цветом волос, масти лошадей – с таковыми у лошадей, то есть внутри соответствующей зоны, и никак иначе. Внутри зон цветности формируется и коннотативная семантика. Так, сочетание *синие глаза* в зоне цветообозначения глаз выполняет функцию эпитета и комплимента, указывая на романтическое отношение к этим глазам – в то время как *синяя ручка* в зоне цветообозначения артефактов необязательно синяя «снаружи»; подразумевается, что она с синим наполнением, пишет синим, и это главное.

ЛЦ изучает разнообразные функции цветообозначения (см. **функции терминов цвета**), которые чрезвычайно широки во всех сферах жизнедеятельности человека. Особенно выпукло выделяются следующие: **коммуникативная** функция, способствующая коммуникации в социуме (см. *красный трамвай, защитные цвета*); **когнитивная**, позволяющая рационализировать и дифференцировать процессы познания (например, цвет химраствора служит дифференциации составляющих его веществ); **семиотическая** функция (*белый халат врача; белая, желтая и синяя разметка на улице; цвета светофора*); **информативная** – служащая передаче через цвет разного рода информации (*желтый цыпленок* – еще совсем маленький; *белый одуванчик* – уже отцветший и осеменившийся цветок); **прототипическая** функция – позволяет формировать новые термины цвета от какого-либо объекта с типичным цветом (*платье морковного цвета* от цвета моркови); **интегрирующая** функция: позволяет группировать объекты по каким-то признакам (*пастельные цвета* – приглушенные, неяркие); **этнолингвокультурная** функция проявляется в цветовых предпочтениях данного этноса; **символическая** функция проявляется, например, в цветах национальных флагов, спортивных клубов; **экспрессивная** функция погружена в эмоциональную сферу (человек может *побледнеть* от неприятного известия, *позеленеть* от страха, *покраснеть* от смущения); **классифициру-**

юще-таксономическая функция, означающая выделение видов и подвидов в разных сферах жизни (*желтая акация, белая акация*); **оценочная** функция, имеющая многочисленные проявления в разнообразных типах дискурса.

В.Г. Кульпина

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЦВЕТОЛОГИЯ изучает **происхождение и исторические пути цветообозначений и светолексем, их временную и пространственную эволюцию, жизнь в языке, занимается их инвентаризацией и каталогизацией** (о каталогизации см.: [Василевич, Кузнецова, Мищенко 2002]), **детализацией их семантики, границами функционирования, объединением цветообозначений в пределах хроматических категорий (цветовых концептов)** (см.: [Кульпина 2019]). ЛЦЛ является частью **лингвистики цвета** – занимающейся всей совокупностью исследований цвета в языке (см.: [Кульпина 2001]) (подробнее о соотношении лингвистической цветологии и лингвистики цвета см.: [Кульпина 2022: 263–271]).

Задачей лингвистической цветологии является детализация состава системы терминов цвета данного языка с точки зрения его происхождения и современного состояния. Основную часть современной системы цветообозначений русского языка (так наз. абстрактных цветов) составляют старейшие слои лексики праславянского происхождения, восходящие к древнейшим индоевропейским корням, равно как и относящиеся к общеславянскому фонду (см.: [Кульпина 2007: 126–184]). Другие элементы системы имеют самое разное происхождение: часть произошла от эталонов цвета (*вишневый цвет* от цвета вишни), часть ресурсной базы – это заимствования, некоторая часть пришла из народной культуры в виде диалектизмов, какая-то часть сформировалась из случайного материала.

Важнейшей частью ЛЦЛ является **лексикографическое описание каждого цветообозначения** данного конкретного языка. Каждое цветообозначение имеет свою «историю жизни». Соответственно, при его лексикографическом описании внимание обращается на исходный ареал распространения цветолексемы – откуда она пришла и в каких значениях употреблялась, прежде чем закрепиться в виде термина цвета в данном языке. Приводится указанная в источниках исходная семантика, эксплицируется современное значение и семантическая мотивация. Так, для русского термина цвета *красный* приводится мотивация: «цвета крови, спелых ягод земляники, яркого цветка мака» [СОШ 1997: 303]. Затем следует зона этимологии и дата первого зафиксированного употребления в данном языке (например, лексема *красный* (от ст.-слав.

красн) в качестве термина цвета употребляется в русском языке, согласно П.Я. Черных, с XV века [ИЭС I: 440]. ЛЦЛ стремится установить *место каждого термина цвета в концептосфере данного языка* (см. **концептосфера цветовая**).

Базовой единицей ЛЦЛ является *цветовой концепт* – который охватывает обозначения всех цветов и оттенков, сгруппированные в рамках одной *ключевой хроматической категории* – красного, синего, зеленого или другого основного *абстрактного цвета* (цветообозначения). Цветовые концепты составляют ядро лингвосистемы цвета. Вокруг этих концептов (доминантных цветолексем) осциллируют другие цветономинации, очевидным образом с ними связанные. Неосновные цвета и оттенки включаются в эти цветовые концепты и анализируются внутри них как сущности одной цветовой природы. Так, *вишневый, рябный, свекольный, рябиновый* являются элементами красного цветового концепта.

В каждом языке – *свой набор основных цветов*, присущий данной лингвокультуре (см. **этнорелевантные цвета**). При этом термины цвета располагаются и упорядочиваются внутри соответствующих концептов по степени выраженности основной цветосемантики концепта, по степени близости/удаленности от главного цветообозначения-прототипа (термин цвета *вишневый* располагается после *алого*, а не наоборот). И таким образом, такие цветообозначения, как *алый, пунцовый, малиновый, пурпурный, рябиновый, брусничный, коралловый, рябный, багряный вишневый, багровый*, объединены в русской лингвокультуре и в русском языковом сознании термином цвета *красный*, являющимся средоточием красного цвета, его прототипом, квинтэссенцией лингвоцветового содержания концепта, включающим все его базовые признаки. Иными словами, ключевой, доминантный термин цвета (цветовой концепт) вбирает в себя все другие цветолексемы, служащие маркерами красного цвета, будучи для них родовым понятием, гиперонимом. Примечательно, что какой-то оттенок цвета в данном языке может быть обозначен через доминантный цвет. Так, например, цвет рябины, свеклы может быть назван красным, хотя для определения цвета этих плодов есть и специальные цветообозначения.

Распределение всей массы цветообозначений по ключевым цветовым концептам позволяет увидеть количественный и качественный состав системы цветовых маркеров в любом из анализируемых языков как крупных цветовых концептосфер, обладающих в каждой из рассматриваемых лингвокультур широким спектром этнокультурно- и лингвоспецифичных функций.

Исследователями было установлено, что многие термины цвета развились из светолексем, обозначающих световые явления. *Лингвистическая цветология занимается также световыми сложениями (композициями)*, которые в течение долгого времени существовали и развивались в русском и других славянских языках, являя собой образцы древней и средневековой поэтики и эстетики световых явлений [Кульпина 2019]. Впоследствии же эти световые комплексы утратились, оставив после себя прекрасные метафоры *лучезарный, светозарный, златосветный* на базе понятия света или преобразовавшись в полезные для человечества термины целого ряда наук (*лучеиспускательный*).

В сферу интересов ЛЦЛ входят также *проблемы истории науки о лингвистических исследованиях цвета*.

В.Г. Кульпина

ХРОНОТОП ЦВЕТОВОЙ – понятие хронотопа довольно давно используется в лингвистических исследованиях, будучи исходно категорией литературоведения: по определению М.М. Бахтина, это «существенная взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе» [Бахтин 1975]. Триада «цвет – свет – хронотоп» в художественном тексте трансформируется в категорию «цветовой хронотоп», под которым понимаем колористическую и световую визуализацию пространства и времени в их диалектическом единстве по отношению к художественному дискурсу (см.: [Сивова 2018: 8]). Понятие цветовой хронотопа (ЦХ) и термин впервые употреблены в: [Сивова 2014] и представлены на материале произведений К.Г. Паустовского. Специфика ЦХ проявляется в его изобразительном значении; в чрезвычайно важной генерирующей роли цвета при создании художественного образа и шире – художественной картины мира, в колористической лексике как средстве ее экспликации. ЦХ обладает диагностической силой и методологическим потенциалом, позволяющим выявлять специфику идиостиля художников слова (см.: [Сивова 2018]). В наши дни сложились предпосылки для глубокого осмысления идеи цветовой хронотопа, намечены направления ее развития, что свидетельствует о ее научном потенциале. О реализации пространственно-временных отношений через призму ЦХ см.: [Сивова 2020; Сивова 2021], а также [Величко 2014: 851] в статье, посвященной проблеме «цвето- и светопэтики в рамках порождения художественного текста» в метафорическом значении: «Связывание различных структур цветосимволики создает новый цветовой хронотоп произведения, принадлежащий различным эпохам и лингвокультурам» [Величко 2014: 853]. См. также у В.Я. Малкиной использование словосочетания *визуальная орга-*

низация хронотопа [Малкина 2020: 91], у С.А. Родиной о взаимосвязи цвета, пространства и времени в поэтике С.А. Есенина [Родина 2001] и о времени, пространстве и цвете в комплексе с другими понятиями у Т.А. Касаткиной на материале «Преступления и наказания» [Касаткина 2005]. К обсуждаемым понятиям на материале белорусской поэзии обращается Е.А. Игнатюк [Игнацок 1999]. Н.В. Серов осмысливает указанные понятия как имеющие символическую значимость (см.: [Серов 2002; он же 2015]).

Т.В. Сивова

ЦЕПОЧКИ ЦВЕТА – некоторая линейно упорядоченная последовательность терминов цвета (более одного словоупотребления), ограниченная рамками предложения. Является средством создания колористической дескрипции на минимальном текстовом пространстве, конденсирует сгусток колористической информации, отражает авторское цветовое восприятие. Функциональный потенциал цепочек цвета (ЦЦ) как средства создания колористического описания выявлен и описан на материале прозы К.Г. Паустовского (см.: [Паустовский 1981–1986]) и ряда др. авторов.

Колористический изобразительно-выразительный потенциал ЦЦ реализуется: **1.** в создании контраста [черный – белый] [...] *ее черное искаженное лицо с огромными белыми глазами* [Паустовский 1982 4: 396]; **2.** в создании гармоничных сочетаний [голубой – синий] [...] *портрет женщины в голубом воздушном платье, с высоко поднятыми напудренными волосами и такими же синими глазами, как у старичка* [Паустовский 1982 4: 500]; **3.** в передаче динамики цвета [синий – зеленый] *Море [...] играло то синим, то зеленым шлейфом, похожим на павлинье перо* [Паустовский 1981 1: 559]; **4.** в создании эффекта интенсификации цветового впечатления (характерного для цветописы Паустовского): *зеленая чернота; коричневая позолота; синеватая чернота; фиолетовая синева* и др. под.; **5.** в передаче насыщенности цвета [серый – синий] *Стекло иллюминатора заросло солью. Но даже через ее серую пленку сияла густейшая синева* [Паустовский 1982 5: 195]; **6.** в конкретизации колористической характеристики [сизый – голубиный] *От этих обратных рейсов осталось воспоминание, как о сплошных снегах, [...], и сизом, голубино цвета, низко нависшем небе* [Паустовский 1982 4: 313].

Информативная нагрузка. Посредством ЦЦ **1.** описывается внешность персонажей [веснучатый – красный – белый] [...] *он был веснучат, непрерывно мигал красноватыми альбиносскими глазками с белыми ресницами* [Паустовский 1982 5: 271]; **2.** маркируется социаль-

ная принадлежность персонажей [серый – красный] *Около огня грелись милиционеры в серых каракулевых шапках с красным верхом – «снегири»* [Паустовский 1982 5: 430]; **3.** передается широкий спектр причинно-следственных отношений (предметной и логической причины) [зеленый – черный] *Зеленых от голода и почернелых от боев победителей вела только непреклонная вера в торжество грядущего дня* [Паустовский 1982 5: 432]; временных отношений [серый – синий – лиловый – черный – коричневый – зеленый – чесучовый] *Серая, синяя, лиловая, черная, коричневая, зеленая и, наконец, чесучовая... По цвету рясы можно было определить, какой сегодня день – вторник или суббота* [Паустовский 1982 4: 96]; отношений меры и степени [загорелый – серый – белый] [...] *выходила пожилая женщина Анна Петровна, с таким загорелым лицом, что серые ее глаза казались совершенно белыми* [Паустовский 1982 4: 129]; **4.** маркируется пространственная соотнесенность [красный – зеленый – белый] [...] *кажется, у самого порта маяк давал красный огонь, дальше – зеленый и на самом большом отдалении – белый* [Паустовский 1982 4: 476]; **5.** фиксируются условия восприятия [розовый – синий] *Я украсил бы этот дом [...], прогrel бы солнечным светом, казавшимся розовым среди сплошной синевы, залегшей вокруг* [Паустовский 1982 5: 56]; **6.** фиксируется сходство предметов на основе их окраски [желтый – белый] *Она <комната> была похожа на морг – только голые желтые стены и белый потолок* [Паустовский 1982 5: 552]; **7.** маркируется отклонение от нормы [зеленый – серый] *Он учил меня играть в бильярд на маленьком столе, затянутом не зеленым, как полагается, а серым солдатским сукном* [Паустовский 1982 5: 560]; **8.** транслируется оценка [синий – зеленый] *Но все-таки немного жаль покидать этот уютный город, где ветер похлопывает синими и зелеными ставнями [...]* [Паустовский 1982 4: 467]; **9.** устанавливаются ассоциативные связи [лиловый – красный] *Тут было всё: [...], сабли, кинжалы и, кроме того, как воспоминание о сентиментальной мирной жизни, лиловые и красные граммофонные трубы* [Паустовский 1982 4: 634].

Структура. О структурном разнообразии ЦЦ свидетельствует количество включаемых в них терминов цвета: **1.** двухкомпонентные ЦЦ (наиболее распространены) [зеленый – серый] *Нога тонула в зеленых и серых мхах по самое колено* [Паустовский 1982 3: 607]; **2.** трехкомпонентные ЦЦ [ржавый – индиговый – медный] *Там ржавая земля изда- лека проступала сквозь индиговый воздух утренних далей или сквозь величавую и мутную медь вечеров* [Паустовский 1982 5: 147]. Вплоть до шести- и семикомпонентных, см.: шестикомпонентные ЦЦ [изумрудно-

зеленый – рыжий – черный – золотой – красный – лимонный] Они <куски коры> были наполнены разными свежими цветами: фиалками и крокусами, эдельвейсами и камелиями, и мхами всех цветов – изумрудно-зелеными, рыжими, черными, золотыми, красными и лимонными [Паустовский 1982 5: 359]. При демонстрации авторами широты колористической гаммы описания (например, когда количество компонентов превышает три) вводятся обобщающие слова, объясняющие основание той или иной комбинации, конструкции с составными (*от...до*) и повторяющимися (*то...то*) союзами.

Сфера функционирования ЦЦ в художественном тексте охватывает природное пространство (пространство флоры, фауны, небесное пространство, водное, ландшафт), пространство человека (соматическое, вестигальное, «вещного» мира), пространство искусства, пространство дома – страны – мира, что свидетельствует о их роли в создании цветового континуума произведения. Организуя цветовое художественное время и пространство, ЦЦ конструируют цветовой хронотоп произведения (см. **хронотоп цветовой**). Анализ функционирования ЦЦ в произведениях разных авторов позволяет выявить индивидуально-авторскую специфику их колористической перцепции и визуализации мира, раскрыть особенности индивидуально-авторской цветовой картины мира.

---

*Термин восходит к определению цепочки у И.А. Мельчука как линейно упорядоченной последовательности [Мельчук 1999: 58].

Т.В. Сивова

ЛЕКСИЧЕСКИЙ КЛАСС ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ – в лингвистике цвета *лексический класс цветообозначений* (ЛКЦ) – это совокупность любых лексических и коммуникативных единиц, объединенных семой цвета в качестве определяющей для интенционала каждой из них. В ЛКЦ входят как основные, абстрактные термины цвета *красный, синий, зеленый* и т.п., так и неосновные – *лимонный, сиреневый, беж*, цельно-оформленные – *темно-голубой*, и раздельнооформленные – *цвета спелой клубники*, как имеющие выраженную частеречную принадлежность – *белеть, белизна, белый*, так и имеющие дискурсивно-синтаксическую имплицитную природу (см.: [Кульпина 2021: 11–20; 144–163]): *пылающие щеки* (то есть красные щеки); *хризантемы цвета солнца* и т.д.

Цветообозначения в отечественной лингвистической и лингводидактической практике принято трактовать как ЛСГ – лексико-семантическую группу прилагательных, обозначающих цвет (см.: [ЭС-С 2008: 399–400]), более того, воспринимать их как классический тип ЛСГ [там же], обычно приводимый в качестве наглядного примера такой

группы лексики. Однако ограничение цветообозначений одной лишь частью речи – прилагательными – значительно сужает ракурсы рассмотрения и в целом – горизонты изучения класса цветообозначений, широчайшим образом «пропитавшего» всю систему языка. Снимая это ограничение, лингвистика цвета реализует подход, включающий в одну категорию лексического класса цветообозначений формации разной частеречной принадлежности, причем не только слова, но и лексические единицы других типов – словосочетания, в том числе фразеологизмы (*черное золото; банька по-белому*), а также коммуникативные единицы, например, разного рода цитации (*белая, несмелая ромашка полевая* (из популярной некогда песни)), в том числе афористического типа (*Белее белого!*), пословицы и поговорки (*Вставала ранешенько, умывалась белешенько*).

Обращение к истории вопроса показывает, что понятие *лексического класса* (*класса слов* или *класса*), нередко встречающееся в научных публикациях и употребляющееся эмпирически, нестрого и не жестко, побуждает по какому-то признакам, примерам догадываться, что под ним имеется в виду. При этом данное понятие нередко служит для определения других понятий. Не будучи четко определено, свою нечеткость оно передает и придает и другим понятиям. В результате его интенционал в языкознании, если исходить из контекстов его употребления, варьирует в весьма широких пределах. Нередко под ним подразумевается деление на части речи. Так, в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» понятие класса слов применяется для определения понятия частей речи [ЛЭС 1990: 578]. В.В. Виноградов понятие класса употребляет по отношению к модальным словам (см.: [Виноградов 1975: 66; 73; 74]. В Академической грамматике-80 понятие класса присутствует как относящееся к частям речи: «...все слова группируются в классы, называемые частями речи» [Русская грамматика 1980 I: 457]. Для Анны Вежибцкой классы слов – это также традиционно выделяемые в языке части речи: «В современной лингвистике принято считать, что установление классов слов для какого бы то ни было языка разумно производить на основании лингвоспецифичных формальных (морфосинтаксических) критериев. Также широко распространен взгляд, согласно которому классы слов, установленные таким образом для различных языков, до некоторой степени «соответствуют» друг другу и, в частности, разграничение между «существительными» и «глаголами» если не универсально, то почти универсально» [Вежибцкая 1999: 134].

А.А. Уфимцева в книге «Лексическое значение: Принцип семиологического описания лексики» [Уфимцева 1986] вводит понятие *семио-*

логического класса слов (не покрывающееся с делением на части речи, тематические группы и ЛСГ), вычленяемого на основе «комбинации категориальных сем» [Уфимцева 1986: 115], то есть представляющего собой *комплексную семантическую категорию*; на таковые может быть без остатка разделена вся лексика. А.А. Уфимцева на материале английского языка делит лексику на следующие семиологические классы: 1. Характеризующие знаки (имена нарицательные); 2. Индивидуализирующие имена (имена собственные); 3. Квантитативные знаки (числительные); 4. Дейктические знаки (личные, указательные, притяжательные местоимения); 5. Знаки-заместители (провербы, прономиналы, проадъективы); 6. Связочные знаки (союзы, предлоги, послелог); 7. знаки-актуализаторы (артиклы, некоторые прилагательные, частицы). Классы делятся на подклассы (предметные и признаковые имена), каждый из которых делится на семиологические разряды. Так, разряд *имена классов* делится на следующие семантические разряды: *животный мир; люди; вещи; растения*. Характерно, что выделяемые А.А. Уфимцевой семантические разряды описываются по разным параметрам: у разряда *люди* параметризация осуществляется по полу, возрасту, национальности, языку, внешности и др. *Животный мир* объединен «в предметные группы по экстралингвистическому признаку, по той или иной денотативной сфере» [Уфимцева 1986: 113] (*животные, птицы, выючные животные, скот, дикие животные* и др.). Таким образом, А.А. Уфимцевой создана иерархически организованная многоступенчатая таксономия лексики, благодаря чему лексика предстает во всей своей многогранности.

Э.В. Кузнецова в «Лексикологии русского языка» в главе V «Классы слов как явление лексической парадигматики» определяет их как «максимальные формы проявления лексической парадигматики. Лексические классы существуют в виде более или менее широких объединений слов, представляющих собой словесные парадигмы, более объемные и сложные, чем словесные оппозиции, которые входят в такие парадигмы в виде самостоятельных частей. В основе любого объединения (класса) слов лежит принцип сходства слов по каким-то общим компонентам. Типы лексических классов слов чрезвычайно разнообразны и взаимосвязаны» [Кузнецова 1989: 69]. Э.В. Кузнецовой подчеркивается разнообразие классов и наличие общих компонентов у входящих в данный класс слов.

Диссертационное исследование Ю.А. Каминской «Лексический класс, его семантический и фразеологический потенциал (названия растений и растительный организмов в современном русском литера-

турном языке)» [Каминская 2002] осуществлено на материале одного лексического класса, одной тематической сферы, и относится исключительно к существительным, обозначающим растения и грибы. См. дефиницию: «класс, располагающийся в пределах той или иной понятийной сферы рядом с другими подобными классами и имеющий вид древа, возглавляемого словом или словозначением, которое является семантической доминантой лексического класса» [Каминская 2002: 6]. Единицы, входящие у Ю.А. Каминской в лексический класс, связаны тематической общностью его доминанты.

Разрабатывавшееся в лингвистике цвета понятие лексического класса в качестве одного из базовых для отрасли, тем не менее получило также дефиницию с более широким содержательным диапазоном, сформулированную с привлечением материала также и других лексических классов: местоимений, аббревиатур, антропонимов, топонимов, квантитативов. При этом акцентировалось интенциональное, феноменологическое осмысление семантического содержания понятия лексического класса, а в качестве одного из его признаков указывалось наличие у данного понятия своей семантической истории и проявление тенденции к дальнейшему семантическому развитию.

Исследовательский материал показывает, что каждый из вычленяемых лингвистами лексических классов имеет свою характерную структуру, семантическую историю, а параметры его описания не симметричны друг другу и не идентичны параметрам других классов. Имея феноменологический, интенциональный характер, выделение лексических классов осуществляется на основе ряда объективных признаков, позволяющих объединить лексику определенного типа в один класс. Большую роль при выделении класса играет лингвопрагматический подход и интуиция исследователя, которая, собственно говоря, является важнейшим принципом при выделении классов слов, базируясь, со всей очевидностью, на всей предыдущей традиции классификации лексики в языкознании.

Таким образом, основываясь на лингвистической традиции и выработанных принципах вычленения языковых групп, лексический класс определяется как максимально большая совокупность лексических единиц, формирующаяся по интенционально-тематическому признаку на основе интегративной семы как общего для всего класса семантического компонента. В лексический класс могут входить единицы разной грамматической природы, а также разной степени свободы и связанности, лексикализованности и фразеологизированности членов этих языковых единиц, включая также коммуникативные единицы разных ти-

пов. При этом лексические классы лингвоспецифичны.

Среди факторов, способствующих выделению лексического класса, значительное место занимает *сопоставительный метод* и его проявления в лингводидактике. Это означает, что в качестве объекта описания принимаются такие группы лексики, которые вызывают трудности при усвоении русскоговорящими учащимися и которые, как правило, особо сложны для перевода (см.: [Кульпина 2019: 58–75]). Эти трудности, как правило, составляют своеобразие описываемых классов лексики, проецируясь в специфические параметры ее описания. Таким образом, группы иноязычной лексики, являющиеся объектом сопоставления с соответствующими группами лексики русского языка, выделяются как релевантные в аспекте лингводидактики и трансляторики. При этом сопоставительный анализ по группам лексики позволяет адекватным образом обозначить характерные признаки русской лексики на фоне группы какого-либо другого языка через установление специфических параметров описания каждой из групп. Такой подход позволяет охватить анализом максимально большое количество лексических классов данного языка (и входящих в класс единиц), которые при ином подходе могли бы остаться за рамками описания, а также – максимально облегчить их восприятие в русскоязычной аудитории и тем самым выполнить важную лингвопрагматическую задачу.

В классификациях лексики нередко применяется понятие *поля* с такими атрибутами, как *семантическое, функционально-семантическое, лексическое, лексико-семантическое, грамматическое...* Это зонтичное понятие предполагает большое разнообразие деления лексики на группы, выявляемые на разных основаниях с обращением к разным теориям поля (см. напр.: [Караулов 1975; Щур 1974]). Ю.Н. Караулов в результате анализа дефиниций поля у отечественных и зарубежных исследователей среди свойств поля называет «связь между элементами, их упорядоченность и взаимоопределяемость» [Караулов 1978: 33]. На основе анализа применения лингвистами понятия функционально-семантического поля А.В. Бондарко приходит к выводу, что «понятие ФСП связано с представлением об определенном пространстве. В условном пространстве функций и средств устанавливается конфигурация центральных и периферийных компонентов, выделяются зоны пересечения с другими полями» [Бондарко 1987: 11]. Практика применения понятия поля показывает, что оно используется прежде всего для экспликации связи групп лексики друг с другом и их взаимоувязанности. Однако при этом в целом ряде работ не говорится об иерархичности строения этих групп. Примечательно, что Ю.Н. Караулов указывает

на проблематичность четкого структурирования полей, а также на невозможность четко определить границы поля. Категория поля имеет среди языковедов широкое хождение, несмотря на свою непрозрачность, проистекающую из множественности теорий полевого строения лексики. Можно констатировать, что в лингвистической литературе словом *поле* нередко обозначается любая группа лексики, однако к какому полю данная группа относится, нередко не уточняется, о чем свидетельствует и характеристика практики употребления термина *поле* в ЛЭС: «Термин ПОЛЕ иногда употребляется недифференцированно, наряду с терминами «группа», (лексико-грамматическая группа, тематическая группа), «парадигма» (лексико-семантическая парадигма, лексико-синтаксическая парадигма и др.)» [ЛЭС 1990: 381].

Понятие лексического класса не содержит идеи иерархии единиц внутри групп лексики и формирования иерархических связей между ними, не предполагает дистрибуции элементов на ядерные и периферийные. Каждая входящая в него единица трактуется как самодостаточная и самоценная, равноправная по своему статусу. Категория лексического класса мыслится как релевантная для выделения и анализа различных групп лексики, в том числе с точки зрения лингводидактики и перевода (см.: [Кульпина 2016: 31–41]), так как позволяет в результате сопоставительного анализа определить специфические черты лексики того или иного языка.

В.Г. Кульпина

См. ниже коррелирующую с данной словарную статью **ПОЛЕВЫЙ ПОДХОД В ОПИСАНИИ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ**.

ПОЛЕВЫЙ ПОДХОД В ОПИСАНИИ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ. Методологическая ценность и непреходящая актуальность полевого подхода в изучении цветообозначений, несмотря на сохранившийся в современной лингвистике дискуссионный характер теории поля, подтверждается многочисленностью исследований, осуществляемых с помощью полевой методики, разнообразием достигаемых в них целей и решаемых задач, широтой объектного и предметного поля, научной значимостью выносимых на защиту положений, а также развитой типологией лингвистических полей.

Среди актуализируемых в исследованиях цветообозначений типов полей высокую эффективность на протяжении длительного времени демонстрирует *семантическое поле*, см. работы В.А. Московича [Москович 1965], Н.Ф. Пелевиной [Пелевина 1971], Е.А. Дивиной [Дивина 1996], С.В. Кезиной [Кезина 2005], А.Н. Майзиной [Майзина 2006],

Ф.Н. Новикова [Новиков 2012], М.Н. Перфиловой [Перфилова 2022] и др.

Семантическое поле представляется «многоплановым поликоординатным феноменом», исследование которого актуально для сопоставительных типологических исследований цветообозначений в аспекте динамики культурных кодов; СП избирается в качестве комплексной единицы анализа на различных уровнях языка, поскольку в нем наиболее полно отражаются лексическая система и все ее составляющие единицы (см.: [Новиков 2012: 3]). Продуктивны исследования, посвященные структурно-семантическому описанию СП цветообозначений определенного языка; в которых под СП подразумевается совокупность языковых единиц, объединенных общностью содержания и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений (см.: [Майзина 2006: 8]).

Семантическое поле цвета, понимаемое как «совокупность слов, объединенных семой “цвет”» [Перфилова 2022: 6], избирается в качестве системы для синхронно-диахронического описания, для определения тенденций в динамике цветообозначений в русском языке и эвентуальных причин их исторических изменений (см.: [Перфилова 2022: 6]); СП цвета как фрагмент лексико-семантической системы языка представляет собой «исторически сложившуюся естественную систему со всеми принадлежащими такой системе характеристиками: это сверхсложная, открытая, нелинейная, иерархическая, самоорганизующаяся система с эмерджентными признаками» [цит. по Перфилова 2022: 6].

Объектом исследования в ходе диахронического изучения СП цветообозначений русского языка, определения принципов организации и развития СП, выявления конститутивного принципа и закономерностей эволюции значения (см.: [Кезина 2005: 5]) избирается *диахроническое поле цвета* в русском языке: «под семантическим полем диахронического типа <понимается> класс слов, объединенных генетическими, словообразовательными, а также однородными или разнородными семантическими связями, и покрывающих собой определенную (-ые) область (-и) человеческого опыта» [Кезина 2005: 4]; на примере модели поля данного типа доказывается: «цветовая лексика развита в гетерогенном диахроническом поле и представлена в нем цветовым локусом. Она включает в себя все семы, которые были в поле до появления цветных слов, развивает новые на основе расширения семантического объема слова и испытывает действие всех семасиологических закономерностей, проявляющихся в семантическом поле в целом» [Кезина 2005: 10].

Понятие *лексико-семантическое поле цвета* актуализируется в исследованиях И.И. Чумак-Жунь [Чумак-Жунь 1996], Е.В. Губенко [Губенко 1999], Г.Л. Рудени [Руденя 2000], С.В. Шармар [Шармар 2005], Л.А. Голубь [Голубь 2006], Н.В. Гнездиловой [Гнездилова 2007], Н.В. Разумковой [Разумкова 2009], Т.А. Ермаковской [Ермаковская 2011] и др.

Результативны исследования ЛСП цвета и света, выполненные на материале текстов художественного дискурса и ставящие целью изучить реконструирующую фрагмент языковой картины мира писателя семантическую и структурную организацию ЛСП цвета и света, взаимодействие компонентов данных полей (см.: [Ермаковская 2011: 4]); изучить и систематизировать ЛСП цвета и света как конstituенты лексико-семантических пространств описываемой лексики, проанализировать взаимодействие данных полей и единиц, взятых отдельно, установить лексико-семантический потенциал лексики с цветовым и световым значением в художественном тексте (см.: [Шармар 2005: 5]).

ЛСП рассматривается как «совокупность единиц (слов различных частей речи) лексико-семантического уровня языка, обладающих семантической общностью и связанных между собой системными отношениями, в целом представляющая фрагмент “семантической карты предметного мира”» [Шармар 2005: 9]; «входящие в ЛСП единицы объединены на уровне лексического значения общей интегральной семы – это сема “цвето-световой признак”» [Шармар 2005: 9]. Под ЛСП цвета понимается «совокупность лексических единиц, связанных отношением подчинения с обобщающим понятием, выраженным архилексемой ‘цвет’» [Ермаковская 2011: 8].

ЛСП цвета может быть разбито на подгруппы, «в каждой из которых выделяется основной элемент – доминанта, вокруг нее группируются остальные конstituенты» [Разумкова 2009: 11]; см., например модели структурирования поля цвета, предложенные Н.В. Разумковой: 1) главные цвета спектра, составляющие ядро поля цвета, выделяются на основании физических критериев; остальные оттенки формируют ближнюю и дальнюю периферию поля; 2) главные цвета ранжируются на базе статистических данных об употреблении той или иной единицы (см.: [Разумкова 2009: 11]). Исследователями отмечается: «полевой подход к описанию единиц языка с семами ‘цвет’ и ‘свет’ по сравнению с классификацией, обладает большей “методологической ценностью” (И.А. Стернин), т.к. позволяет выявить зоны переходности, что адекватно отражает полевою сущность самих языковых явлений, с ядром и пери-

ферией, иерархическую соположенность признаков (Ф.И. Панков)» [Разумкова 2009: 10].

ЛСП цвета «обладает набором таких свойств, как общий семантический признак; семантические объединения, члены которых связаны интегральным признаком; иерархичность, взаимоопределяемость, неравномерность элементов. Цветовое поле представляет собой системное образование, в котором наличествуют связи, отношения, специфическая структура, характерные для любого полевого устройства» [Разумкова 2009: 11].

Целесообразным представляется разделять цвето-световое поле на ЛСП «Цвет» и ЛСП «Свет» на том основании, что каждое из них имеет «разветвленную структуру, большое количество коннотативных значений и многочисленно по составу» [Ермаковская 2011: 4].

Модель ЛСП цвета эффективна при диахронном подходе к изучению словообразовательных процессов, например ЛСП цвета «brun» «как совокупности слов, объединенных общим семантическим компонентом, которым является цветовой признак (коричневый цвет), выступающий как общее типовое значение и служащий внутренней связью между всеми единицами, объединяемыми в поле» [цит. по Гнездилова 2007: 11], при исследовании когнитивных аспектов ЛСП прилагательных цветообозначения во французском языке в их корреляции с системно-структурными особенностями поля на диахронных срезах старо- и среднефранцузского языка (см.: [Руденя 2000: 1]). Исследователями подчеркивается: «теория лексико-семантического поля, представляющая собой важное приобретение структурной лексикологии, показывает высокую степень совместимости с когнитивными целями» [Руденя 2000: 11]; доказывается, что история формирования ЛСП «цвет» указывает «на особенности поступательного развития мышления человека: от использования общеупотребительных слов, обозначающих цвет и его оттенки, к созданию терминов определенных отраслей знания» [Голубь 2006: 4], а история наполнения ЛСП «цвет» отражает антропоцентричность мышления человека (см.: [Голубь 2006: 4]).

Спорадически в исследованиях, посвященных изучению цветообозначений, актуализируются другие типы полей, фиксация и описание специфики которых представляют научный интерес в создании комплексного типологического описания.

Понятие *функционально-семантического цвето-светового макрополя* вводится Ю.А. Карташовой в целях описания цветовой картины мира И. Северянина: «совокупность всех языковых единиц, передающих цвето-световую семантику в произведениях поэта, составляет

функционально-семантическое цвето-световое макрополе, которое формируется из цветовых микрополей и микрополя «Свет»» [Карташова 2004: 5]. Под *цвето-световым макрополем* понимается «совокупность лексических единиц разной грамматической природы, разной степени связанности и свободы, лексикализованности и фразеологизированности, содержащих лексему цвета / света» [Карташова 2004: 8]; под *цветовым микрополем* – упорядоченная совокупность лексических единиц различных частей речи, в эксплицитной или имплицитной форме содержащих общую интегральную сему с определенным цветовым признаком (цветовой инвариант), характеризующаяся набором отличительных черт (см.: [Карташова 2004: 8]).

Понятие *лексико-фразеологическое поле «цвет»* актуализируется Н.В. Шелеповой при выявлении «особенностей единиц лексико-фразеологического поля «цвет» как носителей эмоциональной информации в контекстуальных условиях художественного текста» [Шелепова 2007: 3].

Понятие *фразеосемантическое поле «цвет»* вводится Л.Г. Канарской и Е.С. Честных в работах, посвященных исследованию фразеологизмов с компонентом «цвет». Исследователи подчеркивают специфику поля: «среди других семантических полей русского языка фразеосемантическое поле «цвет» особо выделяется грамматической структурой языковых единиц, входящих в него» [Канарская, Честных 2022].

Понятием *ассоциативно-смысловое поле цвета* оперирует С.А. Верескун. Использование модели АСП представляется эффективным в выявлении содержания концептов цвета, их реконструкции в художественном произведении, т.к. изучение художественных концептов требует «определенного подхода, учитывающего их ассоциативную природу и наличие в их структуре развитого ассоциативного слоя» [Верескун 2012: 10]. АСП концепта является репрезентативной моделью смыслового объема художественного концепта; его структуру можно представить в виде круга (поля), состоящего из трех слоев: ядерной части, слоя культуры и индивидуально-авторского слоя (см.: [Верескун 2012: 6]).

Понятие *семантико-структурно-функциональное поле колоративов-элокутивов* используется Н.А. Мартыановой в ходе системного описания цветообозначений в языке как фактора повышения прагматики речи: «колоративы рационально анализировать в рамках теории поля (семантико-структурно-функционального поля) с описанием *колоративного поля изобразительности* и *колоративного поля выразительности*, поскольку именно полевая интерпретация в описании позволяет

увидеть приоритетность функциональной системности над всеми другими ее видами» [Мартьянова 2007: 6]. *Поле колоративов-элокутивов* имеет ядерно-периферийную структуру. В основу поля положены следующие критерии 1) семантический (переносное или прямое значение цветообозначений), 2) структурный (двухкомпонентный, многокомпонентный колоратив), 3) функциональный (экспрессивная или номинативная функция цветообозначений) [Мартьянова 2007: 15].

Понятие *лингвокультурологическое поле «цвет»* актуализируется Л.Р. Гатауллиной в исследовании роли цветообозначений в языковой картине мира [Гатауллина 2005]. Цвет рассматривается как культурологический концепт: «концепт “цвет” выстраивает вокруг себя особое смысловое пространство – *лингвокультурологическое поле*, со структурой, изоморфной структуре семантического поля, но отличающейся от нее своей двухслойностью» [Гатауллина 2005: 8].

Т.В. Сивова

Литература / References

1. *Аникин А.Е.* Русский этимологический словарь. РАН. Институт русского языка им. В.В. Виноградова; Институт филологии СибРАН. М.: Рукописные памятники Древней Руси. 2007 – .
2. *Бахилина Н.Е.* История цветообозначений в русском языке. М.: Наука, 1975. 286 с.
3. *Бахтин М.М.* Формы времени и хронотопа в романе: Очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. [Электронный ресурс] URL: <http://philologos.narod.ru/bakhtin/hronotop/hronmain.html>. Дата последнего обращения – 17.02.2023.
4. *Бодриар Ж.* Система вещей. М.: Рудомино, 1995. 194 с.
5. *Бондарко А.В.* Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Ленинград: Наука, Ленинградское отделение. 1987. 476 с.
6. БТС – Большой толковый словарь русского языка / Автор и руководитель проекта, составитель *С.А. Кузнецов*. СПб: Норинт, 1996. 1536 с.
7. *Василевич А.П.* Исследование лексики в психолингвистическом эксперименте. На материале цветообозначения в языках разных систем / Отв. ред. *В.Н. Телия*. М.: Наука, 1987. 141 с.
8. *Василевич А.П., Кузнецова С.Н., Мищенко С.С.* Каталог названий цвета в русском языке. М.: Смысл, 2002. 98 с. и цветовые карты [25 с.].
9. *Вежбицкая А.* Семантические универсалии и описание языков / Пер. с англ. *А.Д. Шмелева*; Под ред. *Т.В. Бульгиной*. М.: Языки русской культуры, 1999. 505 с.
10. *Величко А.А.* Поэтика цвета в художественных текстах как средство объединения глубинных индивидуальных и общелингвокультурных смыслов // *Фундаментальные исследования*. 2014, № 6, ч. 4. С. 851–854.
11. *Верескун С.А.* Ассоциативно-смысловое поле цвета в прозе М.И. Цветаевой: Автореф. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2012. 29 с.
12. *Виноградов В.В.* Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975. 560 с.

13. *Воробьева Е.Ю.* Динамика коннотативного потенциала цветообозначений во французском языке XX–XXI вв. (на примере номинаций товаров повседневного спроса). Автореф. ... канд. филол. наук. М., 2020. 34 с.
14. *Гадани К.* Сопоставительная характеристика прилагательных цвета в некоторых славянских языках: Автореф. ... канд. филол. наук. Минск, 1984. 14 с.
15. *Гатаулина Л.Р.* Роль цветообозначений в концептуализации мира: на материале фразеологизмов английского, немецкого, французского, русского и татарского языков: Автореф. ... канд. филол. наук. Уфа, 2005. 24 с.
16. *Гнездилова Н.В.* Эволюция словопроизводства лексико-семантического поля цвета «Graun»: на материале немецкого языка: Автореф. ... канд. филол. наук. М., 2007. 23 с.
17. *Голубь Л.А.* Сквозные мотивы языковой картины мира: на примере лексико-семантического поля «цвет» в английском и русском языках: Автореф. ... канд. филол. наук. М., 2006. 24 с.
18. *Губенко Е.В.* Лексико-семантические поля цвета и света в лирике Б.Л. Пастернака: Автореф. ... канд. филол. наук. М., 1999. 21 с.
19. *Дивина Е.А.* Синтагматика семантического поля цвета в русском языке: Автореф. ... канд. филол. наук. Краснодар, 1996. 19 с.
20. *Ермаковская Т.А.* Лексико-семантическое цвето-световое поле в прозе Б.К. Зайцева: Автореф. ... канд. филол. наук. М. 2011. 21 с.
21. *Зольникова Ю.В.* Цветовые фразеологизмы как фрагмент идиоматической картины мира русского и немецкого языков: на материале лексикографических источников: Автореф. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2010. 24 с.
22. *ИЭС – Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. 2-е изд. стереотип. М.: Русский язык, 1994.
23. *Каминская Ю.А.* Лексический класс, его семантический и фразеологический потенциал (названия растений и растительный организмов в современном русском литературном языке): Автореф. ... канд. филол. наук. М., 2002. 21 с.
24. *Караулов Ю.Н.* Общая и русская идеография. М.: Наука, 1976. 356 с.
25. *Канарская Л.Г., Честных Е.С.* Структура микрополя «белый» в составе фразеосемантического поля «цвет» // Наука и образование. 2022, № 2, Т. 5. [Электронный ресурс] URL: <http://opusmgau.ru>. Дата последнего обращения – 23.02.2023.
26. *Карташова Ю.А.* Функционально-семантическое цвето-световое поле в лирике И. Северянина: Автореф. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2004. 23 с.
27. *Касаткина Т.А.* Время, пространство, образ, имя, символика цвета, символическая деталь в «Преступлении и наказании»: комментарий // Достоевский: дополнения к комментариям / Под ред. Т.А. Касаткиной. М.: Наука, 2005. С. 236–269.
28. *Кезина С.В.* Семантическое поле цветообозначений в русском языке: диахронический аспект: Автореф. ... доктора филол. наук. Челябинск, 2010. 51 с.
29. *Кирсанова Р.М.* Розовая ксандрейка и драдедамовый платок. Костюм – вещь и образ в русской литературе XIX века. М.: Книга, 1989. 288 с.
30. *Ковишова М.Л.* Семиотика головного убора в культуре и языке. М.: Гнозис, 2015. 368 с., цв., ил.
31. *Красных В.В.* Лингвокультурология как интегративная наука: вчера, сегодня, завтра // Язык, сознание, коммуникация: сб. ст. Выпуск 63 / Отв. ред. серии В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2021. С. 62–79.
32. *Кузнецова Э.В.* Лексикология русского языка. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа, 1989. 216 с.
33. *Кульпина В.Г.* Лингвистика цвета: Термины цвета в польском и русском языках. М.: Московский Лицей, 2001. 470 с.

34. *Кульпина В.Г.* Теоретические аспекты лингвистики цвета как научного направления сопоставительного языкознания: Автореф. ... доктора филол. наук. М., 2002. 32 с.
35. *Кульпина В.Г.* Система цветообозначений русского языка в историческом освещении // Наименования цвета в индоевропейских языках: Системный и исторический анализ / Отв. ред. *А.П. Василевич*. М.: КомКнига, 2007. С. 126–184.
36. *Кульпина В.Г.* О методологическом значении научно-лингвистической категории лексического класса в преподавании польского языка // Учитель, ученик, учебник. Серия Материалы VIII научно-практической конференции МГУ имени М.В. Ломоносова, факультета иностранных языков и регионоведения / Отв. ред. И.Л. Лебедева. М.: КДУ Университетская книга, 2016. Т. 2. С. 31–41.
37. *Кульпина В.Г.* Лингвистическая цветология: От истории к современности цветовых концептосфер. М.: МАКС Пресс, 2019. 288 с.
38. *Кульпина В.Г.* Лингвистическая цветология как отрасль лингвистики цвета и как направление этнолингвистики // I Międzynarodowy Kongres Etmolingwistyczny / Red. Ewa Białek, Stanisława Niebrzegowska-Bartmińska, Joanna Szadura. Lublin: Wyd-wo UMCS, 2022. T. 2. S. 263–271.
39. *Кульпина В.Г.* Научные направления в лингвистике цвета: традиции и перспективы // Языки в современном мире: Материалы междунар. конф. / Ф-т иностр. яз. МГУ им. М.В. Ломоносова; Нац. общ-во приклад. лингвистики; Отв. ред. Е.С. Чемоданова. М., 2004. Т. II. С. 9–26.
40. ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. *В.Н. Ярцева*. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.: ил.
41. *Майзина А.Н.* Семантическое поле цветообозначений алтайского языка в сопоставлении с монгольским языком: Автореф. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2006. 25 с.
42. *Малкина В.Я.* Визуальные аспекты хронотопа: «Остров Израиль» и «Дорога в Израиль» А. Городницкого // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2020, № 1 (9). С. 82–91.
43. *Мельчук И.А.* Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ↔ текст»: Семантика, синтаксис. М.: Яз. рус. культуры, 1999. 346 с.
44. *Мартыанова Н.А.* Полевое описание элокутивных колоративов: на материале произведений А.И. Куприна: Автореф. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2007. 20 с.
45. *Мерзлякова А.Х.* Тип семантического варьирования прилагательных поля «Восприятие» (на материале английского, русского и французского языков). М.: УРСС, 2003. 453 с.
46. *Москович В.А.* Семантическое поле цветообозначений: опыт типологического исследования семантического поля: Автореф. ... канд. филол. наук. М., 1965. 18 с.
47. *Новиков Ф.Н.* Динамика культурных кодов и ее отражение в семантическом поле цветообозначения: в русском, английском и французском языках: Автореф. ... канд. филол. наук. М., 2012. 22 с.
48. *Паустовский К.Г.* Собрание сочинений: в 9 т. М.: Худож. лит., 1981–1986. Т. 1: Романы и повести. 1981. 623 с. Т. 2: Роман и повести. 1981. 615 с. Т. 3: Повести. 1982. 687 с. Т. 4: Повесть о жизни. Кн. 1–3. 1982. 734 с. Т. 5: Повесть о жизни. Кн. 4–6. 1982. 591 с. Т. 6: Рассказы. 1983. 623 с. Т. 7: Сказки. Очерки. Литературные портреты. 1983. 575 с. Т. 8: Пьесы. Теория капитана Гернета. Документальная повесть. Статьи и выступления. 1984. 447 с. Т. 9: Письма, 1915–1968. 1986. 542 с.
49. *Пелевина Н.Ф.* Теория значения и опыт построения семантических полей: значения света и цвета: Автореф. ... доктора филол. наук. Ленинград, 1971. 32 с.
50. *Перфилова М.Н.* Динамика лексики цвета в русском языке: Автореф. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2022. 26 с.

51. *Разумкова Н.В.* Лексико-семантическое поле цвета и света как когнитивно-поэтический феномен: на материале произведений К. Батюшкова и О. Мандельштама: Автореф. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2009. 26 с.
52. *Родина С.А.* Свет в художественно-колоративной системе лирики С.А. Есенина 1919–1925 гг.: Автореф. ... канд. филол. наук. М., 2001. 16 с.
53. *Руденя Г.Л.* Лексико-семантическое поле цветообозначений во французском языке: диахронический и когнитивный аспекты: Автореф. ... канд. филол. наук. Минск, 2000. 18 с.
54. *Серов Н.В.* Хроматизм мифа. Л.: Васильевский остров, 1990. 350 с.
55. *Серов Н.В.* Светоцветовая терапия. Смысл и значение цвета. СПб: Речь, 2002. 160 с.
56. *Серов Н.В.* Символика цвета. СПб.: Страта, 2015. 200 с.
57. *Сивова Т.В.* Взаимосвязь цвета, света и хронотопа в языке произведений К.Г. Паустовского: Автореф. ... канд. филол. наук. Минск, 2018. 32 с.
58. *Сивова Т.В.* Цветовая концептосфера повести К.Г. Паустовского «Мещерская сторона» // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2021. Т. 25. № 2. С. 54–66.
59. *Сивова Т.В.* Взаимосвязь цвета, света и хронотопа в языке произведений К.Г. Паустовского. Дисс. ... канд. филол. наук. Минск, 2018. 459 с.
60. *Сивова Т.В.* Киммерийский хронотоп прозы К.Г. Паустовского: цветовое воплощение // Вестник Череповецкого государственного университета. 2020, № 5 (98). С. 83–96.
61. *Сивова Т.В.* Термины цвета в репрезентации языковой картины мира К.Г. Паустовского (на материале «Северной повести») // Вестник Челябинского университета. 2021. Вып. 123. № 1 (447). С. 153–61.
62. *Сивова Т.В.* Номинации ягодной флоры в системе цветообозначений русского языка. Брусника // Езиков Свят. Orbis Linguarum. Благоевград 2023. Т. 21, кн. 1. С. 16–28.
63. СЛТ – Словарь лингвокультурологических терминов / Авторы-сост. Ковшова М.Л., Гудков Д.Б. / Отв. ред. М.Л. Ковшова. М.: Гнозис, 2017. 192 с.
64. СОШ – *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М.: Азбуковник, 1997. 944 с.
65. *Уфимцева А.А.* Лексическое значение: Принцип семиологического описания лексики. М.: Наука, 1986. 240 с.
66. Фасмер – *Фасмер Макс.* Этимологический словарь русского языка / Перевод с нем. и доп. члена-корреспондента АН СССР О.Н. Трубачева; Под ред. и с предисл. проф. *Б.А. Ларина.* Изд. 2-е, стереотип. В 4-х т. М.: Прогресс, 1986. Т. I. 576 с. Т. II. 672 с. Т. III. 832 с. Т. IV. 864 с.
67. *Федорова Л.Л.* Живописная палитра прозы Тургенева и Достоевского // Федорова Л.Л. Свет в окошке: слово как образ. М.: Российский гуманитарный университет, Институт лингвистики, 2022. С. 268–281.
68. *Фрумкина Р.М.* Цвет, смысл, сходство: аспекты психолингвистического анализа. М.: Наука, 1984. 175 с.
69. *Чумак-Жуль И.И.* Лексико-семантическое поле цвета в языке поэзии И.А. Бунина: состав, структура, функционирование: Автореф. ... канд. филол. наук. Киев, 1996. 24 с.
70. *Шармар С.В.* Взаимодействие лексико-семантических полей цвета и света в лирике Б.Л. Пастернака: Автореф. ... канд. филол. наук. М., 2005. 22 с.
71. *Шелепова Н.В.* Контекстуальная эмотивность единиц лексико-фразеологического поля «цвет»: на материале англоязычной художественной прозы XX века: Автореф. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2007. 20 с.

72. *Шерць В.И.* Названия цвѣтовъ и символическое значение ихъ / Филологические записки. Воронеж, Типография В.И. Исаева, 1884. 70 с.
73. ЭС-С – Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. Русский язык / Под общ ред. *А.Н. Тихонова* и *Р.И. Хашимова*. М.: Флинта; Наука, 2008. Т. 1. С. 399–403.
74. *Berlin V., Kay P.* Basic color terms. Their universality and evolution. Berkley – Los Angeles: University of California Press, 1969. 178 p.
75. *Ігнацюк А.А.* Колер, прастора і час у сучаснай беларускай паэзіі (на прыкладзе творчасці А. Разанава, Я. Сіпакова, Л. Дранько-Майсюка, Я. Янішчыц, У. Арлова): Аўтарэф. дыс. ... канд. філал. навук. Брэст, 1999. 22 с.
76. *Sivova T.* Color Chronotope in the Novel “The Romantics” by K.G. Paustovsky // *Linguistic Studies*. 2014, Vol. 28. P. 137–146.
77. *Wierzbicka A.* Znaczenie nazw kolorów i uniwersalia widzenia // *Wierzbicka A. Język – umysł – kultura \ Wybór pism pod red/ Jerzego Bartmińskiego*. Warszawa: Wyd-wo Naukowe PWN, 1999. S. 405–448.

**ИЗ ПОЛОНИСТИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ
САМУИЛА БОРИСОВИЧА БЕРНШТЕЙНА
НА СТРАНИЦАХ ЕЖЕГОДНИКА
«ВОПРОСЫ ПОЛОНИСТИКИ»¹**

В.Г. Кульпина

POLONISTICS – HERITAGE OF SAMUIL BORISOWICH BERNSTEIN
ON THE PAGES OF PERIODICAL “QUESTIONS OF POLONISTICS”

Valentina G. Kulpina

ABSTRACT

The paper is devoted to Professor, Doctor of Science (Philology) Samuil Borisovich Bernshtejn, pedagogue and scientist, and his personal features. There is accented, how important is on the earliest stages of profession's assimilation (specialist on Slavonic philology in this case) communication with the authoritative scientist, carried away with his profession. The author of the article had a possibility during the Slavonic philology studies at the Lomonosov MSU to listen to Introduction to Slavonic philology performed by S.B. Bernshtejn (and it was a great luck). This course predetermined her subsequent activity at the university and Slavonic researches later. Scientific biography of S.B. Bernshtejn is considered in the context of his basic education in the area of Polish studies and pedagogical work. There is presented and discussed his article devoted to dialectic background of Polish literary language and achievements of Polish and other scientists in this very complicated and delicate area. In the above mentioned article S.B. Bernshtejn pays attention to the works of his teacher Afanasij M. Selishchev and perceives here a kind of solution about provenance of Polish village language appearance masourizm (speaking with a mazurian accent), a dialectic feature of Polish language. Such a feature is explained by influence of language substratum coming out at the region of this language appearance's spreading earlier than the territory was completely assimilated by Lechits' tribes. So that Samuil B. Bernshtejn proposes the sociological approach to the problem of origin of Polish literary language forming. Such approach gives a possibility to include to the researches of Polish literary language's provenance the unknown and unexplored earlier factors.

---

¹ См. тезисы «Из полонистического наследия Самуила Борисовича Бернштейна на страницах ежегодника «Вопросы полонистики» // Материалы Международной научной конференции «Межкультурное и межязыковое взаимодействие в пространстве Славии (к 110-летию со дня рождения С.Б. Бернштейна)» / Отв. ред. Е.С. Узенева. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2021. С. 13–16.

Keywords: personalia, dialectology, history of language, literary language, Polish language.

АННОТАЦИЯ

Доклад посвящен профессору, доктору филологических наук Самуилу Борисовичу Бернштейну как педагогу и ученому, а также его личностным качествам. Подчеркивается, сколь важно на самых ранних этапах освоения профессии (в данном случае профессии филолога-слависта) общение с авторитетным ученым, увлеченным своей специальностью. Автор статьи получила возможность, и это было большое везение, уже на первом году обучения на кафедре славянской филологии Московского государственного университета имени Ломоносова прослушать в авторском исполнении С.Б. Бернштейна курс «Введения в славянскую филологию», который предопределил ее последующую жизнь в университете и в славистике. Научная биография С.Б. Бернштейна рассматривается в контексте полученного им фундаментального образования в области полонистики. Обсуждается его статья, посвященная диалектным основам польского литературного языка и вкладу польских ученых и ученых-славистов из других стран в изучение этой сложной и тонкой проблематики. В упомянутой статье С.Б. Бернштейн обращается к трудам своего учителя, А.М. Селищева, и находит в них своего рода разгадку проблемы происхождения мазурения – диалектной особенности польского (и некоторых других славянских языков), которая отсутствует в польском литературном языке. Указанная особенность объясняется влиянием языкового субстрата, выступавшего ранее на территории распространения данного языкового явления еще до ее полного освоения лехитскими племенами. Таким образом, С.Б. Бернштейном предлагался социологический подход к проблемам происхождения польского литературного языка, позволявший подключить к процессу определения базы литературного языка факторы, ранее при анализе не исследованные и не учтенные.

Ключевые слова: персоналии, диалектология, история языка, литературный язык, польский язык

Отдавая дань памяти Учителя, не могу не упомянуть о том, что Самуила Борисовича Бернштейна я знаю и помню с I курса учебы на кафедре славянской филологии МГУ. Он вел у нас *Введение в славянскую филологию*, знакомя нас с базовыми понятиями нашей специальности. Этот вводный курс оказался для меня чрезвычайно важным. Преподавание выглядело академичным, но в то же время велось в некоем занимательном ключе с массой фактического материала не только филологического характера (так, например, мы получили сведения о рационе древних славян, важной частью которого были мед и редька. На широком фоне истории, географии, истории славянских языков (а также и ряда неславянских), с вкраплениями почти детективных загадочных фактов, освещалась проблематика прародины славян. В исполнении

Самуила Борисовича я услышала слова общеславянского фонда на разных славянских языках, удивляющие экзотичностью своего звучания и в то же время понятностью. В результате у меня, тогда 17-летней студентки, создалось сладкое ощущение, что славянское отделение – это как раз то, что мне нужно, что я оказалась в самом подходящем для меня месте, и таким образом окончательно свершилась моя профориентация. Это избавило меня на всю жизнь от исканий, блужданий и сомнений по поводу специальности.

В то же время немалый прочный пласт воспоминаний о нашем замечательном Учителе, столпе нашей славистики, относится к 1996 году, когда я задумала издавать научный отраслевой журнал «Вопросы полонистики» – теоретический и в то же время дидактический, освещающий вопросы полонистики как науки о польском языке и литературе вкупе с вопросами преподавания этих дисциплин, а также преподавания русского языка польским студентам как важной смежной и родственной специальности. Кстати, издательское дело оказалось для меня слишком хлопотным, смущало также отсутствие одобрительной поддержки, поэтому моя издательская деятельность на почве полонистики вскоре завершилась изданием двух номеров.

У меня не было тяжелых раздумий – кого пригласить в самый первый номер журнала. Конечно, передо мной всплыла импозантная фигура нашего мэтра – Самуила Борисовича Бернштейна, который еще на первом курсе МГУ произвел на меня неизгладимое впечатление своей ученостью и всем своим обликом Учителя – человека строгого, требовательного, не дающего студентам никаких поблажек, способного говорить порой весьма нелюбимые вещи и в то же время обладающего обаятельным обликом истинного ученого.

К тому же, как я знала, Самуил Борисович получил полноценное базовое образование в области полонистики. Болгарский язык с его разветвленными диалектами он освоил и полюбил уже только потом.

По случаю написания Самуилом Борисовичем статьи для журнала «Вопросы полонистики» мне и довелось с ним встречаться. Это было за год до его кончины. Более всего его интересовало решение научной проблемы, которой он тогда занимался. Его огромная библиотека была в полном порядке, он в любой момент мог извлечь из любого ее угла нужное ему издание. Мне была подарена тематическая подборка авторефератов, переплетенных в одну книжечку, которые мне тогда очень пригодились для работы, и эту книжечку я храню; она мне напоминает о научной дотошности и аккуратности Самуила Борисовича.

Ум у него был исключительно систематически устроен, впрочем, в противном случае он не смог бы написать свою «Сравнительную грамматику славянских языков». Несмотря на сложнейшую фактуру и содержание, этот труд был переведен на многие иностранные языки. На польский язык его перевел известный польский языковед, профессор Лодзинского, а затем Варшавского университета Ян Вавжинчик. До сих пор, наряду с уважением, я испытываю перед этим произведением Учителя подобие ужаса после вступительных экзаменов в аспирантуру, на которых нужно было проявить полное и детальное знание этого труда. Все лето перед поступлением в аспирантуру я провела за старательными штудиями. Чтобы лучше запомнить, я этот труд конспектировала и конспектировала, и в конечном счете усвоила до такой степени, что могла во время экзаменов в аспирантуру помогать другим поступающим.

Статья, предоставленная мне Самуилом Борисовичем, называлась «К вопросу о диалектной основе польского литературного языка». В Списке его трудов, как я потом поняла, статья далеко перешагнула четырехсотый рубеж. Самуил Борисович подошел к работе над статьей фундаментально. Факт его приверженности полонистике как-то нигде особо не экспонируется, зато много пишется о его вкладе в болгаристику, в изучение болгарских диалектов. Конечно, подпасть под обаяние болгарского языка не мудрено, ведь он настолько не похож структурно и ментально на другие славянские языки... Тем не менее я ощутила и глубочайшую погруженность Самуила Борисовича в проблематику полонистики, совершенно не случайную. Статья Самуила Борисовича, созданная им специально для «Вопросов полонистики», имеет, на мой взгляд, большую познавательную ценность – социолингвистическую и социоисторическую, и, конечно, она ценна с точки зрения истории языка и истории славистики. Данной публикацией мне хотелось бы представить эту статью научной общественности, вернуть ее в русло научной жизни по прошествии 25 лет.

Статья демонстрирует глубокое знание Самуилом Борисовичем полонистики и в частности базовых проблем формирования польского литературного языка. В ней обсуждается в том числе проблема отсутствия в польском литературном языке мазурения. Что это за языковое явление – мазурение? Его еще называют мазурование, сакане и цакане. Так вот мазурение – это очень важный признак большинства польских диалектов. Если коротко, мазурение состоит прежде всего в том, что переднеязычные шипящие согласные *ś, ź*, а также аффрикаты *ś* и *ź* [dź] заменяются свистящими *s, z* и аффрикатами *s* и *z* [dz] (в разных регио-

нах Польши это явление имеет свои особенности). Так, например, вместо *jeszcze* 'еще' произносится [jesce], а слово *żaba* произносится как *zaba*. Мазурение охватывает Мазовше, то есть Мазовию, Мазуры, Малопольшу, часть Силезии (на севере региона). Мазурение не имеет места в Великопольше, в Вармии, в южной части Силезии и, естественно, в Кашубском регионе. Проблема мазурения непосредственно связана с проблематикой формирования польского литературного языка. И в своей статье, обращенной к базовой для польского языка проблематике, Самуил Борисович в ходе анализа именно расставлял в этом вопросе необходимые акценты. Ведь несмотря на охват больших территорий и целых регионов Польши, в литературный язык мазурение не проникло. Высказывалось мнение, что поскольку литературному языку мазурение не присуще, значит, литературный язык возник вне охваченных мазурением регионов – в Великопольше и в ряде других, «не мазурящих», регионов. Великопольскую теорию происхождения польского литературного языка Александр Брюкнер назвал фантастической, не подкрепленной литературными источниками. Однако у этой теории были и сторонники среди авторитетных ученых, например, к ней клонялся и Казимеж Нич.

Еще высказывалось мнение, что мазурение возникло благодаря иноязычному финскому субстрату. Вопреки мнению на этот счет некоторых известных ученых, С.Б. Бернштейн указывает, что «поляки с финнами находились в непосредственном общении только в доисторический период» [Бернштейн 1996: 13], отсюда вопрос о финском влиянии на польский язык нерелевантен. В этом вопросе Самуил Борисович обращается к исследованиям своего учителя – Афанасия Матвеевича Селищева – и находит в них своего рода разгадку проблемы происхождения мазурения – диалектной особенности польского и некоторых других славянских языков. А.М. Селищев источник шоканья и соканья в славянских языках усматривал во влиянии субстрата, а возникновение польского мазурения относил непосредственно к влиянию балтийско-литовских групп, в том числе к воздействию прусского субстрата (см.: [Бернштейн 1996: 13]). И таким образом, рассматриваемая особенность языка некоторых регионов Польши объясняется влиянием языкового субстрата, выступавшего ранее на территории распространения данного языкового явления еще до ее полного освоения лехитскими племенами.

В статье Самуила Борисовича Бернштейна дан тщательный лингвистический обзор мнений и трудов (с 1900 года) по этой чрезвычайно волнующей польских языковедов проблеме, начиная со статьи Станислава Добжицкого в академическом издании «*Rozprawy*» „*O tak zwanym*

mazurowaniu w języku polskim” ‘О так называемом мазурении в польском языке’. В статье Самуила Борисовича фигурируют имена таких известных польских языковедов, как Казимеж Нич, Александр Брюкнер, Тадеуш Лер-Сплавинский, Ян Лось, Станислав Шобер, Витольд Тащицкий, Антони Малецкий, Миколай Рудницкий. С.Б. Бернштейн подчеркивает, что дискуссия, разгоревшаяся по поводу диалектной основы польского языка, не замыкалась научными изданиями; она даже перекочевала на страницы газет, что свидетельствует о большом общественном резонансе проблематики возникновения польского литературного языка. Примечательно, что С.Б. Бернштейн, приводя библиографию трудов по данной проблематике, указывает даже точные даты выхода ежедневных газетных изданий («Kurier Poznański» и «Czas») со статьями корифеев – Тадеуша Лер-Сплавинского и историка Яна Домбровского. Заметим лишь, что в период написания статьи интернета не существовало, проверить что-то в текущем плане, на ходу, не было возможности, а значит, все необходимые для написания статьи данные десятилетиями бережно хранились ее автором (скорее всего) или извлекались из библиотечных фондов. Не забыты и зарубежные издания, в которых обсуждается эта проблематика. В заключительную часть статьи включены 24 примечания по поводу тех или иных ее положений.

Самуил Борисович Бернштейн указывает на трудности, которые возникают обычно в связи с установлением диалектной основы любого литературного языка. Он отмечает, что в дискуссию по установлению диалектной основы польского литературного языка вовлечены отнюдь не только специалисты-полонисты – в ней участвуют и специалисты, занимающиеся другими языками. В контексте особой сложности вопроса С.Б. Бернштейн устанавливает параллели и проводит сопоставление проблемы с установлением диалектной основы польского языка с проблемой установления таковой болгарского языка, которая, по его мнению, во всей полноте еще не решена. Приведу цитату из статьи по поводу методологии таких исследований: «Многие исследования, посвященные происхождению литературного языка, грешат двумя существенными методологическими недостатками: исследователь не учитывает того, что литературный язык возник не только на какой-то территории, но и в определенной социальной среде, и что границы диалектов менялись – несколько столетий назад они были совсем другими» [Бернштейн 1996: 8].

Самуил Борисович пишет: «В эпоху создания в XIII–XIV вв. на территории Малой Польши польского литературного языка мазурение уже было представлено в мазовецких и малопольских диалектах. Но эта

характерная фонетическая особенность была представлена в языке лишь тех сословий, которые к литературному языку не имели никакого отношения. В среде крупной шляхты, польского духовенства не мазуракали на территории всей Польши. Поэтому литературный язык и не знал мазурения. Таким образом, последний аргумент сторонников великопольской теории – отсутствие мазурения в литературном языке – не может свидетельствовать в ее пользу» [Бернштейн 1996: 15].

И таким образом, Самуил Борисович Бернштейн в ходе своих рассуждений и в результате детального анализа делает вывод о том, что явление мазурения не могло затронуть польский литературный язык, потому что это не был диалектный язык крестьян и мелкой шляхты, но язык высших слоев тогдашнего польского общества. Таким образом, им поддерживается мнение тех польских лингвистов, которые отвергают великопольскую теорию происхождения польского литературного языка. Сопоставляя научные факты и высказывания ученых, С.Б. Бернштейн приходит к выводу, что многие явления из истории польского языка и его социального распространения требуют социологического взгляда с позиций социальной диалектологии.

Л и т е р а т у р а / R e f e r e n c e s

1. Бернштейн С.Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М.: Издательство АН СССР, 1961. 352 с.
2. Бернштейн С.Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков: Чередования. Именные основы. М.: Наука, 1974. 378 с.
3. Бернштейн С.Б. К вопросу о диалектной основе польского литературного языка // Вопросы полонистики. М.: Московский Лицей, 1996. С. 7–17.
4. Вопросы полонистики: Международный научно-методический журнал по проблемам польского языка и литературы / Под ред. В.Г. Кульпиной. М.: Московский Лицей, 1996. Т. 1. 111 с.
5. Селищев А.М. Соканье и шоканье в славянских языках. *Slavia*. 1931. Ročník 10. Sešit 4. S. 718–741. [Цит. по: Бернштейн С.Б. Вопросы полонистики. М.: Московский Лицей, 1996. № 1. С. 13.]

ОБРАЗ КРАСОТЫ В РОМАНЕ ГЕНРИ ДЖЕЙМСА «ЖЕНСКИЙ ПОРТРЕТ»

A.A. Изотова

THE IMAGE OF BEAUTY IN THE NOVEL
"THE PORTRAIT OF A LADY" BY HENRY JAMES

A.A. Izotova

ABSTRACT

The article is devoted to the image of beauty in the novel "The Portrait of a Lady" by Henry James. The classification of creating the image of beauty is presented according to the following aspects: outer beauty, beauty of heroes' emotional perception, beauty of a landscape, beauty of the characters' soul. The analysis of the material demonstrates that beauty is a textological tissue of the novel.

Key words: Henry James; beauty; landscape, soul; inner world; metaphor

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена образу красоты в романе Генри Джеймса «Женский портрет». Представлена классификация создания образа красоты по следующим аспектам: красота внешняя, красота ума и эмоционального восприятия героев, красота описания места или пейзажа, красота души персонажей романа. Анализ материала показывает, что красота выступает как текстологическая ткань романа.

Ключевые слова: Генри Джеймс; красота; пейзаж; душа; внутренний мир; метафора

Роман «Женский портрет» классика американской и мировой литературы Генри Джеймса вводит читателя в мир психологических и онтологических загадок, повествует о тайнах бытия и судьбе, управляющей человеческой жизнью.

Красота буквально пронизывает роман, при этом образ красоты создается автором по следующим аспектам: красота внешняя, красота ума и эмоционального восприятия героев, красота описаний интерьеров или пейзажей, красота души персонажей романа.

Обратимся к анализу первого аспекта:

The girl spoke to Ralph, smiling, while she still held up the terrier. "Is this your little dog, sir?"

"He was mine a moment ago; but you've suddenly acquired a remarkable air of property in him."

“Couldn’t we share him?” asked the girl. “He’s such a perfect little darling.”

Ralph looked at her a moment; she was unexpectedly pretty. “You may have him altogether,” he then replied.

При знакомстве приехавшей из Америки главной героини Изабель Арчер с её живущем в Англии кузеном Ральфом Тачеттом она описывается как “невероятно хорошенькая” (*unexpectedly pretty*).

She remained standing where they had met, making no offer to advance or to speak to Mr. Touchett, and while she lingered so near the threshold, slim and charming, her interlocutor wondered if she expected the old man to come and pay her his respects. American girls were used to a great deal of deference, and it had been intimated that this one had a high spirit. Indeed Ralph could see that in her face.

“Won’t you come and make acquaintance with my father?” he nevertheless ventured to ask. “He’s old and infirm—he doesn’t leave his chair.”

“Ah, poor man, I’m very sorry!” the girl exclaimed, immediately moving forward. “I got the impression from your mother that he was rather intensely active.”

Ральфу его кузина кажется изящной и очаровательной (*slim and charming*), в то время как она ожидает знакомства со своим дядей – отцом Ральфа.

“Well, I must say I should have no particular desire to marry her,” Edmund Ludlow was accustomed to answer in an extremely audible tone.

“I know you say that for argument; you always take the opposite ground. I don’t see what you’ve against her except that she’s so original.”

“Well, I don’t like originals; I like translations,” Mr. Ludlow had more than once replied. “Isabel’s written in a foreign tongue. I can’t make her out. She ought to marry an Armenian or a Portuguese.”

“That’s just what I’m afraid she’ll do!” cried Lilian, who thought Isabel capable of anything.

В беседе сестры Изабель Лилиан с её мужем Эдмундом Ладлоу Изабель описывается как необычная оригинальная личность, которая «написана на иностранном языке» (*written in a foreign tongue*), что вызывает отрицательные коннотации в восприятии Эдмунда, который не может её понять.

“My duty!” Mrs. Touchett declared. “I suppose you pity her very much,” she added.

“No, I don’t think I pity her. She doesn’t strike me as inviting compassion. I think I envy her. Before being sure, however, give me a hint of where you see your duty.”

“In showing her four European countries—I shall leave her the choice of two of them—and in giving her the opportunity of perfecting herself in French, which she already knows very well.”

Ralph frowned a little. “That sounds rather dry—even allowing her the choice of two of the countries.”

“If it’s dry,” said his mother with a laugh, “you can leave Isabel alone to water it! She is as good as a summer rain, any day.”

“Do you mean she’s a gifted being?”

“I don’t know whether she’s a gifted being, but she’s a clever girl—with a strong will and a high temper. She has no idea of being bored.”

“Ah, dear mother,” Ralph exclaimed, “one always knows what to expect of you! You’ve never surprised me but once, and that’s to-day—in presenting me with a pretty cousin whose existence I had never suspected.”

“Do you think her so very pretty?”

“Very pretty indeed; but I don’t insist upon that. It’s her general air of being some one in particular that strikes me. Who is this rare creature, and what is she? Where did you find her, and how did you make her acquaintance?”

В связанных контекстах беседы Ральфа Тачетта с его матерью последняя описывает Изабель как невероятно живую умную девушку с сильной волей, в то время как эмоции Ральфа иные: он воспринимает кухню как хорошенькую девушку не в обычном смысле, а как редкое существо (rare creature), способное поразить всех вокруг.

“I told you just now I’m very fond of knowledge,” Isabel answered.

“Yes, of happy knowledge—of pleasant knowledge. But you haven’t suffered, and you’re not made to suffer. I hope you’ll never see the ghost!”

She had listened to him attentively, with a smile on her lips, but with a certain gravity in her eyes. Charming as he found her, she had struck him as rather presumptuous—indeed it was a part of her charm; and he wondered what she would say. “I’m not afraid, you know,” she said: which seemed quite presumptuous enough.

Ральф находит Изабель очаровательной, но немного самонадеянной (presumptuous), но эта черта кажется ему неотъемлемой частью её шарма (it was a part of her charm).

Mr. Touchett used to think that she reminded him of his wife when his wife was in her teens. It was because she was fresh and natural and quick to

understand, to speak—so many characteristics of her niece—that he had fallen in love with Mrs. Touchett. He never expressed this analogy to the girl herself, however; for if Mrs. Touchett had once been like Isabel, Isabel was not at all like Mrs. Touchett. The old man was full of kindness for her; it was a long time, as he said, since they had had any young life in the house; and our rustling, quickly-moving, clear-voiced heroine was as agreeable to his sense as the sound of flowing water.

Отец Ральфа мистер Тачетт воспринимает энергичную, живую, звонкоголосую племянницу Изабель Арчер как приятный звук струящейся воды (as the sound of flowing water). Данное метафорическое сравнение показывает, что Изабель пробуждающим образом воздействовала на пожилого джентльмена.

If his cousin were to be nothing more than an entertainment to him, Ralph was conscious she was an entertainment of a high order. “A character like that,” he said to himself—“a real little passionate force to see at play is the finest thing in nature. It’s finer than the finest work of art—than a Greek bas-relief, than a great Titian, than a Gothic cathedral. It’s very pleasant to be so well treated where one had least looked for it. I had never been more blue, more bored, than for a week before she came; I had never expected less that anything pleasant would happen. Suddenly I receive a Titian, by the post, to hang on my wall—a Greek bas-relief to stick over my chimney-piece. The key of a beautiful edifice is thrust into my hand, and I’m told to walk in and admire. <...> The sentiment of these reflexions was very just; but it was not exactly true that Ralph Touchett had had a key put into his hand. His cousin was a very brilliant girl, who would take, as he said, a good deal of knowing; but she needed the knowing, and his attitude with regard to her, though it was contemplative and critical, was not judicial. He surveyed the edifice from the outside and admired it greatly; he looked in at the windows and received an impression of proportions equally fair. But he felt that he saw it only by glimpses and that he had not yet stood under the roof. The door was fastened, and though he had keys in his pocket he had a conviction that none of them would fit. She was intelligent and generous; it was a fine free nature; but what was she going to do with herself?

В своих мыслях Ральф сравнивает свою кузину Изабель с греческим барельефом, великим Тицианом, готическим собором и ставит её красоту выше. Ральф наблюдает за прекрасным фасадом, но ощущает, что он еще не побывал под крышей здания, дверь закрыта и будет сложно подобрать ключ к этой умной, великодушной и свободолюбивой девушке (*She was intelligent and generous; it was a fine free nature*).

“Well, now, tell me what I shall do,” said Ralph.

“Go right home, to begin with.”

“Yes, I see. And then?”

“Take right hold of something.”

“Well, now, what sort of thing?”

“Anything you please, so long as you take hold. Some new idea, some big work.”

“Is it very difficult to take hold?” Ralph enquired.

“Not if you put your heart into it.”

“Ah, my heart,” said Ralph. “If it depends upon my heart—!”

“Haven’t you got a heart?”

“I had one a few days ago, but I’ve lost it since.”

В беседе с подругой Изабель журналисткой мисс Стэкпол Ральф Тачетт использует идиому *lose one’s heart* ‘полюбить кого-то’, имея в виду, что он покорен своей кузиной.

Are you afraid—afraid of the climate? We can easily live elsewhere, you know. You can pick out your climate, the whole world over.”

These words were uttered with a breadth of candour that was like the embrace of strong arms—that was like the fragrance straight in her face, and by his clean, breathing lips, of she knew not what strange gardens, what charged airs. She would have given her little finger at that moment to feel strongly and simply the impulse to answer: “Lord Warburton, it’s impossible for me to do better in this wonderful world, I think, than commit myself, very gratefully, to your loyalty.” But though she was lost in admiration of her opportunity she managed to move back into the deepest shade of it, even as some wild, caught creature in a vast cage. The “splendid” security so offered her was not the greatest she could conceive. What she finally bethought herself of saying was something very different—something that deferred the need of really facing her crisis. “Don’t think me unkind if I ask you to say no more about this to-day.”

Слова любви, обращенные к Изабель лордом Варбуртоном, метафорически уподобляются объятиям сильных рук (*the embrace of strong arms*), благоуханию в лицо (*the fragrance straight in her face*), таинственным неведомым садам (*strange gardens*).

“You’re in love with yourself, that’s the Other!” Miss Stackpole declared. “Much good may it do you! But if you wish to be serious once in your life here’s a chance; and if you really care for your cousin here’s an opportunity to prove it. I don’t expect you to understand her; that’s too much to ask. But you needn’t do that to grant my favour. I’ll supply the necessary intelligence.”

"I shall enjoy that immensely!" Ralph exclaimed. "I'll be Caliban and you shall be Ariel."

"You're not at all like Caliban, because you're sophisticated, and Caliban was not. But I'm not talking about imaginary characters; I'm talking about Isabel. Isabel's intensely real. What I wish to tell you is that I find her fearfully changed."

"Since you came, do you mean?"

"Since I came and before I came. She's not the same as she once so beautifully was."

"As she was in America?"

"Yes, in America. I suppose you know she comes from there. She can't help it, but she does."

"Do you want to change her back again?"

"Of course I do, and I want you to help me."

"Ah," said Ralph, "I'm only Caliban; I'm not Prospero."

"You were Prospero enough to make her what she has become. You've acted on Isabel Archer since she came here, Mr. Touchett."

В беседе с Генриеттой Стэкпол Ральф Тачетт мастерски использует аллюзию на шекспировскую «Бурю». Он сравнивает себя с уродливым Калибаном, а прекрасную собеседницу – с Ариэль. Журналистка возражает, что он слишком утончен, чтобы быть Калибаном и просит Ральфа оказать влияние на её подругу Изабель, а на возражение собеседника, что он всего лишь Калибан, а не Просперо, уверяет его, что он в достаточной степени Просперо. т.е. могучий волшебник, чтобы изменить Изабель (*You were Prospero enough to make her what she has become.*).

"There you're not candid again; you're extremely interesting to yourself. Do you know, however," said Ralph, "that if you've really given Warburton his final answer I'm rather glad it has been what it was. I don't mean I'm glad for you, and still less of course for him. I'm glad for myself."

"Are you thinking of proposing to me?"

"By no means. From the point of view I speak of that would be fatal; I should kill the goose that supplies me with the material of my inimitable omelettes. I use that animal as the symbol of my insane illusions. What I mean is that I shall have the thrill of seeing what a young lady does who won't marry Lord Warburton."

Ральф Тачетт преклоняется перед красотой своей кузины Изабель Арчер и потрясен её отказом выйти замуж за лорда Варбуртона. При этом Ральф в своей речи искусно обыгрывает идиому *kill the goose that lays the golden eggs* 'убить курицу, которая несет золотые яйца', чтобы показать, какой трепет он ощущает от её поступка. Оживляется буквальное значение компонента *egg* в реплике *I should kill the goose that*

supplies me with the material of my inimitable omelettes ‘Я убью гусыню, обеспечивающую меня ингредиентами для моих неподражаемых омлетов’.

Certainly, on the whole, Isabel had never encountered a more agreeable and interesting figure than Madame Merle; she had never met a person having less of that fault which is the principal obstacle to friendship—the air of reproducing the more tiresome, the stale, the too-familiar parts of one’s own character. The gates of the girl’s confidence were opened wider than they had ever been; she said things to this amiable auditee that she had not yet said to any one. Sometimes she took alarm at her candour: it was as if she had given to a comparative stranger the key to her cabinet of jewels. These spiritual gems were the only ones of any magnitude that Isabel possessed, but there was all the greater reason for their being carefully guarded. Afterwards, however, she always remembered that one should never regret a generous error and that if Madame Merle had not the merits she attributed to her, so much the worse for Madame Merle. There was no doubt she had great merits—she was charming, sympathetic, intelligent, cultivated.

При общении со знакомой её тети мадам Мерль Изабель оценивает достоинства этой дамы, которая кажется ей очаровательной, умной и образованной (*she was charming, sympathetic, intelligent, cultivated*). Иногда Изабель даже испытывает тревогу из-за своей прямоты с мадам Мерль. Как будто она отдала незнакомке ключ от своего шкафчика с драгоценностями – духовными ценностями героини (*spiritual gems*).

She lost herself in a maze of visions; the fine things to be done by a rich, independent, generous girl who took a large human view of occasions and obligations were sublime in the mass. Her fortune therefore became to her mind a part of her better self; it gave her importance, gave her even, to her own imagination, a certain ideal beauty.

Получение наследства придает Изабель Арчер определенную идеальную красоту (*gave her even, to her own imagination, a certain ideal beauty*). Наследство воспринимается героиней как лучшая часть самой себя, как нечто, что она могла бы употребить во благо как щедрый великодушный человек.

“Is she beautiful, clever, rich, splendid, universally intelligent and unprecedentedly virtuous? It’s only on those conditions that I care to make her acquaintance. You know I asked you some time ago never to speak to me of a creature who shouldn’t correspond to that description. I know plenty of dingy people; I don’t want to know any more.”

“Miss Archer isn’t dingy; she’s as bright as the morning. She corresponds to your description; it’s for that I wish you to know her. She fills all your requirements.”

“More or less, of course.”

“No; quite literally. She’s beautiful, accomplished, generous and, for an American, well-born. She’s also very clever and very amiable, and she has a handsome fortune.”

В беседе с художником мистером Осмондом, знатоком искусств, мадам Мерль использует метафорическое сравнение для характеристики Изабель Арчер (*she is as bright as morning* ‘она светла, как утро’). Мадам Мерль также упоминает, что Изабель красива, изысканна, великодушна, для американки имеет хорошее происхождение, умна, общительна и обладает прекрасным наследством.

He repeated more than once that he had not expected to meet her, and it was evident that the encounter touched him in a way that would have made preparation advisable. He began abruptly to pass from the impunity of things to their solemnity, and from their being delightful to their being impossible. He was splendidly sunburnt; even his multitudinous beard had been burnished by the fire of Asia. He was dressed in the loose-fitting, heterogeneous garments in which the English traveller in foreign lands is wont to consult his comfort and affirm his nationality; and with his pleasant steady eyes, his bronzed complexion, fresh beneath its seasoning, his manly figure, his minimising manner and his general air of being a gentleman and an explorer, he was such a representative of the British race as need not in any clime have been disavowed by those who have a kindness for it. Isabel noted these things and was glad she had always liked him. He had kept, evidently in spite of shocks, every one of his merits—properties these partaking of the essence of great decent houses, as one might put it; resembling their innermost fixtures and ornaments, not subject to vulgar shifting and removable only by some whole break-up. <...> He was pleasant, he was powerful, he was gallant; there was no better man than he. But her answer remained.

При случайной встрече с лордом Варбуртоном Изабель Арчер обнаруживает, что он прекрасно выглядит: он великолепно загорел после своих странствий по Азии, у него приятный спокойный взгляд, бронзовый свежий цвет кожи, статная фигура. Своим внешним видом джентльмена и исследователя он являет собой пример настоящего узнаваемого представителя британской расы. Изабель также замечает, что лорд Варбуртон приятен, силен, галантен, и нет лучшего мужчины, чем он (*He was pleasant, he was powerful, he was gallant; there was no better man than he*). Но её отказ выйти за него замуж остается неизменным.

“I’m absolutely in love with you.”

He had repeated the announcement in a tone of almost impersonal discretion, like a man who expected very little from it but who spoke for his own needed relief. The tears came into her eyes: this time they obeyed the sharpness of the pang that suggested to her somehow the slipping of a fine bolt—backward, forward, she couldn't have said which. The words he had uttered made him, as he stood there, beautiful and generous, invested him as with the golden air of early autumn; but, morally speaking, she retreated before them—facing him still—as she had retreated in the other cases before a like encounter.

При признании в любви Изабель Арчер слова Гилберта Осмонда в восприятии героини делают его красивым и великодушным, как будто наделяют его золотым воздухом ранней осени (*invested him as with the golden air of early autumn*).

Isabel sat there half an hour, and Pansy rose to the occasion as the small, winged fairy in the pantomime soars by the aid of the dissimulated wire—not chattering, but conversing, and showing the same respectful interest in Isabel's affairs that Isabel was so good as to take in hers. Isabel wondered at her; she had never had so directly presented to her nose the white flower of cultivated sweetness. How well the child had been taught, said our admiring young woman; how prettily she had been directed and fashioned; and yet how simple, how natural, how innocent she had been kept! Isabel was fond, ever, of the question of character and quality, of sounding, as who should say, the deep personal mystery, and it had pleased her, up to this time, to be in doubt as to whether this tender slip were not really all-knowing. Was the extremity of her candour but the perfection of self-consciousness? Was it put on to please her father's visitor, or was it the direct expression of an unspotted nature? The hour that Isabel spent in Mr. Osmond's beautiful empty, dusky rooms—the windows had been half-darkened, to keep out the heat, and here and there, through an easy crevice, the splendid summer day peeped in, lighting a gleam of faded colour or tarnished gilt in the rich gloom—her interview with the daughter of the house, I say, effectually settled this question. Pansy was really a blank page, a pure white surface, successfully kept so; she had neither art, nor guile, nor temper, nor talent—only two or three small exquisite instincts: for knowing a friend, for avoiding a mistake, for taking care of an old toy or a new frock. Yet to be so tender was to be touching withal, and she could be felt as an easy victim of fate. She would have no will, no power to resist, no sense of her own importance; she would easily be mystified, easily crushed...

Дочь Гилберта Осмонда Пэнси кажется Изабель Арчер белым цветом утонченной мягкости (*the white flower of cultivated sweetness*). Изабель восхищается воспитанием Пэнси и тем, как девочка естественна и

невинна. Пэнси для Изабель – непрочитанная страница, чистая белая поверхность. Цветообозначение white неоднократно встречается при описании юной героини и выступает как символ невинности. Однако Изабель ощущает, что Пэнси настолько ранима, что может стать легкой добычей судьбы.

Now I'm really satisfied, because I can't think of anything better. It's just as when one has been trying to spell out a book in the twilight and suddenly the lamp comes in. I had been putting out my eyes over the book of life and finding nothing to reward me for my pains; but now that I can read it properly I see it's a delightful story. My dear girl, I can't tell you how life seems to stretch there before us—what a long summer afternoon awaits us. It's the latter half of an Italian day—with a golden haze, and the shadows just lengthening, and that divine delicacy in the light, the air, the landscape, which I have loved all my life and which you love to-day. Upon my honour, I don't see why we shouldn't get on. We've got what we like—to say nothing of having each other. We've the faculty of admiration and several capital convictions. We're not stupid, we're not mean, we're not under bonds to any kind of ignorance or dreariness. You're remarkably fresh, and I'm remarkably well-seasoned. We've my poor child to amuse us; we'll try and make up some little life for her. It's all soft and mellow—it has the Italian colouring.”

Гилберт Осмонд разворачивает перед Изабель Арчер красивую картину их совместной будущей жизни с итальянским колоритом. Он буквально завораживает героиню: их ждет долгий летний полдень (*what a long summer afternoon awaits us*), итальянский день с золотистой дымкой и божественной утонченностью света, воздуха, пейзажа, которая восхитит любого (*an Italian day—with a golden haze, and the shadows just lengthening, and that divine delicacy in the light, the air, the landscape*).

He had made to a certain extent good use of his time; he had devoted it in vain to finding a flaw in Pansy Osmond's composition. She was admirably finished; she had had the last touch; she was really a consummate piece. He thought of her in amorous meditation a good deal as he might have thought of a Dresden-china shepherdess. Miss Osmond, indeed, in the bloom of her juvenility, had a hint of the rococo which Rosier, whose taste was predominantly for that manner, could not fail to appreciate.

Влюбленный в Пэнси Осмонд молодой Эдвард Розьер считает её красоту совершенной (*she was really a consummate piece*). Розьер размышляет о Пэнси как о пастушке из дрезденского фарфора. В цвете своей юности Осмонд обладает чертами рококо, стиля, который Розьер не может не оценить (*Miss Osmond, indeed, in the bloom of her juvenility, had a hint of the rococo*).

He took his course to the adjoining room and met Mrs. Osmond coming out of the deep doorway. She was dressed in black velvet; she looked high and splendid, as he had said, and yet oh so radiantly gentle! We know what Mr. Rosier thought of her and the terms in which, to Madame Merle, he had expressed his admiration. Like his appreciation of her dear little stepdaughter it was based partly on his eye for decorative character, his instinct for authenticity; but also on a sense for uncatalogued values, for that secret of a "lustre" beyond any recorded losing or rediscovering, which his devotion to brittle wares had still not disqualified him to recognise. Mrs. Osmond, at present, might well have gratified such tastes. The years had touched her only to enrich her; the flower of her youth had not faded, it only hung more quietly on its stem. She had lost something of that quick eagerness to which her husband had privately taken exception—she had more the air of being able to wait. Now, at all events, framed in the gilded doorway, she struck our young man as the picture of a gracious lady.

Эдвард Розьер встречается с вышедшей за Гилберта Осмонда и ставшей миссис Осмонд Изабель, чтобы поговорить о её приемной дочери Пэнси. Розьеру миссис Осмонд кажется великолепной и в то же время излучающей доброту (*she looked high and splendid, as he had said, and yet oh so radiantly gentle*). Автор использует метафорическое сравнение при описании внешности Изабель: годы коснулись её только чтобы углубить её красоту, цветок её юности не увял (*the flower of her youth had not faded*).

"No, she's unique—she's absolutely unique," he used to say to himself; and you may be sure that not for an instant would he have admitted to you that she was wanting in style. Style? Why, she had the style of a little princess; if you couldn't see it you had no eye. It was not modern, it was not conscious, it would produce no impression in Broadway; the small, serious damsel, in her stiff little dress, only looked like an Infanta of Velasquez. This was enough for Edward Rosier, who thought her delightfully old-fashioned. Her anxious eyes, her charming lips, her slip of a figure, were as touching as a childish prayer. He had now an acute desire to know just to what point she liked him—a desire which made him fidget as he sat in his chair.

Эдвард Розьер считает Пэнси Осмонд абсолютно уникальной девушкой. По его мнению, она обладает стилем юной принцессы (*she had the style of a little princess*). Она выглядит, как инфанта Веласкеса, невероятно старомодно, что очень по душе Розьеру. Её тревожный взгляд, очаровательный рот, худенькая фигура так же трогательны, как молитва ребенка (*Her anxious eyes, her charming lips, her slip of a figure, were as touching as a childish prayer*).

Обратимся к рассмотрению образа красоты в отношении места и пейзажа.

There was a constant coming and going; her grandmother's sons and daughters and their children appeared to be in the enjoyment of standing invitations to arrive and remain, so that the house offered to a certain extent the appearance of a bustling provincial inn kept by a gentle old landlady who sighed a great deal and never presented a bill. Isabel of course knew nothing about bills; but even as a child she thought her grandmother's home romantic. There was a covered piazza behind it, furnished with a swing which was a source of tremulous interest; and beyond this was a long garden, sloping down to the stable and containing peach-trees of barely credible familiarity. Isabel had stayed with her grandmother at various seasons, but somehow all her visits had a flavour of peaches.

Изабель Арчер вспоминает свое детство и дом своей бабушки, который ребенком она считала романтическим. Она вспоминает большой сад с персиковыми деревьями. Девочка гостила у бабушки в разные времена года, но каким-то образом все её визиты были пропитаны ароматом персиков (*but somehow all her visits had a flavour of peaches*).

"Please tell me—isn't there a ghost?" she went on.

"A ghost?"

"A castle-spectre, a thing that appears. We call them ghosts in America."

"So we do here, when we see them."

"You do see them then? You ought to, in this romantic old house."

"It's not a romantic old house," said Ralph. "You'll be disappointed if you count on that. It's a dismally prosaic one; there's no romance here but what you may have brought with you."

"I've brought a great deal; but it seems to me I've brought it to the right place."

В беседе с Ральфом Тачеттом Изабель Арчер при знакомстве с домом его семьи интересуется, не бродит ли здесь привидение. Изабель сообщает, что привидение должно непременно здесь быть, так как в её восприятии это романтический старый дом (*You ought to, in this romantic old house*). Ральф возражает ей, утверждая, что романтику в их дом привнесла сама Изабель.

Then Henrietta presents herself, and I'm straightway convinced by her; not so much in respect to herself as in respect to what masses behind her."

"Ah, you mean the back view of her," Ralph suggested.

"What she says is true," his cousin answered; "you'll never be serious. I like the great country stretching away beyond the rivers and across the prairies, blooming and smiling and spreading till it stops at the green

Pacific! A strong, sweet, fresh odour seems to rise from it, and Henrietta—pardon my simile—has something of that odour in her garments.”

Isabel blushed a little as she concluded this speech, and the blush, together with the momentary ardour she had thrown into it, was so becoming to her that Ralph stood smiling at her for a moment after she had ceased speaking. “I’m not sure the Pacific’s so green as that,” he said; “but you’re a young woman of imagination. Henrietta, however, does smell of the Future—it almost knocks one down!”

Изабель Арчер описывает свою страну Америку, ей нравится великолепная страна, простирающаяся вдоль рек и прерий, цветущая, улыбающаяся и раскинувшаяся до зеленого Тихого Океана (blooming and smiling and spreading till it stops at the green Pacific). От неё исходит приятный свежий аромат (A strong, sweet, fresh odour seems to rise from it), и, извиняясь за свое сравнение, Изабель полагает, что её подруга журналистка Генриетта Стэкпол несет это благоухание в своем одеянии.

Mr. Osmond directed her steps into the garden without more delay. Madame Merle and the Countess had had chairs brought out, and as the afternoon was lovely the Countess proposed they should take their tea in the open air. Pansy therefore was sent to bid the servant bring out the preparations. The sun had got low, the golden light took a deeper tone, and on the mountains and the plain that stretched beneath them the masses of purple shadow glowed as richly as the places that were still exposed. The scene had an extraordinary charm. The air was almost solemnly still, and the large expanse of the landscape, with its garden-like culture and nobleness of outline, its teeming valley and delicately-fretted hills, its peculiarly human-looking touches of habitation, lay there in splendid harmony and classic grace. “You seem so well pleased that I think you can be trusted to come back,” Osmond said as he led his companion to one of the angles of the terrace.

Итальянский пейзаж, разворачивающийся перед читателем, несет в себе романтический оттенок: насыщенный золотистый свет ложится на горы и равнины, и пурпурные тени ярко сверкают. Эта сцена обладает невероятным очарованием (The scene had an extraordinary charm). Пейзаж несет в себе потрясающую гармонию и классическое изящество (splendid harmony and classic grace).

They shook hands, and he left her alone in the glorious room, among the shining antique marbles. She sat down in the centre of the circle of these presences, regarding them vaguely, resting her eyes on their beautiful blank faces; listening, as it were, to their eternal silence. It is impossible, in Rome at least, to look long at a great company of Greek sculptures without feeling the effect of their noble quietude; which, as with a high door closed for the

ceremony, slowly drops on the spirit the large white mantle of peace. I say in Rome especially, because the Roman air is an exquisite medium for such impressions. The golden sunshine mingles with them, the deep stillness of the past, so vivid yet, though it is nothing but a void full of names, seems to throw a solemn spell upon them. The blinds were partly closed in the windows of the Capitol, and a clear, warm shadow rested on the figures and made them more mildly human. Isabel sat there a long time, under the charm of their motionless grace, wondering to what, of their experience, their absent eyes were open, and how, to our ears, their alien lips would sound. The dark red walls of the room threw them into relief; the polished marble floor reflected their beauty. She had seen them all before, but her enjoyment repeated itself, and it was all the greater because she was glad again, for the time, to be alone.

Сцена, в которой Изабель Арчер остается одна в римском Капитолии, показывает, как античные мраморные скульптуры воздействуют своей красотой и безмолвием на состояние её души. Изабель рассматривает красивые чистые лица скульптур и как будто слушает тишину вечности (*resting her eyes on their beautiful blank faces; listening, as it were, to their eternal silence*). В восприятии героини статуи набрасывают на дух посетителя огромную белую мантию спокойствия, золотистый солнечный свет играет на них, и кажется, что они околдовывают своими торжественными чарами. При этом полировка мраморного пола отражает их красоту (*the polished marble floor reflected their beauty*).

Рассмотрим аспект красоты души героев романа.

She had a theory that it was only under this provision life was worth living; that one should be one of the best, should be conscious of a fine organisation (she couldn't help knowing her organisation was fine), should move in a realm of light, of natural wisdom, of happy impulse, of inspiration gracefully chronic. It was almost as unnecessary to cultivate doubt of one's self as to cultivate doubt of one's best friend: one should try to be one's own best friend and to give one's self, in this manner, distinguished company. The girl had a certain nobleness of imagination which rendered her a good many services and played her a great many tricks. She spent half her time in thinking of beauty and bravery and magnanimity; she had a fixed determination to regard the world as a place of brightness, of free expansion, of irresistible action: she held it must be detestable to be afraid or ashamed. She had an infinite hope that she should never do anything wrong.

У Изабель Арчер есть теория, по которой человек должен быть одним из лучших, должен осознавать свою тонкую организацию, должен направлять свою душу к свету, естественной мудрости, благим порывам

и вдохновению (*one should be one of the best, should be conscious of a fine organisation (she couldn't help knowing her organisation was fine), should move in a realm of light, of natural wisdom, of happy impulse, of inspiration*). Она считает, что человек должен стараться быть лучшим другом самому себе. Изабель проводит много времени, размышляя о красоте, мужестве и великодушии (*She spent half her time in thinking of beauty and bravery and magnanimity*).

She was always planning out her development, desiring her perfection, observing her progress. Her nature had, in her conceit, a certain garden-like quality, a suggestion of perfume and murmuring boughs, of shady bowers and lengthening vistas, which made her feel that introspection was, after all, an exercise in the open air, and that a visit to the recesses of one's spirit was harmless when one returned from it with a lapful of roses. But she was often reminded that there were other gardens in the world than those of her remarkable soul, and that there were moreover a great many places which were not gardens at all—only dusky pestiferous tracts, planted thick with ugliness and misery.

При описании того, как Изабель Арчер всегда стремилась к саморазвитию и самосовершенствованию автор дает поэтическую картину состояния её души. Естество Изабель в её же понимании подобно саду, полного аромата и шепота ветвей, тенистых беседок и длинных аллей (*Her nature had, in her conceit, a certain garden-like quality, a suggestion of perfume and murmuring boughs, of shady bowers and lengthening vistas*). Героиня считает, что посещение тайников души может быть безопасным, если возвращаться с охапками роз. Но Изабель всегда помнит о том, что в мире существуют и другие сады, а не только сад её удивительной души (*there were other gardens in the world than those of her remarkable soul*). Более того, есть множество мест, которые вряд ли можно назвать садами – сумеречных и опасных полосок земли.

It was perhaps this whimsical gait that helped to mark his character more than ever as that of the humorous invalid—the invalid for whom even his own disabilities are part of the general joke. They might well indeed with Ralph have been the chief cause of the want of seriousness marking his view of a world in which the reason for his own continued presence was past finding out. Isabel had grown fond of his ugliness; his awkwardness had become dear to her. They had been sweetened by association; they struck her as the very terms on which it had been given him to be charming. He was so charming that her sense of his being ill had hitherto had a sort of comfort in it; the state of his health had seemed not a limitation, but a kind of intellectual advantage; it absolved him from all professional and official emotions and left him the luxury of being exclusively personal. The personality so resulting was

delightful; he had remained proof against the staleness of disease; he had had to consent to be deplorably ill, yet had somehow escaped being formally sick. Such had been the girl's impression of her cousin; and when she had pitied him it was only on reflection. As she reflected a good deal she had allowed him a certain amount of compassion; but she always had a dread of wasting that essence—a precious article, worth more to the giver than to any one else. Now, however, it took no great sensibility to feel that poor Ralph's tenure of life was less elastic than it should be. He was a bright, free, generous spirit, he had all the illumination of wisdom and none of its pedantry, and yet he was distressfully dying.

Автор показывает отношение Изабел Арчер к своему кузену Ральфу Тачетту. У Ральфа очень слабое здоровье, но он всегда относился к этому с юмором. Изабель полюбила его внешнюю непривлекательность (*Isabel had grown fond of his ugliness*), его неловкость стала для неё дорожкой. Однако красота его души для Изабель очевидна. Ральф кажется Изабель настолько очаровательным человеком, что осознание его болезни приносит героине ощущение покоя (*He was so charming that her sense of his being ill had hitherto had a sort of comfort in it*). Эта болезнь дает Ральфу интеллектуальное преимущество, и его личность привлекает Изабель. В восприятии Изабель Ральф – свободная, яркая, щедрая душа, озаренная мудростью (*He was a bright, free, generous spirit, he had all the illumination of wisdom*).

There was something in Ralph's talk, in his smile, in the mere fact of his being in Rome, that made the blasted circle round which she walked more spacious. He made her feel the good of the world; he made her feel what might have been. He was after all as intelligent as Osmond—quite apart from his being better. And thus it seemed to her an act of devotion to conceal her misery from him. She concealed it elaborately; she was perpetually, in their talk, hanging out curtains and before her again—it lived before her again,—it had never had time to die—that morning in the garden at Florence when he had warned her against Osmond. She had only to close her eyes to see the place, to hear his voice, to feel the warm, sweet air. How could he have known? What a mystery, what a wonder of wisdom! As intelligent as Gilbert? He was much more intelligent—to arrive at such a judgement as that. Gilbert had never been so deep, so just. She had told him then that from her at least he should never know if he was right; and this was what she was taking care of now. It gave her plenty to do; there was passion, exaltation, religion in it.

При встрече с Ральфом Тачеттом в Риме Изабель, уже замужняя дама, чувствует, что её кузен заставляет её ощутить доброту мира (*He made her feel the good of the world*). Ральф показан автором как благородный человек, обладающий многими достоинствами и тонкой душой.

В восприятии Изабель Ральф такой же образованный, как её муж Гилберт, не говоря уже о том, что Ральф превосходит его по своим качествам. Поэтому Изабель считает своим долгом скрыть от кузена тот факт, что она несчастлива в браке, ведь Ральф предупреждал её заранее об опасности отношений с Осмондом. Изабель считает это чудом прозорливости и заключает, что Ральф намного умнее Гилберта, её муж никогда не был таким глубоким, таким справедливым, как Ральф (*He was much more intelligent—to arrive at such a judgement as that. Gilbert had never been so deep, so just.*).

“Yes, it’s getting late,” Pansy returned more gently still. And she went on without a murmur, without faltering or glancing back. Isabel, however, allowing herself this last liberty, saw that a meeting had immediately taken place between the Countess and Mr. Rosier. He had removed his hat and was bowing and smiling; he had evidently introduced himself, while the Countess’s expressive back displayed to Isabel’s eye a gracious inclination. These facts, none the less, were presently lost to sight, for Isabel and Pansy took their places again in the carriage. Pansy, who faced her stepmother, at first kept her eyes fixed on her lap; then she raised them and rested them on Isabel’s. There shone out of each of them a little melancholy ray—a spark of timid passion which touched Isabel to the heart. At the same time a wave of envy passed over her soul, as she compared the tremulous longing, the definite ideal of the child with her own dry despair. “Poor little Pansy!” she affectionately said.

После встречи с Эдмундом Розьером в экипаже приемная дочь Изабель Пэнси устремляет на неё взгляд, в котором светятся лучи грусти, искра робкой влюбленности, и это трогает Изабель до глубины души (*There shone out of each of them a little melancholy ray—a spark of timid passion which touched Isabel to the heart*). В то же время волна зависти прокатывается душой Изабель, когда она сравнивает трепетное стремление ребенка со своим холодным отчаянием.

I believe they’ve given you the same room you had before; when Ralph heard you were coming he said you must have that one.”

“Did he say anything else?”

“Ah, my dear, he doesn’t chatter as he used!” cried Mrs. Touchett as she preceded her niece up the staircase.

It was the same room, and something told Isabel it had not been slept in since she occupied it. Her luggage was there and was not voluminous; Mrs. Touchett sat down a moment with her eyes upon it. “Is there really no hope?” our young woman asked as she stood before her.

“None whatever. There never has been. It has not been a successful life.”

"No—it has only been a beautiful one." Isabel found herself already contradicting her aunt; she was irritated by her dryness.

"I don't know what you mean by that; there's no beauty without health. That is a very odd dress to travel in."

Приехав к умирающему Ральфу в старое поместье, Изабель обсуждает со своей тетей миссис Тачетт здоровье её сына. По словам миссис Тачетт, жизнь Ральфа не была успешной. Изабель раздражена её холодностью и возражает, говоря, что жизнь её кузена была прекрасной (*No—it has only been a beautiful one*). При этом Изабель имеет в виду богатство души Ральфа. Тетя не понимает её, считая, что без здоровья не может быть и красоты.

Проанализируем контекст, демонстрирующий отсутствие красоты.

She could live it over again, the incredulous terror with which she had taken the measure of her dwelling. Between those four walls she had lived ever since; they were to surround her for the rest of her life. It was the house of darkness, the house of dumbness, the house of suffocation. Osmond's beautiful mind gave it neither light nor air; Osmond's beautiful mind indeed seemed to peep down from a small high window and mock at her. Of course it had not been physical suffering; for physical suffering there might have been a remedy. She could come and go; she had her liberty; her husband was perfectly polite. He took himself so seriously; it was something appalling. Under all his culture, his cleverness, his amenity, under his good-nature, his facility, his knowledge of life, his egotism lay hidden like a serpent in a bank of flowers. She had taken him seriously, but she had not taken him so seriously as that.

Муж Изабель Гилберт Осмонд, несмотря на маску утонченного ума, оказался настоящим злодеем, он не дает их немому удушающему дому ни света, ни воздуха (*Osmond's beautiful mind gave it neither light nor air*). Это не физическое страдание, её муж безупречно учтив. Но для жизни и души Изабель это нечто ужасное, его самовлюбленность подобна змее среди цветов. Осмонд пытается сломить волю Изабель и разрушить её жизнь.

Таким образом, в «Женском портрете» красота выступает как текстологическая ткань романа, автор создает поистине уникальный образ красоты и поднимает его на невероятную эстетическую высоту.

Литература / References

1. Изотова А.И. Деформация "устойчивых метафор" в стиле массовой коммуникации // Язык, сознание, коммуникация. Выпуск 17. М.: ООО "МАКС Пресс", 2001. С. 34-37.

2. Изотова А.И. Аллюзивность художественного текста Аниты Брукнер // Вестник университета. 2014. № 1. С. 239-242.
3. Изотова А.И. Идиоматическая фразеология и корпус // Вестник университета. 2014. № 21. С. 258-260.
4. Изотова А.И. Идиоматичность, символизация и аллюзивность в произведениях С. Моэма // Язык, сознание, коммуникация. Выпуск 42. М.: ООО "МАКС Пресс", 2011. С. 76-84.
5. Изотова А.И. Индивидуально-авторские концепты "дерево", "цветок" и "птица" в романе В. Вульф "Миссис Дэллоуэй" // Язык, сознание, коммуникация. Выпуск 56. М.: ООО "МАКС Пресс", 2017. С. 63-70.

DOI 10.29003/m3430.lmc2023-64/81-99

ЯЗЫКОВОЙ УНИВЕРСУМ ЧЕШСКОГО ФИЛЬМА LOTRANDO A ZUBEJDA: ТИТРЫ VS. РЕПЛИКИ ПОВЕСТВОВАТЕЛЯ И ПЕРСОНАЖЕЙ

А.И. Изотов

THE LANGUAGE UNIVERSE OF THE CZECH FILM "LOTRANDO AND ZUBEJDA":
TITLES VS REPLICAS OF CHARACTERS AND NARRATOR

A.I. Izotov

ABSTRACT

The article sequentially compares the replicas of the narrator and the characters of the Czech film Lotrando a Zubejda, that is, the flow of speech that one hears from the screen, with the titles accompanying these replicas. It should be noted that the elements of the so called Common Czech (= Czech colloquial koine) and dialectisms, abundantly represented in the named stream of speech, are replaced by Standard Czech expressions in the the corresponding titles.

Keywords: Standard Czech; Common Czech; kojne; dialect

АННОТАЦИЯ

В статье проводится последовательное сопоставление реплик повествователя и персонажей чешского фильма Lotrando a Zubejda, то есть того потока речи, которую зритель слышит с экрана и сопровождающих данный поток титров. При трансформации данного устного текста в текст письменный происходит, во-первых, его сокращение, а во-вторых, замена значительной части представленных в нем нелитературных элементов в литературные.

Ключевые слова: литературный чешский язык; обиходно-разговорный чешский язык; собственно-чешское обиходно-разговорное койне; диалект.

Характерной особенностью современной чешской языковой ситуации является её близость к классической ситуации диглоссии как особого варианта двуязычия, при котором на одной и той же территории в одном и том же социуме сосуществуют два идиома («высокий» и «низкий»), применяемые их носителями в различных функциональных сферах. На большей части территории современной Чешской республики в качестве «высокого» идиома выступает литературный чешский язык (spisovná čeština), а в качестве находящегося с ним в отношениях дополнительной дистрибуции идиома «низкого» – собственно чешское обиходно-разговорное койне (obecná čeština), называемое также обиходно-разговорным чешским языком. см. [Сгалл 1960].

Не менее характерной особенностью современного чешского дискурса является активное употребление нелитературных элементов в художественной литературе и кинематографе подробнее см. [Изотов 2014], [Изотов 2015], [Изотов 2022].

В тех случаях, когда фильм снабжается титрами, эти титры могут повторять текст, звучащий с экрана, со всеми его языковыми особенностями, ср., например, текст комедии Иржи Менцеля «Деревенька моя центральная» (*Vesničko má středisková*), а могут не совпадать, как в комедии Карела Смычека «Разбойник и принцесса» (*Lotrando a Zubejda*) – титры лаконичнее, да еще и формулируются максимально литературно.

На последующих страницах приводятся реплики повествователя и персонажей фильма с соответствующими им титрами, при этом общий и для реплик, и для титров текст набран прямым шрифтом, отличающийся от титров текст реплик повествователя и персонажей – **полужирным** шрифтом, отличающийся от реплик текст титров набран *курсивом*, а дублирующие друг друга фрагменты (в том числе и «нулевой фрагмент», т.е. отсутствие дублета) разделены слешем, например, **Maceško, a co můj synáček / co dělá můj syn? Už / --- spinká?**

Нелитературные лексемы, а также нелитературные огласовки литературных слов отмечены подчеркиванием, например,

Drnec: Že vám není hanba, chásko nenechává! Kloudná práce vám nevoní, jen **ta zlodějna** / *kradete!*
Lotrando senior: Starej se **vo** / *o* sebe, drvoštěpe!

=====00:01:27 **звук/титры**
Vypravěč: Za lesy hlubokými a kopci obými, rozkládá se česká kotlina. Je to země pěkná. Rolníci **tu v potu tváře orají** / *orají*, řemeslníci jsou **proslulí svou fortelností** / *zruční*. Ale jsou tu také loupežníci. A nejkрутnější z nich **je arciloupežník** / *se jmenuje Lotrando*.

===== 00:01:43
[Loupežníci zpívají:]
Pod dubem, za dubem,
tam si na tě počiháme.
Pod dubem, za dubem,
tam tě **voškubem** / *oškubem*.
Loupežníci z povolání,
to jsou páni, to jsou páni.
Loupežníci z profese,
nejlepší jsou v okrese.

My řekneme "ruce vzhůru"
a hned máme peněz **fůru**.
Žádné jiné / *Loupežnické* řemeslo
nikdy tolik neneslo.
Pod dubem, za dubem,
tam si na tě počiháme.
Pod dubem, za dubem,
tam tě **voškubem** / *oškubem*.
Hloupý koupí, chytrák loupí,
dej sem cukr, dej sem kroupy.
Seď formánku na houni,
přepadli tě vrahouni.
Loupežník je nesmlouvavý,
loupění ho strašně baví.
Co šlohne, to nevydá,
jelikož je nelida.
Pod dubem, za dubem,
tam si na tě počiháme
Pod dubem, za dubem,

tam tě **voškubem** / *oškubem*.

Drnec: Že vám není hanba, chásko nenechává! Kloudná práce vám nevoní, jen **ta zlodějna** / *kradete!*

Lotrando senior: Starej se **vo** / *o* sebe, drvoštěpe!

[Loupežníci zpívají:]
Špatná věc se podařila,
hrubá síla zvítězila.
Tak to chodí na světě,
navzdory vši osvětě.

Loupežníci z povolání,
to jsou páni, to jsou páni
Loupežníci z profese,
nejlepší jsou v okrese.

=====
00:04:11

Lotrando senior: Dobře jsme si zaloupili.

Vincek: Dobře.

Lotrando senior: **Žádná krev**/*Krev dneska netekla.*

Vincek: **Ani kapka dneska** / *Ani kapka.*

Lotrando senior: Když to **nemusí** **bejt**/*nemusí být*, tak se nemá ani střílet, ani **zapichovat**/*zabíjet*. Když to ale **musí** **bejt**/*musí být*, tak se **holt** **střílet a zapichovat** **musí**/*střílet a zabíjet musí*. To si pamatujte, **tyhlety zásady** /---! Víc, víc! A taky je **zajímavý**/*zajímavé*... že čím víc máme, tím víc... tím víc... Čím víc máme, tím víc krademe! Ty střevo!

=====
00:05:52

Lotrando senior: Maceško, **a co můj synáček**/*co dělá můj syn*? Už!-- spinká?

Maceška: **Jo jo**, spinká.

Lotrando senior: To je život. **Vlastního dítěte si člověk neužije** / *Vůbec jsem si syna neužil. Kdy já ho viděl naposledy? Ani nepamatuju* / *Ani jsem ho moc neviděl. Papal?*

Maceška: **Jo jo**/*Ano, papal.*

Lotrando senior: Až vyroste, dám ho do školy. Co se směješ? **Copak na to nemám?** / ---

Maceška: Jestli ho do **nějaký**/*nějaké* školy **vemou**. **Vono takový počítám neberou**/*Takové asi neberou.*

Lotrando senior: **Jaký takový, jaký** neberou? Co jste **mi to udělali s mým synáčkem?**/*to s ním udělali? Kde je?*

/--- Pojď k tátovi, **ty moje holátko malý** / *holátko... Neješ* **polulanej** / *počůranej*? Co to je?

Vincek: To je váš **kluk**/*syn, pane Lotrando* /---.

Lotrando senior: **Mordies hadry, to jsou událostě**/*To jsou události.*

Člověk se plahočí, tu obživu shání...
na dítě nemá čas a najednou mu to... **takhle vyroste** / *Sháním jen peníze, nemám čas na syna a on zatím vyrostl. A mně bylo divný, že tady nevisí pleny!* / *Bylo mi divný, že tu nevisí pleny.*

Maceška: **Takhle přerostl dítě vám do žádný školy nevemou** / *Je velký, do školy ho nevezmou.*

Lotrando senior: **A to bysme se na to podívali, jestli vemou nebo ne** / *To bych se na to podíval!* Chceš do školy?

Maceška: Vždyť ani neví, co to je! **Celý dny kouká do nebe a pase kozy** / *Celé dny jen pásł kozy. Akorát v zimě si prohlíží ty vobrázkový knížky* / *Jen v zimě si prohlížel obrázkové knížky...* **no co jste ukrad tomu kupci z Vimperka** / ---.

Lotrando senior: Vykoupat, odšvit, učesat, **voblíct**/*a oblíct!* Ráno **pude**/*půjde* do školy! **Tu nejlepší školu mu dám** / *Do té nejlepší!*

Vincek: Správně!

Lotrando senior: Protože na to mám!

Loupežníci: Správně!

[Loupežníci zpívají:]

Dáme klukovi školy,

ať to stojí cokoli

Nešetříme/Nešetřeme na chlapci,
táto **šáhni/sáhni** do kapsy.

Když zná lupič písmena,
stane se s ním proměna.

Když zná lupič dějiny,
tak je úplně jiný.

Bude to ozdoba
loupežnické bandy,
Bude mít brejličky
a možná i kšandy.

Posune řemeslo
zas o kousek dál,
Bude to lotr intelektuál!

Naučí se francouzsky,
bude nosit licousky
Naučí se mluvnicki,
předčí všechny **právníci/právníky**.

Naučí se německy,
řekne **troky, ne necky/věci nehezký**.

Když bude mluvit plynně
může loupit v cizině.

Bude to ozdoba
loupežnické bandy.
Bude mít brejličky
a možná i kšandy.

Posune řemeslo
zas o kousek dál
Bude to lotr intelektuál!

===== 00:10:42

Vypravěč: **Daleko předaleko, v zemi
horké jako plotna za pouští**

písečnou, u moře sargasového /

Daleko v poušti u Sargasového moře
je sultánství Solimánské. Tam vládne
sultán Solimán. Má velké břicho a
velké starosti **se svou jedinou
dcerou: krásnou, ale nemocnou
princeznou Zubejdou / s nemocnou
princeznou Zubejdou.**

Muž 1. v poušti: Vy jste poslední?

Muž 2. v poušti: **Jo jo./Ano**

===== 00:11:33

Lidé křičí: **Voda, čerstvá voda! Ryby,
ryby, rybičky, přímo z vodičky!
Čerstvá zelenina! /---**

Vypravěč: **Jen se podívejte, co léčitelů,
mastičkářů, ranhojičů a všelijakých**

**zařikávačů se sjelo, aby nešťastnou
princeznu Zubejdu uzdravilo /
Podívejte, co se sjelo léčitelů, aby
princeznu uzdravili.**

Hálí: Přichází sultán Solimán!

Všichni: Vládce náš, slunce naše jasné!

Lustig: Já? Hele, něco jsem ti **přivez/**
přivezl!

Hlídač: **Dík! / Díky!**

Lustig: **Jo jo.**

Člověk: Ne, ne, ne!

Kat: **Raz, dva! /Raz, dva, tři...**

===== 00:13:05

Zařikávač: Rurtum furt, saltum saltum,
furtum furt...

Sultán Solimán: Zmiz, smrad'ochu!

Ještě mi ji přiotrávíš! **Tak se na ni,
pane Lustígu, podívejte/Podívejte se,
pane Lustígu. Chřadne, bledne,
hubne/ Chřadne, bledne a hubne. A
to se má vdávat. Jeden kolega
sultán by ji chtěl /Měla by se vdát za
kolegu sultána. Bohatej, má šest
žen./---** **Ale, když bude takhle bledá
jako chcípáček, pochybuju, že o ni
bude mít zájem. Ale, když bude
takhle bledá, tak se nikdy nevdá.**

Lustig: **Tak to je zlé./ To je zlé. Česká
bižuterie jí dycinky spolehlivě
rozjasnila tvář. Česká bižuterie jí
vždycky potěšila. A co jich ráčí bolet,
princezno?!/Co tě bolí?**

Sultán Solimán: Právě že nic. Ani na
procházky nechodí. A to jsem jí
koupil celou sadu procházek.

Zubejdo, dcerunko, kam chceš

**dneska jít?/Zubejdo, kam chceš
dnes? Do parku, nebo na tržiště? Tak
půjdem na tržiště.**

Hálí: Tržiště... To je... To je sedmička.

Bělí a Zělí: **Ryby, ryby, ryby! Mořské
ryby! Kupujte čerstvé mořské
potvory! /Ryby, čerstvé mořské ryby,
kupujte ryby. Chyťte toho psa! Utíká
mi s tím burtem! /---** Kulaté melony,
zahnuté banany!

La Mad: Jestli bych mohla něco říct,
sultáne Solimáne...
Všichni: Vládce náš! Slunce naše jasné!
La Mad: Ona je utrápená.
Sultán Solimán: **To víme... Mlč, chůvo.**
Koukej radši, aby jedla./To vím.
Chci, aby jedla.

=====
00:15:45

Lustig: **K tomu by se měl přivolat
pravý, nefalšovaný a študovaný
doktor od nás. Kdepak mastičkáři a
šarlatáni.../Měl byste pozvat pravého
doktora od nás.**

Sultán Solimán: **A podle čeho se pozná
pravý, nefalšovaný a študovaný
doktor? /Podle čeho se pozná pravý
doktor?**

Lustig: Pozná se podle toho, **že začíná
„dr“.** /*Že jeho jméno začíná na „dr“.*
Tak například/Ku příkladu: dr.
Neumann nebo dr. Belnář. A když
nemá „dr“, **tak to znamená, že není
doktor/tak není doktor.**

Sultán Solimán: Nemá „dr“, není dok-
tor. Má „dr“, je doktor.

Lustig: **Já bych vám to měl radši
napsat, protože vy čmáráte těma
vašima klikihákama.../Radši vám to
napišu... Tak, takhle je to po
našem/Takhle se to píše u nás.**

Sultán Solimán: Ne abys to smazal,
troubu! **Já je radši trestám předem,
protože potom už by to nebylo nic
platné./Radši je trestám předem,
potom to už není nic platné.**

Lustig: **A ještě něco/A** kdyby ten doktor
chtěl s sebou vzít sestru tak ať ji
vezme! **Protože taková sestřička je
doktorova pravá ruka./Sestřička je
pravá ruka doktora.**

Sultán Solimán: **Nebylo by lepší, pane
Lustigu, kdybyste jel s
nima?/Nemohl byste jet s nimi?**

Lustig: Nu/---, to bych mohl... **Ať
máme jistotu, že vyberou doktora
na slovo vzatýho./Aspoň máte jistotu,
že přivezeme pravého doktora.**

Sultán Solimán: **Rozumíš
tomu?/Rozumíš? Vem ty dva, a
jednoho velblouda, ať pan Lustig
nemusí velšky./Vezmi si dva muže a
velblouda. A/--- nyní bych pro své
ženy koupil nějaké tretky. Víc žen,
více starostí. **Jedný něco dáte, druhá
to chce taky---** Však to znáte...**

Lustig: Hmm, neznám...
=====
00:19:06

Lotrando senior: **Kluk mi tak nějak
přerost./Kluk mi vyrostl.**

Převor: **Koukám, koukám... A proč
jste ho nepřivedl dřív?/Vidím, proč
jste nepřišel dřív?**

Lotrando senior: Nebyl čas... **moc
práce.../měl jsem moc práce.**

Převor: Umiš číst a psát, synu/---?
Copak/Co je tohle?

Lotrando junior: Domeček.

Lotrando senior: **Kluk/--- není hluoupej!
Mně to taky přijde jako barák.../---**

Převor: **Vy račte být také negramotný
/Vy jste negramotný, pane...?**

Lotrando senior: Lotrando - jméno měl!
**Taky, vašnosto, taky/Taky. A ne-
bejval jsem.../Ale nebyval jsem... Ale
ted'konc, zvlášť po ránu, jsem
úplně negramotnej.../Ted' jsem ne-
gramotný zvlášť po ránu. **Hřbet
nemůžu narovnat, jsou to hold léta,
pane starosto.../To jsou léta, staro-****

Převor: Říkejte mi "otče převore", **pane
Lotrando... /---**

Lotrando senior: **Jo jo... Aby bylo mezi
námi jasno, pantáto převore... Já
bych nechtěl mít z kluka fland'áka,
tedy jako faráře, jestli mi rozumíte./
Aby bylo jasno, pantáto převore,
nechci mít ze syna faráře.**

Převor: Rozumím. **Chcete chlapci
poskytnout vzdělání světské. /
Chcete chlapce vzdělat světsky. To je
možné, ale poněkud/--- drahé.
Mohou si to dovolit jen dobře
situovaní/---. Luidory? To bychom**

**ho mohli naučit francouzsky...
Merci. /Mohli bychom ho naučit
francouzsky. I německy... Danke
schön/---**

Lotrando senior: **A tady je taková
směska. /Tady je mezinárodní směska.**

Převor: **Takových peněz... Kde jste to
jen sebral, dobrý muži? /Tolik
peněz, kde jste to sebral, dobrý muži?**

Lotrando senior: Kde se dalo, pantáto
převore, kde se dalo...

Převor: O chlapce nemějte obavy! **Až
opustí náš konvikt, nepoznáte
ho! /Dobře ho vychováme.**

Převor: **A co vlastně dělá tvůj pan
otec, milý synu? /Co dělá tvůj otec?**

Lotrando junior: To já nevím... Ráno
sejde dolů do údolí a večer, večer se
vrací se zlatem... **Tak to von je asi
zlatokop. /Asi je zlatokop.**

Převor: Tatínkův podnik je tedy zlatý
důl.

Lotrando junior: **No... Asi jo. /---**

Převor: A co paní matka? **Je, počítám,
v domácnosti. /---**

Lotrando junior: **Já/---** mám jenom
macešku...

Převor: Maminka zemřela?

Lotrando junior: Neptej se! **Říkali
"neptej se" ... Ptal jsem se, ale říkali
"neptej se" ... /Říkali mi, abych se
neptal**

Převor: **Tak pojd', musím ti to tady
všechno ukázat. /Pojd', musím ti
ukázat klášter.**

[Mniši zpívají:]

Mniši jsou tiší, jsou tiší jak myši.

A do kroniky piší, že **léta Páně 5 zas/od
léta Páně 5** nezměnil se svět.

Lidé jsou hříšní jak v Praze, tak v
Míšni,

a letos je dost višní. A svatá Lucie zas
noci upije.

V klášteře nemají pohodlí,
celý čas prakticky promodlí,

Když utichne bzukot včel,

jdou spáti do **prostých/svých** cel.

Mniši jsou tiší a od lidí se liší,

že zájmy mají vyšší a ne ty

pozemské/že nemají zájmy pozemské

Nemyslí na ženské.

Dostí se postí a jen když přijdou hosti,

tak ve vši počestnosti si přihnou ze
sklínky

Však z takhle **malinký**.

V klášteře nemají pohodlí,

celý čas prakticky promodlí.

Když utichne bzukot včel

jdou spáti do **prostých/svých** cel.

Všichni do cel!

Dostí se postí a jen když přijdou hosti,

tak ve vši počestnosti si přihnou ze
sklínky.

Však z takhle **malinký**...

Však z takhle **malinký**...

Však z takhle **malinký**...

=====00:24:21

Sultán Solimán: Už jedou?

Hlídač: Nejedou!

Sultán Solimán: **A/---** díváš se?

Hlídač: Dívám! Vidíš, že se dívám!

Sultán Solimán: Tak se dívej pořádně!

Hlídač: No **jo**, porád.

=====00:24:45

Vypravěč: **A v české kotlině se zatím z**

loupežnického synka pomalu stával

vzdělaný mládenec. /V české kotlině

se z loupežnického syna stával

vzdělaný mládenec. Ale pozor! Svět

je malý a o náhody tu/v něm není

nouze.

Lotrando: Vy jste rudý jako rudoch,

pane. Vy jste Indián?

Lotrando: **Rudokožec! Na stromě! /Na**

stromě je Indián! Indián! Na

stromě! /Na stromě je Indián!

Mnich: **Co je?**

Někdo z mnichů: **Co se mu asi stalo?**

Mnich: Počkej synu, já ti pomohu! Řež,
synu!

Lustig: Velice vám děkuji, mládenče.

Lotrando: Není zač.

Lustig: Mé jméno je Lustig.

Lotrando: Těší mě.

Lustig: Cestuji s bižuterií. **Stále bydlíště Jablonec, ale prakticky jsem v jednom kuse na cestách.**
/Jsem z Jablonce

Lustig: Děkuju, chlapi.

Lotrando: Myslel jsem si, že jste Indián.

Lustig: Bohužel... **nemohu jim sloužit.**

Ale, neviděli jste tu v okolí nějakou zahraniční výpravu... s velbloudem?*/Neviděli jste v okolí nějakou zahraniční výpravu?* Byli jsme přepadeni! **Dali jsme tomu starému lapkovi co proto! Já ho prohnal!** Ale, mé nohy nejsou už tak rychlé, jako bývaly. *Nestačil jsem utéci.*

Lotrando: **Proč je taková smutná?***/Proč je smutná?*

Lustig: No, něco jí schází, **mladej/mladý** pane...

=====
00:29:04

Převor: **...a tak kdykoliv uvidíte, bratři, někoho na větví, zachovejte se, jako náš duchapřítomný Lotrando...***/Když uvidíte někoho na větví, zachovejte se jako Lotrando.*
Bez prodlení odříznout!*/Bez prodlení ho odřízněte.* **A nyní**--- prosím pana Lustiga, aby nám řekl něco o bižuterii!

Lustig: **Jistě... Jablonecká bižuterie... Čili jak my, od fochu, zkráceně říkáme: bižu...***/Jabloneckou bižuterii nazýváme zkráceně „bižu“.* **Má ve světě skvělý zvuk!***/Máme s ní ve světě skvělé jméno.* **My prosím/totíž nezastíráme, že se jedná o imitaci/jde o napodobeniny.** **My to přiznáváme!** **Již její přístupnou cenou/a to i její cenou. Krásná práce! Že?**

Například, tady... /Podívejte se. Jenže, to ti lupiči nebyli štont pochopit! */Tohle však loupežníci nepochopili a rozzlobili se na mě.*

Prej "je to padělek, a chtěls nás napálit, budeš viset!" Já povídám/Povídám loupežníkům: "Hergot, sakra, chlapi..." **Já**--- povídám: "Krucifix, chlapi..." **Krucifix** pisek?

Převor: **Jenom "pisek", pane Lustigu, jenom "pisek"...***/Jenom pisek, pane Lustig.*

Lustig: **Já**--- povídám: "Pisek, chlapi, copak jste nikdy neslyšeli o naší slavné české bižuterii?" */Neznáte jabloneckou bižuterii?* **A jejich kápo, ten vyvrhel, nákej/Jejich šéf, nějaký Lotrando... To je náhodička, co? Můj mladý zachránce se jmenuje úplně stejně jako ten starý raubíř.**
/To je náhoda, můj mladý zachránce má stejné jméno.

Převor: **Shoda jmen, pane Lustigu, pouhá shoda jmen...***/Shoda jmen*
Chlapcův otec je majitel zlatého dolu!

Lustig: Inu, svět je malý. A o náhody tu není nouze! Tak ten mizera... (můžu?)
...ten mizera povídá: "Himl hergot, pověste ho **za nohy**!--!" Himl laudón? A!-- povídá: "Laudon, pověste ho za nohy na strom!"
Hergot, tady se ale blbě přednáší...

=====
00:31:32

Sultán Solimán: Už jedou?

Hlídač: Nejedou!

Sultán Solimán: Nelží!

Hlídač: Na mou duši, nejedou!

Sultán Solimán: A díváš se?

Hlídač: Dívám!

Sultán Solimán: Tak se dívej pořádně!

Hlídač: **Vždyť/dyť** se dívám pořádně.

Porád... /---

=====
00:32:35

Mniši: Lotrando odjíždí! Kde je?

Támhle je!

Vincek: **No to je dost! Abysme to stihli!***/To je dost, že jdete, jen abysme to stihli.*

Mniši: **Nashledanou!**

Lotrando junior: Sbohem.

Převor: Sbohem, synu.

Vincek: **Von tatík má už na kahánku...** /*Tatínek vám umírá...*

Lotrando senior: **Vincku, ty loudale líná, vedeš už k sakru mého kluka?** /*Vincku ty loudale, vedeš mého syna?*

Loupežník Vincek: **To se ví, že vedu! Ale nevím, jestli z něj budete moudrej! Mluví jako když zkřížíte fland'áka s papouškem!** /*Ano, ale nevím, jestli si budete rozumět.*

Lotrando junior: **Drahý otče, kéž vás všemohoucí Bůh dlouhá léta zachovati ráčí k radosti bližních, i nevýslovné pyše potomstva vašeho!** /*kéž vás bůh ještě léta zachovati ráčí*

Lotrando senior: **Pomalů, hochu, pomalů, jdu do pekla a nemám čas na tvoje cukrování.** /*Pomalů synku, jedu do pekla a nemám moc času. Poslouchej mne dobře! Chtěl jsem ti nechat pytle zlat'áků, aby jsi z toho mohl být živ bez lopotění...* /*Chtěl jsem ti odkázat zlato. Ale hrom aby do toho, hochu... Jaká byla teď pro naše řemeslo bída...* /*Přišli však zlé časy. Byla bída.*

Lotrando junior: **Drahý otče, neměl jsem tušení, že tou měrou strádáte...** /*Nevěděl jsem, že strádáte, otče.*

Lotrando senior: **No jo** /---, všichni mě opustili... jako krysy... Nejvyšší čas, abys to po mně převzal, **chlapče...** /---

Lotrando junior: **Drahý otče** /---, když si to přejete, převezmu vaše řemeslo... **a** /--- budu jej vykonávat čestně, ochotně a **ke všem co nejvlídněji/vlídně.**

Lotrando senior: **No** /---, nevím, jak pochodíš **v našem řemesle** /--- s vlídností...

Lotrando junior: **A smím-li se ptát, drahý otče, jaká je vaše ctěná živnost?** /*A jaká je vaše živnost?*

Lotrando senior: Loupežnictví, přece! Toho se drž!

Lotrando junior: Loupežnictví?
Vincek: No **jo!**

Lotrando senior: Hlavně, chlapče, nepracuj!

Lotrando junior: Ano, ano, tatínku... **drahý...** /---

Vypravěč: V té chvíli loupežníkovy hříšná duše zamířila k nebi... **Ale že byla obtěžkána tolika hroznými skutky** /*Ale protože byla obtěžkána mnoha hříchy, musela jít. A my víme, kam... Tak zůstal mladý Lotrando na světě sám, **zdrčen jednak smrtí pantátovou, a jednak svým neuváženým slibem, že převezme jeho řemeslo a stane se loupežníkem...*** /*Byl zdrčen smrtí otce i slibem, že bude loupit.*

=====00:37:41

Lotrando: Uctivě dobré jitro přeji!
Doufám, že nevyrušují.

Kupec: To ne, božinku, to ne... A čímpak bych vám **moh/mohl** posloužit, **vašnosto?** /---

Lotrando: Prosím vás, **pane, co nejsnažněji, abyste se nepolekal...** /*nepolekejte se. Abyste tomu rozuměl, já* /--- jsem strašný loupežník Lotrando...

Kupec: Ale jděte!

Lotrando: Ano, prosím! Dělán to nerad, ale slíbil jsem to **svému otci v jeho poslední hodině...** /*před smrtí mému otcovi.* Takže musím...

Kupec: **Jéminkote!** /--- Takže **von** /--- **starej** Lotrando je po smrti? To budou mít chlapi ve **vizovický/vizovické** hospodě radost!

Lotrando: Tak, dáte mi vše dobrovolně?
Bylo by to pro **oba dva** /*vás* lepší...

Kupec: Nedám.

Lotrando: **Aha... V tom případě vás budu muset zapíchnout.../Budu vás muset zapíchnout. Prosím abyste se připravil a pomodlil. Šup, šup, tady!/Připravte a pomodlete se.**
Kupec: Už?
Lotrando: Ano.
Kupec: Andělíčku, můj strážníčku, opatruj mi mou dušičku...
Vincek: Nepárejte se s ním, **schválně zdržuje/---! Zapíchnout!/Zapíchněte ho.**
Lotrando: Živého člověka? Zapíchnout? Dyt' by ho to muselo bolet!
Vincek: Bože, do **čehos/čeho jsi tu duši dal?** Tatík se na vás **šeshora dívá, mladej pane / dívá z nebe.** (Nebo spíš **zespoda /z pekla?) No, na každej pád, všechno vidí! /To je jedno, ale všechno vidí**
Lotrando: **No tak, pane/---, už jste řádně vymodlen?**
Kupec: Kdepak, já jsem totiž **strašně velkej/velký hříšník! Ale, něco mě napadlo... Kdybych se moh dát v kostelci vyzpovídat, tak snad by mi pánbů vodpustil... /Chtěl bych se dát vyzpovídat v kostele.** Víte co, **vašnosto/---? Já teď poběžím honem do kostelce, vyzpovídám se, a až se vrátím, tak mne pak můžete klidně zapíchnout. / Já si zaběhnu vyzpovídat se do kostela a pak se vrátím.**
Lotrando: Dobrá myšlenka!
Kupec: Že jo?
Lotrando: **Já tady zatím počkám u vašeho vozu.../Počkám tady u vašeho vozu.**
Kupec: Vidím **tady vašeho koníka... /že máte krásného koně. Kdybyste mi ho prosím vás půjčil... no, abych byl rychlejc nazpátek! /Půjčte mi ho, abych byl rychleji zpět.**
Lotrando: Máte pravdu, bude to tak rychlejší.
Kupec: No právě!

Lotrando: Prosím.
Kupec: **Koník je to pěkněj! Bude to na něm asi foukat! Co kdybyste mi půjčil... kabátek? Klobouček taky?/Půjčte mi svůj kabátek a klobouček? Říkali, že se to tady hemží všelijakou cháskou... ..tu bambitku. A tuhle taky... /Dejte mi pistole. Obě dvě. Víte, abych dostál svému slovu... /---**
Vincek: **Musíme se ztratit. Vememe to s sebou a pryč!/Musíme utéct.**
Lotrando: **Tak počkej, Vinčku! / Počkej. Jako jsem slíbil svého tatínkovi, že převezmu jeho řemeslo, tak jsem teď tomu kupčikovi slíbil, že na něj počkám... tady. / Otcí jsem slíbil, že budu loupit. A kupci jsem slíbil, že tu na něj počkám. Slib je slib, no...**
Kupec: **Starej Lotrando umřel! Ted' nám loupí mladej! Pojd'te, rychle! Pojd'te! / Táhle jsou loupežníci, pojd'te.**
Vincek: **Mladej pane, aspoň/---, aspoň si dáme do nosu... Nedáme! Dostaneme!**
=====00:42:35
Vincek: Huš! Huš! **Eště/Ještě** ne!
Eště/Ještě si počkáš!
Lotrando: **No/---, a to mám dneska narozeniny!**
Vincek: **Jé, hodně zdraví vinšuju, mladej pane... hlavně, hlavně toho zdraví! Jo, tak! / Přeji vám hodně zdraví. A kolik že vám je / Kolik je vám let?**
Lotrando: **Už / Dnes jsem plnoletý.**
Vincek: **Jo, plnoletý... Jé, tak to mi spadly ze srdce dva kameny... / Tak to jsem rád. Vaše máti, teda pani Madla, ještě než ji váš tatínek prodal do otroctví, protože byl opravdu na dně, tak vaše máti mi**

při loučení povídá: "Až bude Lotrando plnoletej, tak mu to dej... ať má na mě památku!" Tak vám to dávám... / *Než vaši maminku prodal váš otec do otroctví, dala mi pro vás tohle. Je to čtyřlístek pro štěstí. Prý vás za ní jednou dovede.*

Lotrando: Tak ona neumřela, matička moje drahá. **Prodal ji do otroctví, tatiček můj drahý...** / *Tatiček ji prodal do otroctví. Jaká byla? Pověď mi o ní...* / *Pověď mi o mamince.*

Vincek: **Jo, paní Madla... To byla dobrá duše, taková mlad'ouneká... Outlocitná byla, moc se k tatínkovi nehodila.** / *Paní Madla, vaše maminka, byla moc hodná. V jednom kuse do něho hučela, ať toho loupežnictví nechá a žíví se - poctivou prací...* / *Chtěla, aby váš tatínek přestal loupit. Tak, a teď'ka ten druhej kámen: Starýmu pánovi jsem slíbil, že vám budu k ruce než dospějete. Čili tím pro mne tenhle kšeft končí, mladej pane... / *Vašemu otci jsem slíbil, že se o vás postarám, než dospějete.**

Lotrando: Ale...

Vincek: **No, no tak, nemějte mi to za zlý.** / *Nezlobte se. Jenže vy jste na to řemeslo takový nemehlo! Všema školama úplně zkaženej. Takže bude nejlíp, když se udělám pro sebe.* / *Jste zkažený školami. Proto budu krást sám.*

Lotrando: **Jdi! A nedělej si výčitek / Nevyčítej si to, Vincku!**

Vincek: Jo... Pod dubem, za dubem, tam si na tě počiháme, pod dubem...
=====00:45:18

Lotrando: Peníze nebo život!

Drnec: **Co to?** / *Cože?*

Lotrando: **No** / ---, peníze, nebo život...
Jsem strašlivý loupežník Lotrando...

Drnec: **Aha... No, jářku** / ---, peníze nemám. Tak ti můžu dát **jenom ten holej** / *jen holý* život.

Lotrando: Holý život, **řikáte**/---?

Drnec: **No. A** / --- nebo... chleba s tvarohem.

Lotrando: Chleba s tvarohem nebo život!

Lotrando: Děkuji.

Drnec: **Vono, kdyby se to vzalo za správněj konec, možná, že by byly i ty peníze...** / *Kdyby se to vzalo za správnýj konec, tak by si peníze dostal.*

Lotrando: Promiňte, že **hovořím** / *mluvím* s plnými ústy, ale který konec **máte na mysli / myslíte?**

Drnec: Tenhle! **Na! No!** /---

[Zpívají:]
Lepší než almužna, lepší než lup
Je pila dvojmužná, ostrý má zub
Jdi na to s fortelem, nedří se moc
Ať se s tím poperem, než bude noc
Ať se s tím poperem, než bude noc

Lotrando: **Co mi to vyrazilo na čele?** / *Co to mám na čele?*

Drnec: **No, to bude asi pot.** / *To bude pot*

Lotrando: Není to příznak **choroby / nemoci?**

Drnec: **Ale kdeby, pot je zdravá věc!** / *Ne, pot je zdravý.*

[Zpívají:]
Řízni, řízni, řízni, ať to krásně vyzní
Řízni, řízni, řízni, ať to má ten švuňk.
Žízni, žízni, žízni, klidně si nás trýzni,
S hostinským jsme v přízni, nachystá nám truňk.

Lotrando: Co se mi to **děje** / *stalo* na ruce?

Drnec: **No, jestli vony to nebudou mozoule.** / *To budou mozole.*

Lotrando: **Aha... A** / --- není to příznak **choroby** / *nemoci*?
Drnec: **Ale kdepak. Mozoule jsou zdravá věc! Uhni!** / *Kdepak, mozoly jsou zdravé.*

[Zpívají:]
Lepší než almužna, lepší než lup
Je pila dvojmužná, ostrý má zub.
Jdí na to s **fortelem**, nedří se moc
Ať se s tím **poperem**, než bude noc.
Ať se s tím **poperem**, než bude noc

Lotrando: Není to náhodou práce?
Drnec: A co **jiného** / *jiného* by to bylo?
Lotrando: **Tak** / --- to já bohužel
nesmím...

Drnec: Co to povídáš za nesmysly?
Lotrando: Nemějte mi to za zlé, lesní
muži, ale slíbil jsem svému otci, že se
budu živit pouze loupežnictvím.

Drnec: **No** / --- potěš Pámბůh!
Lotrando: Abych vám řekl pravdu, **tak mě loupežnictví vůbec netěší...** / *loupežnictví mě netěší...* **Dokonce si myslím, že k němu ani nemám vloh** / *Nemám k němu vloh*.

Drnec: **No, mně to taky tak připadá.** / *To si taky myslím.*

Lotrando: Jenže, tatínkova poslední slova byla: "Nepracuj."

Drnec: **Tak, to se nemusíš bát, protože** / *Neboj se, tohle žádná práce nebyla.*

To bylo jen **takový**/--- **šolichání**.

Lotrando: Opravdu?

Drnec: **No...** /---

[Hálí et al Zpívají:]
Bez legrace, jde k vám cizí delegace.
My bohatí dosti velmi, také chytří jako šelmy.
My jsme cizí velvyslanci, neseme vám dary v ranci.

Po cestě nás **všecko** / *všechno* bolí,
nabídněte chléb se solí

Hálí: **Já velký Hálí.** / *Já jsem velký Hálí.* Kdo ty?

Drnec: Já drvoštěp. A jmenuju se Drnec.

Hálí: Drnec? Napsat to.

Drnec: Napsat?

Lotrando: Já to **napiši** / *napišu* za něj...

"nec" jste říkal? /---

Drnec: **"nec"** /---

Hálí: **To on!** /*To je on.* Pane, ty teď uděláš, že půjdeš s námi.

Drnec: **No a... a japato?** / *A jak pak to?*

Hálí: **Japato**/--- protože náš sultán Solimán...

Zělí a Bělí: Vládce náš, slunce naše jasné!

Hálí: Tě potřebuje, jako... sůl. **A ty**--- budeš bohatý! Jako se ti nezдало ani v posteli o tom! **Tady ty fóřsus** / *Tady máš zálohu.*

Drnec: **Já jsem z toho tumpachovej** / *Já tomu nerozumím.* Co tomu říkáš?

Lotrando: Práce v zahraničí bývá **mnohem lépe** / *dobře* placená! Měna je to tvrdá.

Drnec: **Jářku, páni velvyslanci**/---, musel bych se zeptat ženy. **Mojí** / *Mé ženy.* Máni!

Hálí: **Když vy u vás musíte ptát ženy, zeptáme ženy!** / *Když se musíš zeptat ženy, zeptáme se.*

[Zpívají:]

Bez legrace, jde k vám cizí delegace
My bohatí dosti, velmi, také chytří jako šelmy.

My jsme cizí velvyslanci, neseme vám dary v ranci.

Po cestě nás **všecko** / *všechno* bolí,
nabídněte chléb se solí.

[Drnec zpívá:]

Chystej **ňáký**/--- jídlo, máti!

Jdou k nám cizí diplomati!

Seznamte se, seznamte se,

Seznamte se, seznamte se.

To je moje dobrá žena,
to jsou naše dobré děti.
Od rána je zapražená,
neb se musí /musí se oháněti.

To jsou její rodičové,
zdravičko jim ještě slouží.

To jsou moji rodičové,
zdravičko jim také slouží.

To je moje sestra Anna,
červená se jako kvítek.

Zatím žije neprovdána,
stará se nám o dobytek.

Seznamte se, seznamte se,
Seznamte se, seznamte se,
Seznamte se!

=====00:56:40

Drncová: Kdo bude mít málo, **může**
dostat nášup / *tomu přidám jáhelnou*
*kaši. Je to jen jáhelná kaše... **takový***
***chudý jídlo** /---*

Hálí: **Dr Necová, když ty pustit Dr**
Nec s náma, konec chudoba! / *Když*
pustíš svého muže s námi, je konec
vaší chudoby. Náš sultán Solimán...

Zelí a Béli: Vládce náš, slunce naše
jasné!

Hálí: **No je bohatý** / *Sultán je bohatý.*
Toto / *To je dárek pro tebe!*

Drncová: **Božinku!** /--- To je krása! Že
si děláte škodu!

Hálí: **My děláme škodu, že my**
potřebujeme tvůj Dr Nec s náma. /
Potřebujeme, aby šel tvůj muž s námi.
Kaše dobrá, chci nášup! / *Kaše je*
dobrá, chci přidat!

Drncová: **A to myslíte, že by si u vás**
táta vydělal i na novou střechu? /
Mohl by si u vás táta vydělat na
novou střechu?

Hálí: **On bude zbohatlík! Tři střecha**
budeš mít nad sebou. / *Budeš mít tři*
střechy nad sebou.

Drncová: **Tři střecha / střechy?!**

=====00:57:52

Lotrando: Velbloud dvouhrbý!

Latinsky camelus ferus bactria-
nus... /--- Slovensky ľava... Pojme až

50 litrů vody, **aby mohl překonat**
poušť! /---

Holčička: **A nač má ty hrby?** / *Co má*
v hrbech?

Lotrando: **V nich má zásoby tuku.** /
Zásoby tuku.

Drnec: **Hrome chlapče, ty se nezdaš,**
ale vědomostí máš jak učitelkej. /
Máš vědomosti jako učitel.

Lotrando: **A/---** sušený velbloudí trus se
používá jako palivo.

=====00:59:28

Holčička: Jak se jmenuješ?

Hálí: Hálí!

Holčička: **A jak/---** ty?

Béli: Béli!

Holčička: A ty?

Zelí: Zelí! **Já doma taky mít takové**
dítě jako ty! / *Já mám doma dítě.*
Syna.

Holčička: A jak se jmenuje?

Zelí: Malý Zelí!

Hálí: **A pro tebe, sestro neprovdána,**
prsten! / *Pro tebe mám prsten,*
neprovdaná sestro. Drnec: Tvoje
sestra neprovdána půjde taky! /
Tvoje sestra půjde taky s námi.

Drnec: **A japato** / *jak pak to?*

Hálí: **Japato/---** protože náš sultán
Solimán...

Zelí a Béli: Vládce náš, slunce naše
jasné!

Hálí: Nechte toho furt! Až doma! Tady
nemusíte... Protože náš sultán
Solimán říká: **Sestra - s sebou! Ona**
tvoje pravá ruka... / *že máš vzít*
sestru s sebou.

Drnec: **A to teda ne!** / *To ne. Anička*
zůstat tady! Ona pravá ruka mojí
ženy! Máni. / Anička zůstane doma.
Pane Hálí, jestli byste chtěl vědět,
kdo by moh bejt moje pravá ruka...
tak je to tady učenej Lotrando! / *se*
mnou by mohl jít mladý Lotrando.

Lotrando: Já?

Háli: My dáme hlavy dohromady.

Drnec, **ty zlobíš!** / *ty nás zlobíš. Ale at' je po tvojem.* / *At' je po tvém.*

Lotrando: Děkuju, pane Drnec!

Poznám cizí kraje... A porovnáám vše s vědomostmi získanými četbou knih. / *Těším se na studium cizích krajů.*

Drnec: **No/---**, hlavně musíme mít **nabroušený** / *nabroušené sekery!*

Lotrando: **Jo! To jo...** /---

[Zpívají:]

Putování, putování/---, putování za prací...

Lotrando: Cože, za prací?

Drnec: Ale neboj!

Před sluncem nás klobouk chrání, mech je naší matrací.

Cizí lidé v cizím kraji, cizí kraj a obyčej.

Trochu vody vždycky dají, opláchnem si obličej.

Zeměkoule, **jak jsi** / *je hezká*, tady cesta, tady stezka,

Tady pole, tady les, stoupáme až do nebes!

Putování, putování/---, putování za prací.

Před sluncem nás klobouk chrání, mech je naší matrací

Cizí lidé v cizím kraji, cizí kraj a obyčej.

Trochu vody vždycky dají, opláchnem si obličej.

Máte to daleko?

Máme to daleko!

Máme to daleko ještě!

Jak asi daleko?

Nesmírně daleko!

Tam, kde jsou tropické deště!

Putování, putování/---, putování za prací...

Lotrando: Za prací?

Drnec: Neboj... jedem!

Před sluncem nás klobouk chrání, mech je naší matrací.

Putování... Putování...

Putování... Putování...

Putování...

====01:03:00

Sultán Solimán: Už jedou?

Hlídač: Nejedou!

Sultán Solimán: Nelži!

Hlídač: Už jedou! **Na mou duši, jedou!**

/---

Sultán Solimán: Jedou! Jedou! Tak vidíš! Když se díváš pořádně, tak jedou!

[Lidé křičí:] **Ryby, ryby, rybičky!**

Kulaté melouny! Přímou z vodičky!

Zahnuté banány! Čerstvá zelenina!

Čerstvé ryby! Nekupujte ryby!

Ryby smrdí! / *Ryby, kupte čerstvou zeleninu.*

Háli: Náš nejmilostivější pane! Pane sultáne Solimáne! Vlád...

Zelí a Béli: Vládce náš, slunce naše jasné!

Háli: To to trvalo... Přivádíme ti věhlasného lékaře z ostrova **jménem** / *zvaného* Evropa... Je to doktor Nec a píše se **přesně** / --- podle tabulky! **Z čehož je patrné, že jsme kápeli na toho pravého, a ještě k tomu tuplovaného doktora! Neboť je to nejenom Dr Nec, ale ještě k tomu Dr Voštěp!** / *Kápli jsme na toho pravého. Je to nejen Dr-nec, ale i dr-voštěp.*

Sultán Solimán: **No, podívejme!** / *Podívejme se.*

Háli: **A toto zde je jeho pravá ruka, asistent Lotrando!** / *Je s ním i jeho asistent Lotrando.*

Sultán Solimán: **A Háli/---** kde je Lustig?

Háli: **Lustig zajat v boji s českými bandity** / *Byl zajat v boji s českými*

zločinci. My sami jsme doktory našli a tady jsou! / *Sami jsme doktora našli.*

Sultán Solimán: **Pojďme, pojďme.** / *Pojďte.*

=====01:06:43

Sultán Solimán: Tak se na ni podívejte, **pane doktor** /---.

Háli: Máš ji **prohlídnout** / *prohlédnout!*

Drnec: Já? **Járku, ta holka je jak zelinka, ňáko se mi nelíbí.** / *Je jako zelinka. Nějak se mi nelíbí.*

Lotrando: Mně **jo** / *se líbí*, pane Drnec.

Drnec: **No což o to, to** /--- mně taky...
Ale je taková... drobátko **tento** /--- nedomrlá!

Sultán Solimán: Co říkají?

Háli: Odborný lékařský **pindy**.

Drnec: **Hubená jak šindel, žádnou barvu to nemá... Nic do ní není.** / *Je hubená, nemá zdravou barvu.*

Lotrando: **Ale ne, že by nebyla hezká.** / *Ale je hezká.*

Drnec: **No, hezká vona je.** / *To ano. Přijde mi, že to d'ouče marodí.* / *Je nemocná.*

Sultán Solimán: Pořád **pindy**?

Háli: Doktor **si myslí** / *říká*, že je nemocná.

Sultán Solimán: **Tak to víme taky.** / *To vím taky. Řekni mu /---: Kdo předtím neuzdravil / Kdo ji předtím neuzdravil, dostal rákoskou. Od ted'ka, kdo neuzdraví, šmyk - hlavičky dolů!* / *Odted' kdo ji neuzdraví, přijde o hlavu. A tím ušetříme náklady na zpáteční cestu...*

Drnec: Řikal něco zajímavýho?

Háli: **Moc** / *Ani ne. Venku já / vám všechno přeložím.*

La Mad: **Odkud pak jste, mládenče?** / *Odkud jste?*

Lotrando: **Zadní Lhota - severně od Makotřas.** / *Ze Zadní Lhoty. Je to severně od Makotřas. Vy mluvíte po našem, paní?* / *Vy mluvíte česky?*

La Mad: Přeju vám štěstí! **Víte, já jsem jenom prostá** / *Jsem jen chůva a sultán na mě moc nedá. Ale podle mě chyběji princezně tři obyčejné věci.* / *Ale myslím si, že princezně chybí tři obyčejné věci.*

Háli: **Pojďte. Pojďte! Není čas na výbavu.** / *Pojďte, není čas.*

La Mad: Hlavně, abyste se ve zdraví vrátili domů.

=====01:09:07

Háli: **A kdyby vám léčení, náhodou, nepovedlo se, vy kratši o hlavu** / *Kdyby se vám léčení nepovedlo, nechá vás sultán popravít. To děláme tady, na tom špalku* / ---.

Lotrando: **A** / --- kdo je ten pán?

Háli: **To je** / --- náš kat. Ahoj, Hassane!

Hassan: Nazdar!

Drnec: Nazdar! **Háli, Háli, propánakrále, my dva ji máme uzdravit?** / *Háli, kamaráde, my ji máme uzdravit?*

Háli: **No. Proto vy tady.** / *Ano. Proto jste tady.*

Lotrando: Háli, kamaráde, co to povidáš? **Na léčení jsou přece doktoři - do-kto-ři! No?** / *My přece nejsme doktoři.*

Háli: **No? On, doktor!** / *On je doktor. On má před jeho jménem "Dr"! / Má přece před jménem „dr“.*

Drnec: **Panenko skákavá, jaképak já jsem doktor?** / *Já nejsem doktor. Háli, dyť já jsem vobvčejnej drvoštěp!* / *Háli, já jsem drvoštěp!*

Háli: Dr Voštěp, nebo Dr Nec - **to nám fuk!** / *to je nám jedno.*

Lotrando: **Ale né doktor Voštěp, ale drvoštěp!** / *Ale on není doktor Voštěp, ale drvoštěp. On - dřevorubec!* / *On je dřevorubec.*

Háli: Co to?

Drnec: **No, k čemu myslíš, že máme s sebou tyhle fídlátka?** / *Proč si myslíš, že máme s sebou sekery?*

Háli: **Ty ne doktor?** / *Ty nejsi doktor?*

Drnec: **Ne doktor!** / *Ne.*
Háli: **Japato?** / *Jak pak to? V tom případě vy/--- pojďte se mnou!*
Lotrando: Kam?
Háli: Tam! Tudy, tam! **Tohle bude vaše bydliško!** **Tady vy budete radši.** / *Tady budete bydlet.*
Drnec: **A japato?** / *Jak pak to?*
Háli: **Japato protože kdyby vy někomu vytroubili, že vy ne doktoři, na špalek nejprve hlava Háli, a potom Béli, i Zeli... Všecky naše hlavičky by padaly.** / *Kdybyste řekli, že nejste doktoři, tak popraví mě. A pak by popravili Béliho a Zeliho.*
Drnec: No, tak v takový šlamastice jsem ještě nebyl...
Lotrando: Pane Drnec!
Drnec: No?
Lotrando: **Není to náhodou vězení, tohleto?** / *Není tohle vězení?*
Drnec: Jo, **to bude šatlava / tohle bude vězení.**
=====01:11:50
Zubejda: La Mad?
La Mad: Copak, **děvenko /---**?
Zubejda: **A tatínek to myslel vážně, že ti dva přijdou o život, když mě neuzdraví?** / *Opravdu přijdou ti dva doktoři o život?*
La Mad: **Nejspíš myslel, princezno.** / *Asi ano princezno.*
Zubejda: Je mi jich líto.
La Mad: No, to mně taky, děvče. Ale pochybuju, že tě vyléčí. **Ti/---** nevypadají **ani/---** jako doktoři.
Zubejda: Ale, ten mladej, vypadá jako princ.
La Mad: **Jo...?** Ale jako **ňákej/---** hodně **chudej** / *chudý princ...*
Zubejda: **Říkalas, že tam /---** u vás, má každý muž rád **jenom** / *jen jednu ženu.*
La Mad: **Jenom jednu!** / *To je pravda.*
Zubejda: **A /---** oni jsou z tvé země?

La Mad: Ano, **oni** / --- jsou od nás, od Makotřas.
Zubejda: A / --- nemohli bychom jim nějak zachránit život?
La Mad: Když tě neuzdraví, tak jim není pomoci...
Sultán Solimán: Doktoři tady nejsou?
La Mad: Nejsou.
Sultán Solimán: A kde jsou? **Jaktože / Proč neléčí?**
=====01:13:14
La Mad: Krajani! **Krajani** / ---, někoho vám vedu!
Lotrando: Kde se tu berete, pane Lustigu?
Lustig: Inu, svět je malý, a o náhody tu není nouze!
Lotrando: **Pane Lustigu** / ---, to je pan Drnec.
Lustig: Těší mě. **Ale** / ---, dostali jste se do překerní situace! **Já mám sice na sultána jistý vliv, ale jak jde o Zubejdu, nezná bratra!** / *Mám na sultána vliv, ale ne, pokud jde o Zubejdu.*
=====01:13:58
Sultán Solimán: Kde máš doktory, Háli? Proč neléčí?
Háli: **Doktoři?** / --- **Když oni doktoři, sultáne Solimáne, vládce náš... / Když oni jsou doktoři, sultáne Solimáne, vládce náš...**
Sultán Solimán: **Ale zkrat' to!** / ---
Háli: **když oni jsou zalezlí / někde zalezlí. A míchají všelijaký mastě... A léčivý nápoje, taky. / A tam míchají masti a léčivé nápoje. A prej jim vadí slunce! Naše zlaté...! / A prý jim přítom vadí slunce. No tak, potřebujou být v chládku. / Potřebují být v chládku.**
=====01:14:36
Lustig: **A kdy že má být poprava?** / *Kdy má být poprava?*
Drnec: Už **zeitra** / *zítra.*
Lustig: **Už?** / --- To to uteklo...

Lotrando: "Princezně chybí tři obyčejné věci," říkala **ta**/--- chůva... **Tři věci!** /---

Drnec: Myslel jsem, že jim ukážeme, jak za to umíme vzít. / *že tu budeme kácet stromy.* **Maj** **to tady zarostlý, hanba povídat!** **V takovém baráku se drží vlhkota! Houba, plíseň a škvoři!** / *V domě se drží vlhko, plíseň a škvoři.*

Lotrando: A kam **nechodí** / *nemůže* slunce, tam **chodí** / *musí* lékař... Počkat... Ted' mě něco napadlo! Co kdyby se...

Lustig: Myslíte celkově?

Drnec: Co říkal?

Lustig: Co kdyby se...

Drnec: Ale vzal bych to **pořádně** / *celkově, žádný pižlování!*

Lustig: **Háli, je doutníkovéj.** / *A Háli má rád doutníky.*

=====01:15:31

Háli: **My** / --- ted' vykonáme vaše poslední přání. **Krátká vycházka** / --- , a pak hajdy ke špalku. **A Drnec, proč vy taháte s sebou ty vaše fídlátka?** / *Drnec, proč máte s sebou sekery?*

Drnec: **No proč?** /--- Aby nám je někdo **neukrad** / *neukrad!*

Háli: **Drnec, já nespál celou noc!** / *Já jsem nespál celou noc. Vy přijít o hlavy! Ale když ne vy, tak my!* / *Kdybyste nebyli popraveni vy, tak nechá sultán popravít nás. Já radši nechat všechny hlavičky na krkách.* / *Já bych radši nechal všechny hlavy pěkně na krku.*

Drnec: **No** / --- to já taky!

Lustig: **Hej** / ---, pane Háli, velký pane Háli! Na slovíčko! Něco bych pro vás měl... Z Kutné Hory... **Klasa!** /---

Háli: Mohu přičuchnout?

[Zpívají:]

Lepší než almužna, lepší než lup
Je pila dvojmužná, ostrý má zub.

Jdi na to s **fortelem**, nedří se moc.
Ať se s tím poperem, než bude noc.
Ať se s tím poperem, než bude noc

Háli: **Co oni to tam dělají?** / *Co to dělají?*

Lustig: Zpívají národní písně. To u nás **někdy** /--- věžňové na procházkách před popravou dělají.

Řízni, řízni, řízni, ať to krásně vyzní
Řízni, řízni, řízni, ať to má ten švuňk.

Háli: **A co že přítom** / *Proč dělají* takový rámus?

Lustig: **Asi tancujou** / *Tancují* dupáka.

Háli: **Aha... A dupáka** / *Dupák je* válečný tanec?

Lustig: Něco na ten způsob.

Žízni, žízni, žízni, klidně si nás trýzni.
S hostinským jsme v přízni, nachystá nám **truňk**.

Lepší než almužna, lepší než lup
Je pila dvojmužná, ostrý má zub.
Jdi na to s fortelem, nedří se moc,
Ať se s tím **poperem**, než bude noc.
Ať se s tím **poperem**, než bude noc.

Vypravěč: **Ted' si možná říkáte: To už není žádné šolichání, ted' už Lotrando setsakramentsky pracuje...** / *Ted' si říkáte, že Lotrando pracuje. Inu, asi pochopil, že jsou v životě chvíle, kdy to bez práce opravdu nejde. / Asi pochopil, že to v životě bez práce nejde. A že (to jen tak mezi námi) ne všechny rady rodičů bývají vždy moudré. / A jen mezi námi: Ne všechny rady rodičů jsou vždy moudré.*

Zubejda: Chůvo? La Mad! Pojd' se podívat! **Tak pojd'!** /---

La Mad: Udělali nám tady pěknou paseku...

Zubejda: Co to **tu**/--- voní?

La Mad: **Co by?** /--- Dřevo a směla.

Zubejda: **Ne ne** / ---, ještě něco...

Drnec: Jestli to nebude ten můj chleba s tvarohem! **Ten tvaroh totiž čím je starší, tím víc voní!** /---

Zubejda: Dej mi kousnout!

La Mad: Princezna **loudí o jídlo** / *prosi jídlo*. **Tak to tady** / *To tu ještě nebylo!*

Lotrando: Tak si pojď pro něj! Kousneš si a stejně **to** / *tvaroh* vyplivneš!

Zubejda: I ne!

Zubejda: **Eště...** / *Ještě*

Hálí: Teda Drnec, todle, todle **ty** / *si* vypiješ! **Co, co jste to tady tancovali za dupáka?!** / *Tančili jste dupáka?*

Všecky stromy na maděru! Co až to uvidí náš sultán Solimán?! / *Co tomu řekne sultán Solimán?*

Zélí a Béli: Vládce náš, slunce naše jasné!

Sultán Solimán: Doktoři... Zlatička moje... Ona papá! Ona nepapá...

Drnec: **A japato?** / *Jak pak to?*

Sultán Solimán: Ona se nACPává! **Co vy** / *jste to, chlapi, našli za recept?*

Drnec: Jednoduchá věc! Kam nemůže slunce, ---/ **tam** musí doktor... **Já to věděl, ale tady mladýho to trklo dřív.**

La Mad: Tři jednoduché věci **to děvče potřebuje** / *potřebovala: Světlo / Slunce, vzduch a ještě...*

Sultán Solimán: Volejte "sláva"! A tři dny se radujte! Volejte "sláva", a tři dny se radujte...

Hlídač: Volejte "sláva"! A pět dní se radujte!

Sultán Solimán: TŘI DNY se radujte!

Hlídač: ...a tři dny se radujte...

Všichni: Sláva!

=====
01:24:45

Lustig: Líbí se ti?

Lotrando: **Ona** / --- je taková... jak bych to **řek** / *řekl?* Taková...

Lustig: **Appetitlich?**

Lotrando: Ano!

Lustig: Zatancuj si s ní!

Lotrando: Myslíte, že bych směl?

Lustig: **Co by ne** / *Proč ne?*

Lotrando: Páni muzikanti, --- / *hřejte polku!*

Zubejda: **Když** / *Viš, já jsem spíš na břišní...*

Lotrando: Na břišní?

La Mad: Zubejda, dívej se!

Sultán Solimán: Hálí, zeptej se, proč se doktor neveselí. **Když je bohatý a živý?** / *Je přece bohatý a živý?*

Hálí: Drnec, **proč ty neveselý, když ty ne hlavička dolů?** / *Proč nejsi rád, když jsi živý?*

Drnec: **No, inu, vono je to těžký! Ještě včera nás chtěl připravit vo krk.** / *To je těžké, ještě včera nás chtěl dát sultán popravit. S takovejma dá ten kamarádšoft fušku!* / *S takovýma se skamarádím se jen pomalu.*

Sultán Solimán: Co říkal?

Hálí: Odborný lékařský pindy...

Lotrando: Polka, **ta** / --- není vůbec těžká! **Podívej!** Tu bych tě naučil v **několika lekcích** / ---.

Zubejda: **To je hezký zvyk, co tam u vás máte** / *Máte hezký zvyk.*

Lotrando: Jaký zvyk?

Zubejda: **No myslím** / --- jeden muž a jedna žena. **No žena** / ---

Lotrando: To je u nás normální. **Tak například pan Drnec má paní Drncovou** / *Pan Drnec má doma ženu. A dost! A* / --- pan Lustig, než ovdověl, měl paní Lustigovou. A dost!

Zubejda: A ty?

Lotrando: Já? Já nemám nikoho.

Zubejda: A dost?

Lotrando: A dost.

Zubejda: **Víš, co je zvláštní? Ty neznáš naši řeč, já neznám vaši, a přece si rozumíme.** / *Ty neznáš mou řeč a přesto si rozumíme. Čím to je? Nevím, čím to je.*

Lotrando: **Nevím.** Podívej, **tam, tam** / -- to je souhvězdí Orion! **Támhle, Cassiopeia!**

Zubejda: **Hvězdy umíš jmenovat. Sekerou se ohánět.** / *Znáš hvězdy, umíš poctivě pracovat...*

Lotrando: **Prej** / *Přý se budeš vdávat...*

Zubejda: Budu sedmá žena...

Lotrando: **Sedmá žena? A** / -- koho?

Zubejda: **Ňákýho** / *Nějakýho sultána...*
=====01:29:43

Háli: Převežete doktory přes poušť, **vsadíte na loď a hajdy zpátky** / *a vrátíte se!*

Drnec: **Jo, ale kde vězí ten kluk?** / *Kde je Lotrando?*

Lustig: **Pane Drnec!** / -- Pane Drnec...
Je zle! Lotrando **stůně** / *je nemocný!*

Drnec: Hrom aby do toho...

Lustig: Aby to tak byla malárie...

Drnec: **Moh by to taky bejt jenom úžeh** / *Třeba je to jen úžeh.*

Lustig: Ježišmarija...

La Mad: Copak tě bolí? **Začíná to tady?**
A končí to tady?

Lotrando: Tady taky!

La Mad: **Jestlipak jsem si to nemyslela** / --! Je zamilovaný až po uši.

Drnec: **Proboha svatýho, do koho by se tady moh zamilovat?** / *Do koho?*

La Mad: **No do koho?** / -- Do koho asi?

Nic si z toho, **chlupče** / --, nedělej,
Zubejda **to taky chytla** / *je na tom stejně. Celou noc blouznila... a do ted'ka* / *Od rána jsem ji musela učit polku!*

Lotrando: A naučíte mě břišní?

La Mad: Jakože se La Mad jmenuju...

Lustig: Teď myslí na **trdlování** / *tanec,*
Lotrando...

La Mad: Proč jste mi neřekli, že se jmenuje Lotrando. Synáčku! Tak tě můj čtyřlístek přece **jenom přivedl ke mně** / *jen za mnou přivedl. Vincek ti ho dal?* / *Máš ho od Vinca.*

Lotrando: **Matičko!** / *Maminko!*

La Mad: **Inu** / --, svět je malý, a o náhody tu není nouze...

Lotrando: **Ale** / --, jak to že se jmenujete La Mad, **matičko** / *maminko?*

La Mad: **Tak si opakuj to méno!** / *Tak si to opakuj.*

Lotrando: La Mad? La Mad, La Mad,
La Mad, La Mad, La Mad... Madla!

Pane Drnec, nejsem sirotek! **Jenom** / *Jen polosiretek!*

Zubejda: Lotrando! Už umím polku! A tatínek proti tomu nic nemá!

Lotrando: Proti čemu? Proti polce?

Zubejda: Ale ne. **Že** / -- abysme se měli rádi. Nejdřív zuřil, že jsme každý z jiné země, jiného náboženství.

Jiného jazyka, no a že to není rozumný / --. Ale ubřečela jsem ho!

La Mad: Tři obyčejné věci potřebovala k uzdravení... Světlo, vzduch... a lásku! A teď je má všechny!

=====01:33:06

[Zpívají:]

Lotrando a Zubejda: Nám se stalo něco překrásného, nám se stalo něco divného. Našla dívka kluka nešťastného, zamilovala se do něho.

La Mad, Lustig, Drnec: Jim se stalo něco překrásného, jim se stalo něco divného. Našla dívka kluka nešťastného, zamilovala se do něho.

Lotrando: Já jsem ten nešťastník.

Zubejda: Já jsem ta slečna.

Lotrando a Zubejda: Je z toho najednou láska neskutečná.

Lotrando: Já jsem ten nešťastník.

Zubejda: Já jsem ta slečna.

Lotrando a Zubejda: Je z toho najednou láska neskutečná.

Lotrando: Na světě mě **pranic** / *nic*
netěšilo, teď mi přijde, že je bezvadný
Zubejda: Mně se taky zdá, že je tu milo,
přibrala jsem kilo za dva dny.
Lidé: Ptali se jí, proč si vyvolila právě
toho muže za muže. Řekla, že to
způsobila síla, která všechny síly
přemůže. Jim se stalo něco
překrásného, jim se stalo něco
divného. Našla dívka kluka
nešťastného, zamilovala se do něho.
Lotrando: Já jsem ten nešťastník!
Zubejda: Já jsem ta slečna.
Lotrando a Zubejda: Je z toho najednou
láska neskutečná.
Lotrando: Já jsem ten nešťastník!

Zubejda: Já jsem ta slečna.
Lotrando a Zubejda: Je z toho najednou
láska neskutečná.
Lotrando: Já jsem ten nešťastník!
Zubejda: Já jsem ta slečna.
Lotrando a Zubejda: Je z toho najednou
láska neskutečná
=====01:36:25
Vypravěč: **Vy byste asi nakonec rádi
věděli, jestli spolu měli taky děti.** /
*Asi byste rádi věděli, jestli spolu měli
děti.* Měli! **A představte si: Ani
jedno z nich se nestalo loupežníkem**
*/ A představte si, že ani jedno z nich
se nestalo loupežníkem.*

Как мы видим, перевод звукового ряда в титры сопросождается не только сокращением текста, причем в ряде случаев сокращением существенным (что в случае его большого объема ожидаемо), но и синонимическими заменами, нередко сопровождаемыми заменами стилистическими. Что же касается грамматических и лексических элементов собственно-чешского обиходно-разговорного койне и диалектизмов, то их с экрана зритель слышит, как видно из прилагаемых материалов, намного чаще, чем может прочесть в титрах.

Литература / References

- Изотов А. И. Чешское обиходно-разговорное койне vs русское просторечье // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Лингвистика. 2013. № 1. С. 52-60.
- Изотов А.И. Эскиз частотного словаря ядра обиходно-разговорной чешской лексики // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 48. М.: МАКС Пресс, 2014. С. 5-25.
- Изотов А.И. Диалект в чешском художественном тексте // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2015. №3(15). С. 115-126.
- Изотов А.И. Чешская диалектология. М.: МАКС Пресс, 2022. 184 с.
- Сталл П. Обиходно-разговорный чешский язык // Вопросы языкознания, 1960, № 2. С. 11-20.
- Velký česko-ruský slovník. Voznice: LEDA, 2005. 1432 s.

АВТОРЫ ВЫПУСКА / AUTHORS

Изотов, Андрей Иванович / Izotov, Andrey I. – доктор филологических наук, профессор кафедры славянской филологии филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
e-mail: a.i.izotov@mail.ru

Изотова, Анна Александровна / Izotova Anna A. – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языкознания филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
e-mail: a.a.izotova@mail.ru

Кульпина, Валентина Григорьевна / Kulpina, Valentina Grigorievna – доктор филологических наук, доцент кафедры славянских языков и культур факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
e-mail: vgrkulpina@mail.ru

Сивова, Татьяна Викторовна / Sivova, Tatyana V. – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики Гродненского государственного университета имени Янки Купалы (Республика Беларусь)
e-mail: sitavi@tut.by

Научное издание

**ЯЗЫК
СОЗНАНИЕ
КОММУНИКАЦИЯ**

Выпуск 64

Электронные версии (.pdf) всех опубликованных выпусков доступны на
http://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/jsk_index.html

Представляя рукопись в редколлегию,
авторы тем самым выражают согласие с их безгонорарным опубликованием
в сборнике «Язык, сознание, коммуникация» в печатном и/или электронном виде

Ответственность за высказываемые идеи несут исключительно авторы статей

Издательство ООО «МАКС Пресс»
Главный редактор: *Е. М. Бугачева*

Подписано в печать 28.04.2023 г.
Формат 60х90 1/16. Усл.печ.л. 6,5.
Тираж 500 (1–30) экз. Изд. № 061.

Издательство ООО «МАКС Пресс»
Лицензия ИД N 00510 от 01.12.99 г.
119992, ГСП-2, Москва, Ленинские горы,
МГУ им. М.В. Ломоносова,
2-й учебный корпус, 527 к.
Тел. 8(495)939-3890/93. Тел./Факс 8(495)939-3891.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов в ООО «Фотоэксперт»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, д. 42,
корп. 5, эт. 1, пом. 1, ком. 6.3-23Н

Для заметок

Для заметок

